

Вриндаван

Воспоминания об одном
священном городе Индии

Говард Уиллер

Хаягрива Свами

Говард Уилер
(Хаягрива Свами)

Вриндаван

ББК 26.89
УДК 910
У 36

«Вриндаван» — Говард Уиллер (Хаягрива Свами)

Мы сердечно благодарим всех, кто принимал участие в подготовке этой книги, тех, чьими молитвами и стараниями она стала доступной на русском языке.

Перевод с английского: Зюльганов А.

Редакция: Мадхурья Кадамбини даси (Багненко М.)

Корректор: Малини д.д. (Авсеева А.)

Переложение «Шикшаштаки» на стихи: Сурабхи д.д. (Киреева С.)

Я очень благодарен доктору П.С. Хари Прасад (Шьямакунде дасу) за то, что он показал мне множество мест во Врадже и терпеливо объяснил многое из того, что мне было непонятно. Я также очень признателен Ямуне деви даси и Гуру-крипе Прабху за их беседы, а также всем, кто принимал участие в издании этой книги.

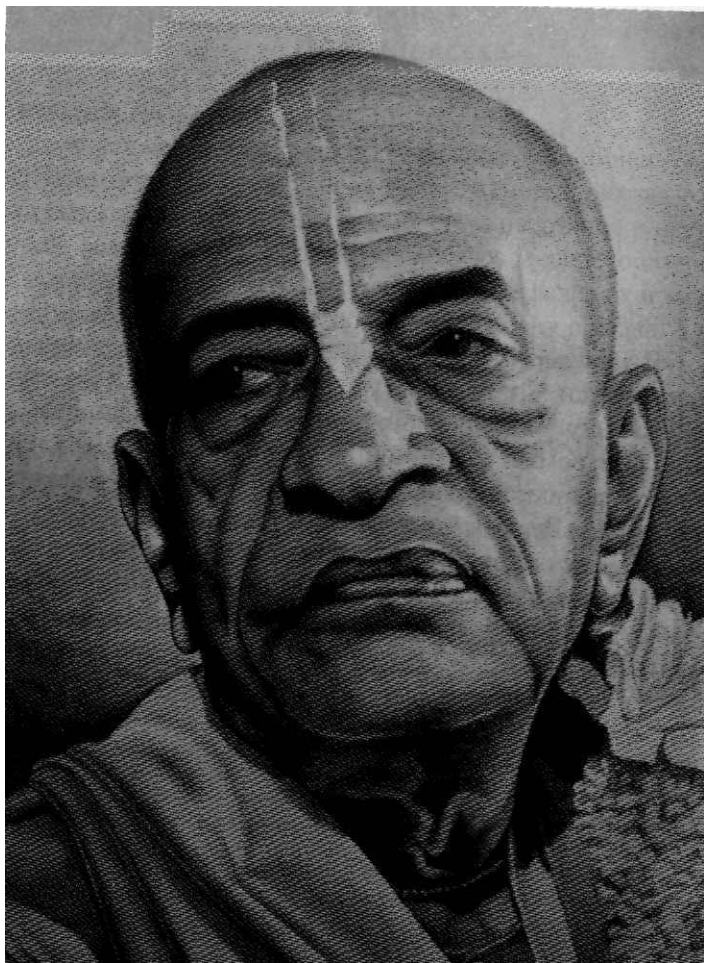
Хаягрива Свами

Книги издательства «Облако нектара» можно заказать по адресу:

E-mail: ajita.caitanya.jps@cis.pamho.net
madhurya.kadambini.rsd@pamho.net

Все права защищены. Полная или частичная перепечатка, копирование и хранение в памяти компьютера допускается только с письменного разрешения издателей.

© Copyright 2004 «Облако нектара»

Книга посвящается человеку, подарившему нам Вриндаван
А . . Ч . Бхактиведанте Свами Шриле Прабхупаде

«В *трансцендентной* обители Вриндавана живут богини удачи, принявшие облик пастушек, и больше всех на свете они любят Кришну. Здесь растут деревья, исполняющие любые желания, а по земле, созданной из философского камня, струятся потоки нектара бессмертия. Тут что ни слово, то песня, что ни шаг, то танец, а флейта - вечный спутник Господа. Бесчисленные коровы обильно заливают землю молоком, и всё сияет, подобно солнцу. Поскольку каждое мгновение во Вриндаване отдано служению Кришне, здесь нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего».

«Брахма-самхита»

Глава 1

Индрапрастха

20 октября 1972 года

Когда утренняя заря окрашивает горизонт, наш «Боинг-747» делает круг над Нью Дели. Под нами простирается Индо-Гангская равнина, и покрытая дымкой земля начинает приобретать очертания и цвета жизни, отмеченной человеческим трудом, проявляясь в виде обширной сети дорог и зданий, а на городских окраинах - в виде зелёных и коричневых лоскутков маленьких ферм. Плотность населения составляет здесь семь тысяч человек на один квадратный километр, и эта область является одной из самых густонаселённых в мире. В самой столице проживает около четырёх миллионов человек, большинство из которых сейчас погружено в сон.

Эта страна с плодородной землёй, хотя она и подвержена периодическим засухам. В мае - июне она изнемогает под палящим солнцем, а в июле и августе её затопляют проливные дожди. Во время сезона дождей огромные разливы Ганги и Ямуны наносят с Гималаев ил, который удобряет почву и кормит миллионы индийцев.

Издrevле эти реки Индии считаются священными. Согласно древним Ведам, Ганга стекает с лотосоподобных стоп Вишну и ниспадает на волосы Шивы, а Ямуна, её сестра, течёт мимо Индрапрастхи, Матхуры и Вриндавана, обители Кришны.

Древние книги называют эту землю Бхарата-варшей, царством императора Бхараты. С незапамятных времён здесь процветали империи, состоящие из таких разных людей, как Пандавы и Кауравы, дравиды и арьяны, марьяны и гупты, мусульмане и британцы. Пять тысяч лет назад Господь Кришна, полубоги, демоны и воины выбрали её в качестве арены для свершения своих духовных и ратных подвигов. В то время Дели назывался Индрапрастхой и был знаменит тем, что являлся столицей царства *Махараджа* Юдхиштхиры. Сам Господь Кришна помог Юдхиштхире вернуть назад его царство в битве на Курукшетре, которая проходила на равнинах примерно в ста сорока километрах к северу от Дели. Сквозь века до нас не дошли те боевые кличи, грохот колесниц, топот лошадей и трубные звуки раковин. При раскопках на Курукшетре не было обнаружено никаких признаков катаклизма, хотя предание гласит, что в 3138 году до н.э. здесь погибло тридцать

миллионов солдат.

Я вижу голубые огни аэропорта «Палам», которые мгновенно исчезают, стоит самолёту накрениться. Мы опускаемся, машина садится на взлётную полосу, и шасси слегка подпрыгивают. Двигатели дают задний ход, и в салоне загорается свет. «Пожалуйста, оставайтесь на своих местах до полной остановки самолёта»...

Я собираю свой ручной багаж - фотоаппарат, плёнки, бритвенный набор, блокноты, Бхагавад-гиту, мешочек с чётками - и выхожу на передвижной трап, ведущий вниз к вокзальным автобусам.

Меня атакуют сотни ароматов, вызывая образы из моего первого путешествия в Индию. Здесь всё по-прежнему, как и семь лет назад. Запах горящего коровьего навоза, баньяна, дикой финиковой пальмы, манго, эвкалипта и маргоша, кардамона и куркумы, едкий дым от жареного чили, приправ, тмина и сигарет *биди*, выхлопные газы автомобилей и автобусов, мятный аромат пана - орехов *бетеля*, из-за которых рот становится красным, запах благовоний из жасмина и хны и бесчисленные ароматы, навевающие воспоминания.

Автобус везёт нас через бетонную площадку к главному терминалу, где сонные служащие ставят в паспорта штампы и проверяют визы. Повсюду разбросан багаж с предыдущих рейсов. Уставшие и раздражённые пассажиры ищут свои сумки, толкаясь и ругаясь. Ремень транспортёра застрял, и грузчики, для которых не существует понятия «хрупкий», просто выбрасывают сумки на пол.

Мой рюкзачище кидают в одну из куч, и я начинаю проталкиваться вперёд. Добравшись до багажа, я беспомощно останавливаюсь. Самому мне свою поклажу не унести. Передо мной возникает круглое смуглое лицо *кули* с большими глазами, подведёнными *каджалом*. У него на голове плотно свёрнутый, словно подушка, джутовый тюрбан. Он кладёт свою грязную маленькую руку на мой рюкзак.

- Носильщик, *сахиб*! Я понесу?

На вид ему лет восемнадцать, он невысокий и жилистый, одет в *дхоти* и футболку с надписью «Я могу быть для вас всем чем угодно». Поднатужившись, он поднимает рюкзак на плечо, а затем с трудом перекидывает на голову. Между нами возникает неожиданная связь: из шестисот миллионов индийцев он первый, кто заговорил со мной. Он немного пошатывается, затем восстанавливает равновесие. Тёмные глаза умоляют:

- Один доллар, *сахиб*.

Его лоб морщится под тяжестью ноши. Вены на шее набухают.

- О нет, - говорю я. - Никаких американских денег.

- Один доллар, сахиб, - повторяет юноша, делая такое движение, будто он собирается поставить рюкзак на землю. Но я знаю, что он не сделает этого после того, как он с таким трудом поднял его.

- Две рупии, - настаиваю я.

Несмотря на тяжесть, ему удаётся покачать головой из стороны в сторону, что является типичным для Индии жестом согласия. Мы прокладываем себе путь к пункту таможенного контроля, где одетый в униформу служащий спрашивает, что в рюкзаке.

- Личные вещи, - отвечаю я, и он показывает носильщику, что можно проходить.

Обмен долларов в обменном пункте «Банка Индии» - это долгий процесс, требующий заполнения бумаг в четырёх экземплярах. Наконец, я получаю горсть рупий и следую за своим носильщиком за двери терминала. Трёхметровая ограда защищает меня от толпы орущих таксистов.

- Давайте сюда, господин! Я отвезу вас в хороший отель неподалёку. Всего двадцать рупий. Только посмотрите! Поехали! Моё такси здесь рядом, сахиб. Можете заплатить как вам угодно. Лучший пятизвёздочный отель, сахиб, с кондиционером, рядом...

Я слишком измучен, чтобы торговаться, и они это знают. Для меня сейчас не шесть часов утра четверга по делийскому времени, а шесть часов вечера среды. Для восстановления моего обмена веществ потребуется несколько дней.

В аэропорту есть официальный пункт заказа такси с фиксированными ценами, чтобы иностранцев не обманывали, а таксисты не поубивали друг друга в борьбе за клиентов. Однако я снова сталкиваюсь с тем, что мне нужно заполнить бумаги в четырёх экземплярах.

- Куда вам? - спрашивает круглолицая женщина.

- Не знаю, - стою я в полном замешательстве.

- Но вам же надо куда-то? - на её лице удивление.

- Я не знаю, - повторяю я.

- Вы не можете заказать такси в никуда, - качает она головой.

- Тогда «Коннот плейс», - я называю торговый центр Дели.

- Вам лучше остановиться в отеле «Моти махал», - говорит она. - Это рядом с Коннот Секл. Двенадцать рупий.

Я отдаю деньги и следую через стоянку за моим носильщиком. Он находит выделенное мне такси под номером 40002. Водитель, *сикх* в огромном тюрбане, берёт квитанцию с моим заказом и начинает спорить на *хинди* с носильщиком. Всё, что я могу уловить, это слова «Моти махал». Мой рюкзак, наконец, погружается в багажник, и я протягиваю

носилищику его две рупии. Он отказывается, показывая пять пальцев.

- Пять рупий, - говорит он.

Я кладу четыре рупии в карман его рубашки и сажусь в такси. Носильщик поднимает возмущённый крик, сикх рычит что-то в ответ, защищая меня, поскольку теперь я его клиент. Уже отъезжая, я оглядываюсь назад и вижу, как кули пересчитывает свои рупии и довольно улыбается.

Не считая такси, въезжающих и выезжающих из аэропорта, городские улицы пустынные. Бездомные целыми семьями спят на тротуарах, возле заборов и ворот, в открытых парках, на газонах, в подворотнях, на лужайках разделительной полосы перед массивным правительственным зданием, у подножия памятников Викторианской эпохи, под солнечными часами и сюрреалистическими розоватыми обелисками обсерватории «Джантар мантар». Некоторые из людей начинают шевелиться, всё ещё укутанные в шерстяные одеяла, несмотря на приятное октябрьское утро. Лавки, торгующие паном, сигаретами и чаем, которые всегда открываются первыми, пока закрыты. Мой водитель пользуется тем, что уличное движение слабое, и с удовольствием проезжает на красный свет.

- Из какой вы страны, господин? - интересуется мой водитель.

Наши глаза встречаются в зеркале заднего вида. Даже для сикха среднего возраста он слишком тучен. Сетка для волос на бороде делает его похожим на *панду* в тюрбане.

- США, - отвечаю я.

- США, - повторяет он. - Америка. Богатая страна, не так ли?

- Индия тоже богата.

- Да, - соглашается он, - но слишком много бедняков. Здесь очень, очень сложно заработать, господин.

Я не отвечаю, заканчивая беседу, и наступает короткое молчание перед тем, как он предпринимает ещё одну попытку.

- Вы надолго остановитесь в Дели, господин?

- Нет.

- Здесь есть очень много достопримечательностей, господин. Из вашей страны тоже приезжает много туристов. Вы привезли фотоаппарат? - он заметил мою ручную кладь. - Я могу показать вам хорошие места - Красную Крепость, Кутб Минар, сады Лоди. Если вы арендуете такси на весь день, я дам вам специальную цену. Или на два, три, четыре часа - как пожелаете. Вы можете платить за час столько, сколько хотите, господин.

- Я не турист.

Лихач, не снижая скорости, оборачивается ко мне:

- Господин, очень хорошая цена! Я могу забрать вас в девять.

- Нет, - стою я на своём. - Я уже всё посмотрел.

Он возвращает внимание обратно на дорогу, мгновение размышляет, затем снова изучающе смотрит на меня через зеркало заднего вида.

- Поменять доллары, господин? - он смотрит на меня с надеждой. - Я дам вам восемь за доллар. Банк даёт только семь.

- Нет, спасибо.

- Ну хорошо. Девять.

- Не сейчас.

- Девять и два - лучше цены не бывает. Спросите любого. Столько вам не предложит больше никто.

- Позже, - отвожу я глаза.

- Что-нибудь продать, господин? Фотоаппарат? Часы?

- Нет.

- Может, хотите купить шёлковые *сари* из Бенареса? - не сдаётся он. - Кашмирские ковры? Камни?

- Нет.

- А как насчёт хорошего *чараса*, господин? - он без нужды переходит на шепот. - Самый лучший гашиш. Он отправит вас в другой мир. Всего двадцать за *толу*.

- Я не курю, - отрезаю я.

- Тогда девочки. Я знаю очень чистых, они регулярно проверяются. Индийские девушки, господин. Я всё устрою.

- Нет.

- Белые девушки-христианки?

- Нет.

- Или две девушки, господин, в стиле «Кама-сутры»?

- Я же сказал НЕТ! - кричу я, изумляя нас обоих.

Что за гостеприимство на земле религиозности! Тем не менее, нет никаких причин портить с ним отношения.

- Прошу прощения, - говорю я подчёркнуто. - Я очень устал. Длинный перелёт. Просто отвезите меня в гостиницу, чтобы я мог выспаться.

- Ачча, - он снова сосредоточивается на управлении машиной.

Возле «Коннот плейс» замечаю знакомые вывески: «Королевский кинематограф», «Кхади бхаван», «Америкэн эспресс», «Булочная Венгера». Внутренние колоннады поддерживают ярусы бесчисленных ювелирных и антикварных магазинов, магазинов элитной одежды, ресторанов, авиакасс и банков. Через несколько часов эти здания наполнятся людьми, но сейчас их железные ставни и ворота закрыты и

они выглядят безжизненными. По всему центральному парку под рванными одеялами, грубыми рогожами и даже кусками картона начинают шевелиться бездомные. Целые семьи, разбуженные солнечным светом, внезапно появившимся из-за зданий, потирают глаза. Позже они будут просить у иностранцев милостыню – несколько пайсов на чай, рис, *чапати*.

Наша машина сворачивает с кольцевой дороги влево, на главное городское шоссе Джанпатх. Мы едем мимо касс авиалиний «Эйр Индия», офисов Департамента туризма, пока не останавливаемся перед отелем «Моти махал». Одного взгляда на сверкающий плюмаж портье мне достаточно, чтобы понять – ночевать я буду где-то в другом месте.

- Слишком дорого, – говорю я таксисту.

- А сколько вы хотите платить?

Я колеблюсь. Коварный вопрос. Если скажу рупий сто, он ответит меня в гостиницу, где комната стоит сорок, скажет управляющему взять с меня сотню, а тридцать рупий присвоит себе. Шрила Прабхупада всегда напоминает нам: «Это мир обманщиков и обманутых».

- Минимально возможную плату, – я лукавлю.

- Сколько? Тридцать? Сто?

- Столько, сколько платят хиппи, – говорю я, но затем, боясь оказаться в общей спальне вместе с ворами и блохами, добавляю: – Но там должно быть чисто и должна быть ванная комната.

- Ачча! Ванная комната. Я знаю одно хорошее место, господин.

Он разворачивает такси и направляется обратно к «Коннот плейс», затем сворачивает на узкую улочку между офисами Департамента туризма и «Эйр Индия». Скромные вывески сообщают, что здесь располагаются гостиница «Аджанта» и гостиница «Джанпатх», которые являются частью большого трёхэтажного здания. Мы останавливаемся напротив гостиницы «Аджанта». Я стучу в закрытую парадную дверь, и появляется маленький мускулистый непалец.

- Комнаты есть? – спрашиваю я.

Его улыбка означает положительный ответ. Он достаёт мой рюкзак из багажника, и я даю таксисту щедрые чаевые в размере пяти рупий. Тем не менее, он со скорбью смотрит на деньги, как на жалкие гроши. Прежде чем он начинает жаловаться, я разворачиваюсь и следую за непальцем вверх по тёмной лестнице.

Управляющий гостиницей дремлет на скамейке за своей стойкой. Проснувшись, он передаёт мне журнал для заполнения анкеты: имя, серия паспорта и номер визы, дата и место выдачи, национальность, аэропорт отбытия, домашний адрес, дата прибытия в Индию, профессия,

цель приезда, следующий пункт назначения и т.д. Меня начинает охватывать странное чувство, что за мной следят. Мне кажется, что индийское правительство может наблюдать за мной, даже когда я просто иду по своим делам в толпе среди шестисот миллионов индусов. Я напуган. Если от меня ожидают чего-то дурного, зачем было вообще давать визу?

- Тридцать рупий, - говорит управляющий, даже не взглянув на то, что я написал.

Перед тем как заплатить, я осматриваю комнату. Она такая же тесная, как комната в общежитии ХСМЛ в Манхеттене; в ней едва ли хватит места, чтобы я мог лечь в полный рост, и всего одно окно, на улицу. По крайней мере, здесь чистые простыни и крепкая кровать. Кран с горячей водой отсутствует, но холодная вода есть. Потолок в ванной комнате едва достигает шести футов в высоту - достаточно просторно для непальца, но мне придётся нагнуться, чтобы войти. Непалец с гордостью показывает на туалет:

- Смотрите! Как на Западе!

Это значит, что гостиница «Аджанта» удовлетворяет требованиям западных туристов, а иначе вместо унитаза в отхожей комнате была бы просто дыра в полу, над которой пришлось бы сидеть на корточках, по-индийски. Я отдаю тридцать рупий, запираю дверь, снимаю туфли и носки и совершенно обессиленный падаю поперёк кровати. Всего в ста тридцати километрах вниз по реке меня ждут Вриндаван и Шрила Прабхупада. Скоро я буду там, в обители Кришны.

Последний звук, который я помню, это звук флейты и *ситара*, наигрывающих утренние раги из расположенного где-то далеко приёмника.

Глава 2

Дорога в Матхуру

Мне снятся беспокойные, странные сны, похожие на наркотические видения. Я возношусь, как демон из «Рамаяны», отрываясь от пола и взлетая в воздух. Носильщик с толстым слоем каджала на глазах хватается мой рюкзак и швыряет его через весь аэропорт. Я теряю его из виду и впадаю в панику. Через решётчатое окно слышатся звуки автомобильных клаксонов, крики торговцев, гудки моторикш. Всё это во сне или наяву?

С улицы проникает аромат благовоний и печёных чапати. Вскоре я снова вижу сон. Каким-то образом оказавшийся во власти юго-западного муссона, я пробираюсь по затопленным улицам и ищу убежища в гостинице «Нью-Говардхан». Управляющий вручает мне книгу записи

постояльцев. Заполнение новой анкеты обязательно для всех иностранцев, и вскоре моя рука начинает болеть от писанины. Мне нужно заполнить сотни страниц. Вопросы, задаваемые Центральным правительством Индии, становятся всё более подробными и личными: «Вы повторяете *мантру*, когда моетесь? О чём вы думаете, когда занимаетесь сексом? Вы когда-нибудь мошенничали?»

Я просыпаюсь, и сон лопаётся, как мыльный пузырь. Одуревший от смены часовых поясов и ночных кошмаров, я лежу на спине, неспособный пошевелиться. Где я? Однозначно, не в Западной Вирджинии. Харе Кришна. Где-то на этой планете. Ага... вчера, «Коннот плейс». Свет раннего утра проникает через решётку. Это гостиница «Аджанта» на улице Джанпатх. Я проспал почти двадцать четыре часа.

Когда мы просыпаемся, мы выходим из-под влияния низшей *гуны*, гуны невежества. Противоядие: холодный душ и маха-мантра. Все *преданные* обязаны повторять шестнадцать кругов маха-мантры Харе Кришна каждое утро, что занимает около полутора часов.

О горячем душе в «Аджанте» мечтать не приходится. Я ныряю под ледяной дождик. Стоя на полусогнутых ногах в крошечной кабинке, намыливаюсь нимовым мылом. Когда холодная вода бежит из душа, она кажется ещё холоднее. Я пытаюсь сесть на корточки, по-индийски, но теряю равновесие и падаю, стучаясь о ребристые оловянные стены. Как у индийцев получается делать всё наоборот, и почему такие сложные гимнастические трюки даются им столь легко? Даже сидя на корточках, когда девятые врата находятся всего в сантиметре от земли, они чувствуют себя очень естественно и удобно. В этой позе они опорожняют кишечник, моются, подметают, едят, курят, болтают и даже, согласно «Кама-сутре», зачинают детей. Всякий раз, пытаюсь сесть на корточки, я падаю назад. Не удивительно, что индийцы смеются над нашими западной неуклюжестью.

Я надеваю чёрный летний костюм и галстук, остатки моего гардероба со времён преподавательской работы в Огайо. Я был в этом же костюме в офисе Денни-холл, когда мой коллега, доктор Мохан Лал Шарма, убедил меня отправиться в Индию в 1965 году. Но во время той поездки в Индию я носил только джинсы и шотландские рубашки. Хипповые года. Теперь я снова вернулся к чёрному костюму. Прабхупада попросил, чтобы я приехал в Индию в нём. «Я представлю тебя как профессора Уилера», – сказал он.

В таком наряде я скорее похож на христианского проповедника, в Индии только миссионеры носят чёрные костюмы. Когда я оборачиваюсь кругом, меня ожидает сюрприз: моя индийская *шикха*, маленький

предательский пучок волос! Харе Кришна! В этом костюме я выгляжу менее вызывающе, чем в дхоти. Сейчас «белые танцующие слоны» Прабхупады - бритоголовые, одетые в шафран американцы и европейцы - шокируют всю Индию, так же как они повергли в шок Запад. Такое пересечение культур, являющееся табу, может быть опасным.

В десять утра я нанимаю моторикшу до междугороднего автовокзала. Моторикша - это хитроумная шумная конструкция на трёх колёсах с двухпоршневым мотоциклетным двигателем и задним сиденьем, достаточно большим, чтобы там могли уместиться два американца. Я видел, как десять индийских школьников втиснулись в одну моторикшу, и при этом водитель всё равно останавливался, чтобы взять дополнительных пассажиров. В Дели моторикшами обычно управляют сикхи - наши бородатые с тюрбаном на голове друзья по имени Сингх (лев). Сикхи называют себя потомками древних ведических *кшатриев*, которые сражались на Курукшетре. Мне и правда кажется, что я на поле сражения, когда водитель, словно воин древности, мужественно ведёт нашу «колесницу» сквозь едва преодолимый поток машин.

Одной рукой я держу рюкзак, другой судорожно сжимаю перила. К ветровому стеклу, где католики помещают медальоны со Святым Христофором, приклеены цветные изображения Гуру Нанак и Господа Шивы, который, стоя на коленях, пригоршнями пьёт яд из океана. К внешней стороне защитного козырька рикши прикреплён шиваитский трезубец, похожий на радиоантенну. Этот трезубец, острый и воинственный, говорит о том, что мистера Сингха никому не запугать. Он издаёт пронзительные звуки из сигнального рожка: биийп-биийп-биийп и

несётся, как рассерженная оса, то внутри, то снаружи устрашающей массы уличного транспорта: машин, автобусов, грузовиков, воловьих повозок, велосипедов, рикш, к которым примешиваются пешеходы, козлы, ослы и коровы. Он готов встретиться лицом к лицу с любой опасностью, чтобы доставить меня к автовокзалу. Он даже умудряется поиграть с цыплятами в грузовике, на секунду притормозившем рядом с нами. Грузовик, шатающийся от груза, украшен, как рождественская елка. Вжик, вжик. Он ревёт рядом, всего в нескольких сантиметрах от нас.

Мы проезжаем Красную Крепость и Джаму Масджид, крупнейшую мечеть в Индии. У Кашмирских Ворот мы задеваем бок бычьей повозки, затем вылетаем на противоположную полосу навстречу приближающимся рикшам. Они объезжают нас слева и справа, и мы проскакиваем между ними. Чудесное спасение из лап смерти! Мой водитель выглядит так, будто он выиграл джек-пот.

«Никогда не было так, чтобы не существовал Я, ты и все эти цари, - говорит Кришна Арджуне. - И в будущем никто из нас не перестанет существовать».

На вокзале старый седовласый кули ставит мой рюкзак себе на голову и показывает на свою медную табличку с номером 346602. Вид у него почему-то очень испуганный, а глаза бегают. Ну да ладно, выбирать не приходится.

- Какой автобус? - спрашивает носильщик.

- Вриндаван, Матхура.

- Вриндаван, Матхура? Ачча!

Я щедро плачу моему водителю, затем следую за номером 346602 в бетонный лабиринт автовокзала. Старик задаёт такой темп, что мне приходится перейти на трусцу, чтобы не отстать. Десятки автобусов

приезжают и уезжают, ревя двигателями и сигнальными сиренами. Здесь ничего не меняется до тех пор, пока не сломается совсем. Автобусы и джипы выглядят устрашающе со своими лысыми покрышками, изношенными тормозами, отсутствующими глушителями, расшатанными корпусами, которые сели на оси от перегрузки, и Бог знает какими ещё внутренними дефектами. В Америке ни одна из этих машин никогда бы не была допущена к эксплуатации на дорогах.

Кули ставит мою сумку посреди толчеи перед билетной стойкой. Мне удаётся обратить на себя внимание кассира, продающего билеты. Он никуда не спешит и спокойно игнорирует нетерпеливые крики толпы.

- Вриндаван! - прошу я. - Один билет.

- Вриндаван? - он замечает мои *кантхи-малы* и мешочек для чётки и одаривает меня красной от бетеля улыбкой. - Ачча! Харе Кришна!

Я складываю ладони в *намасте*. Этот неожиданный жест впечатляет его так сильно, что он покидает своё место и сопровождает меня к автобусу на Матхуру, который из всех автобусов имеет самый ужасный вид.

- Харе Кришна, Харе Рама, - говорит он.

Я даю ему четыре рупии за билет, и он удостоверяется, что кули ставит мой багаж рядом с сидением.

- Автобус отправляется через двадцать минут. Через три часа Матхура. Затем *тонга* до Вриндавана. Вы в Сева-кундж?

- Да, - говорю я. - Храм Радха-Дамодары.

- Бхактиведанта Свами, - говорит он одобрительно. - *Садху. Гуру.*

Он благоговейно прикрывает глаза, давая мне понять, что для него большая честь - оказать Его Божественной Милости любую незначительную помощь.

Он покидает меня с тёплым чувством того, что позаботился обо мне. Я не просто турист на пути к Тадж-Махалу, подобно большинству иностранцев, проезжающих мимо Матхуры и Вриндавана на «Тадж экспрессе», у которых одна цель - сфотографировать комплекс для любимой женщины. Они даже не подозревают о том, что проезжают мимо духовного центра Индии. Кантхи-малы и пункт назначения делают из меня нечто аномальное, и люди с удивлением тарачатся на меня.

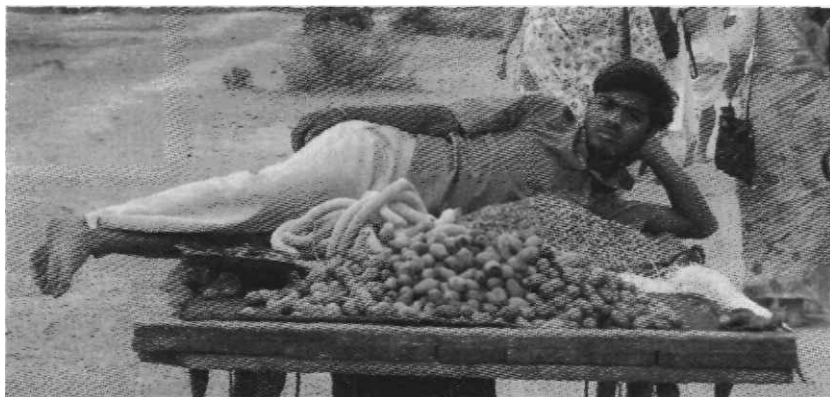
«Индия - это страна контрастов», - прочитал я однажды в путеводителе. Насколько же это верно! Горы и пустыни, жара и холод, засухи и муссоны, богатство и нищета, красота и уродство, любовь и ненависть, учтивость и грубость, безразличие и бескорыстная услужливость - всё это живёт бок о бок, сменяя друг друга как свет и тень.

Автобус быстро наполняется людьми. Все места заняты, затем заполняются проходы. Водитель зажигает благовоние и украшает

гирляндой изображение Господа Кришны на маленьком алтаре на приборной доске, и автобус наполняется сладким ароматом жасмина. Пожилые женщины в сари прокладывают себе путь через проход, держа сумки наперевес. Водитель заводит двигатель и сигналиит. Торговцы фруктами и арахисом спешат на выход, тогда как последние пассажиры стараются забраться внутрь. Толкотня усиливается.

Кто-то стучит по борту автобуса, предупреждая водителя, что путь свободен. Гудок воеет, словно фанфары в день страшного суда. Через окна врываются клубы выхлопных газов, и пассажиры закрывают лица шальями и носовыми платками. Мы вливаемся в поток уличного транспорта.

Мы выезжаем на матхурскую дорогу и едем в южном направлении мимо усыпальницы Гамаюна и тенистых манговых деревьев. Вдоль дороги сикхские школьники в тюрбанах играют в футбол. Полицейские в коричневых шортах проезжают мимо на велосипедах. Вдоль обочины стоят рикши, наполненные старыми покрышками и мешками с хлопком. Торговцы продают с бычьих повозок бананы и апельсины офисным служащим, ждущим автобусы.

Перед нами промышленные трущобы Фаридабада. Уличное движение становится ещё более жутким - повсюду воловьи тележки, верблюжьи повозки, ослиные упряжки, слоны и огромные самосвалы с горами песка, на вершине которых примостились рабочие. Их тёмные, мускулистые тела покрыты пылью, и банданы развеваются на ветру.

Фаридабад - это кошмар Индии, возникший там, где на границе Великой Индийской пустыни ранее процветало не менее восьми городов - от Индрапрастхи до британского Нью Дели.

Сейчас фабрики порождают трущобы, где в хижинах из мешковины и картона живут бок о бок тысячи семей.

Я удивляюсь тому хаосу, который царит вдоль шоссе: рабочие толпятся вокруг кирпичных и металлолитейных цехов, мужчины и мальчишки возле водяных насосов намыливают друг друга и поливают водой из вёдер, а буйволы купаются в зеленоватых прудах и трутся под финиковыми пальмами, на которых нет ни одного финика.

Ранее этот округ был так прекрасен, что один поэт-урду даже выгравировал на стенах Дивани-кхаса: «Если и есть на земле рай, то вот он, вот он, вот он». Помнится, как пять лет назад, сидя на скамейке в нью-йоркском Нижнем Ист-Сайде, Шрила Прабхупада сказал: «Есть одно маленькое пятнышко, покрывающее твоё чистое сознание, и когда оно будет устранено, ты увидишь всё в истинном свете - как Вайкунтху».

Постепенно уличное движение ослабевает. Четырёхполосное шоссе становится двухполосным, и воздух начинает очищаться. Трущобы и фабрики уступают место маленьким полям, где быки с длинными закрученными рогами обрабатывают посевы. Участки разделены низкими каменными стенами, а крестьяне живут в глиняных хижинах, стоящих под сенью баньянов.

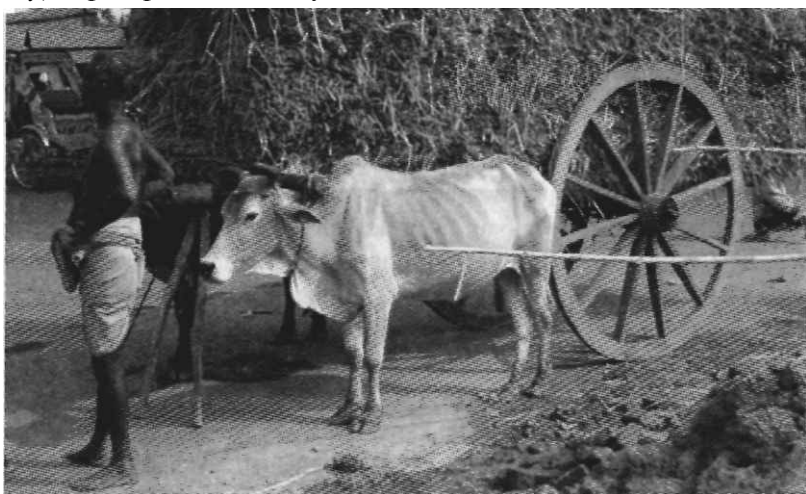
Я смотрю в окно и пытаюсь запоминать пейзажи. Затем неожиданно чувствую, что за мной наблюдают. Я поднимаю глаза и вижу изучающие взгляды. Если начать так же внимательно глядеть на них, несколько человек отвернётся, но остальные будут смотреть ещё пристальней.

В конце большинство глаз оставляют меня в покое, но несколько упорных взглядов продолжают бурить меня. Я снова отворачиваюсь к окну и вспоминаю, как Господь Чайтанья Махапрабху шёл первый раз во Вриндаван. Заслышав в лесу крик павлина или пастушью флейту, Он погружался в транс, и охваченный чувством разлуки, спрашивал у птиц и растений про Кришну. Каждый ручеёк напоминал Ему о священной Ямуне. Господь шёл из одного святого места в другое, танцевал и пел

маха-мантру Харе Кришна, а олени и тигры вторили Ему.

С тех пор прошло пятьсот лет, железный век Кали набрал силу, и я еду во Вриндаван как животное, втиснутое в железную клетку. Сирена пронзительно визжит, предупреждая всё живое, что с дороги лучше убраться.

Мои попутчики - не признанные философы и не интеллектуалы, а фермеры, ремесленники, портные, торговцы апельсинами и арахисом, сапожники, гончары, строители, погонщики быков, каменщики и сборщики манго. Простые роли. Но им посчастливилось родиться в обители Кришны, стать *бриджабаси*. С колыбели их научили считать Кришну своим особым Другом. Из уважения они отдали переднее сидение двум садху, которые с полужакрытыми глазами повторяют *джану*, перебирая чётки из туласи.

Из штата Харьян мы въезжаем в Уттар Прадеш, и щебёночная дорога превращается в плохой гудрон. Поля Уттар Прадеша не так хорошо возделаны, но они пышнее и красивее. Тут больше кустарников, эвкалиптов и нимов, а пампасная трава, серебряные перья которой достигают трёх метров в высоту, бурно разрослась вдоль обочин.

На горизонте появляются несколько кирпичных домов, храм и водонапорная башня. Мы сворачиваем с главного шоссе и въезжаем в Коши, ворота округа Матхуры. Наше прибытие вдохновляет хор вокзальных торговцев, предлагающих апельсины и жареный арахис. Мухи роятся вокруг подносов с *джалеби* - сладкими, в сиропе, жареными спиралями из гороховой муки. Пассажиры через окна покупают жареные орехи с *алу-бхуджией* и молотым чили.

Стайка детей-оборванцев под окном пытается привлечь моё внимание. Они бросают на меня самые жалостливые взгляды и просят рупии.

Откуда такая убо-
гость, когда совсем
рядом Господь
Баларама ждёт Своего
брата Кришну?

Через десять
километров после
Коши - короткая
стоянка в деревеньке
Чатта, некогда
носившей название
Чатраван, потому что

- здесь *гопи* держали
над головой Кришны зонтик (*чатру*). Во время антибританского
восстания в 1857 году большинство деревень было сожжено.

Виднеются высокие арочные ворота гостиничного двора и полураз-
рушенные каменные чатры. До сегодняшнего дня уцелели только две из
них, они одиноко возвышаются над остатками стен из красного
песчаника. Ведические цари строили чатры не только ради их архитек-
турной красоты, но и для того, чтобы привлечь мудрецов, которые могли
оставаться здесь неделями и проводить беседы на духовные темы для
блага царя и всего царства. Всё это в прошлом. Теперь на главной
дороге сиротливо ютятся лишь несколько чайных лавок в глинобитных
хижинах, да пара щитов с рекламой панамских сигарет и газировки.

Через двадцать минут пути мимо кукурузных полей и посевов са-
харного тростника мы сворачиваем с главной магистрали влево на
просёлочную дорогу. Маленький указатель гласит: «ВРИНДАВАН. 5
км». Я высматриваю храмовые шпили, но ничего не видно - мешают
заросли кустарников и трава. Хотя это прямая дорога, общественный
транспорт тут не останавливается. Нужно будет доехать до Матхуры и
затем вернуться назад.

Баньяновые и нимовые деревья, раскинувшиеся под чистым лазур-
ным небом, радостно протягивают свои листья навстречу солнцу.
Странно, что не видно Ямуны, она должна быть уже за этими тростнико-
выми полями.

*джаярадхе, джая кришна, джая вриндаван
шри говинда, гопинатха, мадана-мохан*

«Слава Радхе и Кришне и божественному лесу Вриндаван. Слава Шри Говинде, Гопинатхе и Мадана-мохану».

Ещё восемь километров и мы подъезжаем к окраинам Матхуры. С главной дороги видно двух- и трёхэтажные городские строения. Над линией горизонта господствует мечеть Аурангзеба. По мере того, как маленькие поля уступают место группкам глиняных хижин, а боковые улочки выходят на главную дорогу, людей становится больше. Булыжные мостовые кишат вшивыми собаками, козлами и свиньями. Носятся дети, а коровы задумчиво жуют жвачку.

Всего за сто последних лет местное население, превышающее сейчас 130 000 человек, разрушило идиллическую атмосферу Матхуры.

В восьмидесятых годах прошлого века здесь было так много оленей, что невозможно было пройти и километра, чтобы не увидеть стадо, перебегающее через дорогу. В то время коровы Матхуры превосходили своей численностью людей, а более половины округа было занято сельским хозяйством.

Само название «матх», означающее «взбивать», ассоциируется с местом, богатым коровами и маслом.

*Девушки Матхуры и коровы Гокулы
Не исчезнут никогда, пока не позволит судьба.*

Матхура! Я чувствую, что приехал домой. В Соединённых Штатах я - чужой среди своих, чужестранец на родине. Теперь, глядя в изумительно разнообразные лица жителей Северной Индии, я чувствую, что знал их, жил и умирал вместе с ними века назад в этих древних деревнях. Здесь я свой и, наконец, приехал домой, чтобы воссоединиться со своей духовной семьёй в царстве Кришны.

Торговцы что-то кричат мне, размахивая деревянными чётками и яркими набивными тканями шафранового цвета с *санскритскими* надписями. Да! Это сегодняшняя Матхура.

Глава 3

Краткая история

Матхура! Место рождения Господа Кришны. Родной город Бога.
- Муттра! Муттра! Муттра! - кричит помощник водителя.

Автобус останавливается у одной из вокзальных платформ. Матхура. Муттра. Матура. Британцам нравилось произносить «Муттра», возможно потому, что это больше всего соответствует местному диалекту. Но это произношение кажется таким же устаревшим, как «хиндус». Сегодня говорят «Матхура».

В «Сканда-пуране» сказано, что история Матхуры начинается в Сатья-югу, более двух миллионов лет назад. Дхрува Махарадж совершал здесь *аскезы*.

Шримад-Бхагаватам повествует, что более миллиона лет назад, в

Трета-югу, область Матхуры была густым лесом, в котором жил огромный великан-людоед по имени Мадху. Самодовольный демон назвал этот лес в свою честь - Мадхуван - и завещал его своему сыну, свирепому Лаване. В то время планетой правил Господь Рама, царь Айодхьи.

Сверхчеловек Лавана вызвал Раму на поединок, он хотел сразиться с Ним один на один, но Рама счёл Лавану недостойным соперником и послал на бой Своего младшего брата Шатругну, который, убив Лавану, вырубил Мадхуван и основал на его месте город Мадху-Пури.

Совсем недавно, всего пять тысяч лет назад, здесь проходили игры Господа. В то время трон принадлежал роду Бходжа, потомкам великой династии Яду. Последним императором в этом роду был царь Уграсена, а его единственным сыном был Камса. Хотя в должный срок Камса должен был быть коронован, он, чтобы получить трон раньше времени, заключил отца в тюрьму и незаконно захватил престол. Камса был не обычным смертным, а воплощением демона Каланеми, которого много веков назад убил Сам Господь Вишну.

О своей прошлой жизни Камса узнал от мудреца Нарады. Нарада предсказал, что Господь Вишну появится как сын Васудевы и Деваки, сестры Камсы, и снова убьёт Камсу. Надеясь обмануть судьбу, Камса посадил Васудеву и Деваки в тюрьму, и как только у них появлялись дети, он убивал их. Когда Деваки забеременела в седьмой раз, Верховный Господь появился в её чреве в образе Господа Баларамы. *Йога-майя*, личная энергия Господа, перенесла Балараму из лона Деваки в лоно Рохини, одной из жён Васудевы, во Вриндаван. А все решили, что у Деваки случился выкидыш.

Восьмой ребёнок Деваки, Кришна, был зачат и родился не обычным образом. Он явил перед Васудевой и Деваки Свой сияющий образ цвета грозовой тучи. В четырёх руках Он держал раковину, булаву, диск и цветок лотоса. У Него были длинные волосы, чёрные, как вороново перо, а Его прекрасные тёмные глаза формой напоминали лепестки лотоса. На Нём были одежды из жёлтого шёлка, ожерелья, браслеты, серьги, корона и другие украшения из драгоценных металлов и камней. Воистину, великолепие Его тела само освещало все направления.

Деваки боялась, что Кришну постигнет та же участь, что и других её детей. «Я понимаю, что Твой неземной облик открывается только великим мудрецам, - сказала она, - но я всё равно боюсь. Как только Камса поймёт, что Ты здесь, он попытается убить Тебя. Поэтому, пожалуйста, стань невидимым для наших материальных глаз».

Господь избавил Деваки от страхов, приняв Свою изначальную двуручную форму Кришны и заколдовал всех обитателей дворца Камсы. Тюремные стражники погрузились в глубокий сон, а ворота темницы распахнулись. Тогда Васудева взял Кришну, принявшего облик младенца, на руки и перенёс в Гокулу, на другой берег Ямуны. Там, пока все спали, он обменял Кришну на новорожденную девочку, дочку царя пастухов Нанды Махараджа и его жёны Яшоды. Затем он вернулся обратно в тюрьму.

Камсе сообщили о рождении очередного ребёнка, и он поспешил в темницу. Демон схватил новорождённую и бросил об пол, но она взмыла вверх и приняла облик восьмирукой богини, владычицы материальной природы. «Глупец! - громовым голосом сказала она. - Ты не можешь убить меня и остановить приход того, от чьей руки тебе суждено погибнуть. Он уже родился, и твоя смерть близка».

Тогда Камса разослал по свету могущественных демонов, чтобы они нашли и убили всех младенцев, в надежде, что среди них окажется Кришна. Но Кришна со Своим братом Баларамой с лёгкостью победили всех их.

Кришна жил с приёмными родителями на прекрасной земле Вриндавана, пас коров, общался со Своими друзьями - *гопами* и *гопи*.

Испокон веков мудрецы медитируют на Его радостные детские игры, считая их точными копиями вечной жизни в духовном небе. Всё в играх Господа Кришны божественно и полно чудес: танцы с *гопи*, дружба с мальчиками-пастушками, расправа с демонами, покровительство жителям Вриндавана и коровам и многие приключения.

Юношей Кришна покинул Вриндаван и отправился в Матхуру, где победил Камсу в честном поединке и вернул Уграсене трон.

Кришна семнадцать раз защищал Матхуру от нападений Джарасандхи, самодовольного царя Магды (современный Раджгир в Бихаре), а потом ушёл в Двараку на побережье современного Гуджарата. Там Он правил богатым царством.

Матхура попала в руки Джарасандхи, который разрушил там все дворцы и храмы, а вместо них возвёл новые здания в честь своей победы. Позднее Господь Кришна, Бхима и Арджуна захватили Магду, убили Джарасандху и сожгли его столицу.

Говорят, что Ваджранабха, правитель Матхуры и сын Анируддхи, внука Кришны, построил на месте рождения Господа Кришны храм.

Кроме ссылок в «Рамаяне» и «Махабхарате», а также более поздних упоминаний в Пуранах, которые фиксируют наступление Кали-юги и смерть Махараджа Парикшита (внука Арджуны) в 3042 году до н.э., нет никаких точных исторических упоминаний о Матхуре вплоть до перехода через Инд Александра Македонского в 326 году до н.э.

Хотя культы *бхакти*, посвященные Господу Кришне, существовали в Матхуре за столетия до появления Христа, там процветала буддийская культура, после того как император Ашока поддержал эту веру в третьем веке до н.э. Около 175 года до н.э. Пушьямитра Сунга, почитатель бога солнца, чье происхождение неизвестно, отразил греческое нашествие Деметрия из Бактрии. Пушьямитра захватил Матхуру и положил начало сопротивлению *брахманов* против буддизма. В это время Патанджали составлял справочник по санскритской грамматике. В Юга-пуране Гаргасамхиты был предсказан приход греческих завоевателей в

144 году до н.э.:

«Затем эти злобные завоеватели, покорив Сакету [Айодхью], царство Панчалы [область севернее и западнее Дели, от Гималаев до реки Шамбалы] и Матхуру, возьмут Кусума-дхваджу [Паталипутра, современная Патна], и в каждой провинции непременно воцарится хаос».

Начиная с первого или второго века до н.э. с северных перевалов мигрировали *саки* и основали своё государство в Пенджабе и Матхуре.

«Саки» - это прозвище, которым индийцы пренебрежительно называли афганцев и другие племена, которые обитали на северо-западных границах.

С точки зрения географии север Индии наиболее уязвим для нападений. Столетие за столетием солдаты переходили через горные перевалы на северо-западе и пересекали Инд. Кого только здесь не было: персы, греки и афганцы, армии Александра Великого, Махмуда Газневи, Тимура и Бабура. Ничто не могло воспрепятствовать нашествию орд из Центральной Азии. Они перешли через Инд и пошли по пути наименьшего сопротивления, обойдя знойную пустыню Раджпутана и ступив на плодородные равнины Ганги и Ямуны, богатые наносной почвой, способной прокормить огромные армии. Ганга и Ямуна протекали через

духовный и культурный центр Индии, её сердце, и это был лакомый кусок для завоевателей, которые могли легко захватить и удерживать его. Воистину, здесь было суждено возникать империям.

Буддийские скульптуры Сарнатха и Матхуры датируются временем правления Канишки во втором веке н.э. Они представляют собой великолепные резные статуи Будды в натуральную величину и бодхисаттвы¹, чьи лица и изящные развевающиеся одежды являют собой наилучшее сочетание влияния греческой культуры на индийское искусство. Как и Ашока, Канишка посвятил себя распространению

буддизма, хотя его предки были зороастрийцами. Во время его

Бодхисаттва — (бодисатва) (санскритское: просветлённый или тот, кто стремится к просветлению), в раннем буддизме и в книгах школ Малой колесницы имя Будды Шакьямуни до просветления; в махаяне бодхисаттва это: 1) небесные существа, достигшие просветления, но продолжающие перерождаться, чтобы помогать освобождаться другим; 2) монахи (и даже миряне), давшие обет достигнуть просветления из сострадания к другим существам, а не для себя; 3) образец для подражания, наставник, ведущий людей по пути совершенствования к достижению нирваны.

правления и правления его наследников архитектура также процветала, и улицы Матхуры украшали множество красивых зданий. Матхура привлекала буддийских паломников даже из таких дальних краёв, как Китай. В 400 году н.э. Фа Гиан путешествовал по Индии в поисках древних буддийских текстов. Он написал, что большинство жителей Матхуры были верными буддистами. Там было не менее двадцати буддийских монастырей и три тысячи буддийских монахов.

В 320 году н.э. Чандрагупта основал династию Гупта. Он управлял из Паталипутры, и его сын Самудра присоединил Матхуру к империи Гупты. Его внук, Чандрагупта Викрамадитья, построил грандиозный храм в месте рождения Господа Кришны, который стоял вплоть до нашествия мусульман в 1018 году. Вместе с Гуптами начался индийский ренессанс, золотой век музыки, скульптуры, живописи и архитектуры. Частичный распад империи в 480 году был ускорен нашествием кочевых племён гуннов, пришедших из Центральной Азии. Со смертью Харши в 647 году империя распалась на маленькие царства, о которых истории ничего не известно.

В седьмом веке Матхуру посетил Гвен Цанг. Он отметил, что там были возведены пять храмов в честь ведических богов, и что количество буддийских монахов сократилось до двух тысяч. «Люди [Матхуры] добры и доверчивы, - писал он, - и черпают радость в совершении достойных похвалы поступков ради будущей жизни». В то время почва была плодородной, и зерновые росли в изобилии. Там выращивался замечательный хлопок, и повсюду росли огромные манговые леса. Гвен Цанг даже описывает два различных вида манго: большое манго, которое остаётся зелёным, и маленькое жёлтое.

К девятому веку все буддийские монастыри в Матхуре были разрушены. Жители Матхуры вновь обратились к Ведам, которые ранее отверг Будда.

Эта перемена обычно приписывается влиянию учения Шанкарачарьи. Точные даты рождения и смерти Шанкары неизвестны, но большинство учёных причисляют его к восьмому или девятому веку н.э. В любом случае, к девятому веку его ведическая доктрина достигла успеха в ослаблении буддизма в Индии.

Мусульманские нашествия двенадцатого века нанесли смертельный удар буддизму как организованной религии в Индии. Чтобы избежать резни, буддийские монахи бежали в Непал и Тибет.

В 1018 году н.э. Махмуд Газневи и его мусульманские полчища напали на Матхуру. Секретарь Махмуда, Мир Алутби, пишет в «Тарихх-и-Ямини»:

«Индусский царь по имени Кулчанд был слишком уверен в своих силах, потому что его ещё никто не побеждал. Он правил обширными территориями, владел огромным богатством и возглавлял многочисленную и храбрую армию с гигантскими слонами. Когда Кулчанд увидел приближающегося к нему Махмуда Газневи, он выстроил свою армию и слонов в огромном лесу [маха-ване]. Неспособные отразить натиск захватчиков, индусы оставили крепость и попытались пересечь широкую реку [Ямуну]. Когда около 50 000 человек были убиты или утонули, Кулчанд взял кинжал, убил свою жену, а затем покончил с собой. В результате этой победы султан Махмуд захватил 185 прекрасных слонов, не считая других трофеев».

Мусульмане быстро зарекомендовали себя как разрушительная сила, их политикой были грабёж и насилие. Нападение Махмуда на Матхуру было опустошающим. Огромный храм Викарамадитьи, воздвигнутый на месте рождения Кришны, был разрушен, хотя сам Махмуд признал, что его строительство, должно быть, заняло двести лет. «В центре города стоял храм, больше и красивее остальных, который невозможно ни описать, ни изобразить», - писал Махмуд. Там было «пять Божеств из красного золота, пяти метров в высоту каждое, с глазами, сделанными из драгоценных камней». Осмотрев величественный храм, Махмуд приказал «сжечь и сровнять с землёй» этот и все остальные индуистские храмы в округе. Так он уничтожил величайшие памятники древней Индии.

Когда в 1030 году Махмуд умер, его царство простиралось от Месопотамии и Каспия до Пенджаба и северной части Ямуны, почти до самого Дели. Так он подготовил почву для возникновения Делийского султаната Могольской Империи, который поглотил большую часть субконтинента.

Несмотря на пытки и гонения, большинство жителей Матхуры остались индуистами, благодаря почти исключительно брахманскому населению. Мусульманам удалось обратить в свою веру только низшую касту *шудр* (рабочих), а также неприкасаемых. Индуистские храмы были разграблены, драгоценные камни с Божеств сорваны, алтари осквернены, священники избиты. Если храмы и оставались стоять, то только потому, что требовалось слишком много усилий, чтобы снести их.

В течение пятисот лет, с первого нападения Махмуда и до начала правления Акбара (1018-1556) история Матхуры остаётся почти полностью неизвестной. Индусы пытались жить незаметно, боясь спровоцировать своих завоевателей. Они продолжали поклоняться в

своих обедневших храмах. Люди старались не показывать богатств и делали крупные пожертвования храмам и священникам тайком. Иногда мусульманские фанатики из зависти оскверняли святы места индусов, убивая коров и испражняясь в храмах. Они даже предприняли несколько попыток переименовать Матхуру в Исламабад (или Ислампур), а Вриндаван - в Муминабад, но железная воля индусов одержала верх.

В октябре 1512 года Господь Чайтанья Махапрабху прибыл во Вриндаван, разыскивая места игр Кришны. В то время Вриндаван был густым лесом. Только Сам Кришна в облике Чайтанья Махапрабху мог разгадать точные места Своей *лилы*. Он приказал Своим главным ученикам, шести *Госвами*, раскопать вновь открытые места и построить там храмы. То, что Господь Чайтанья сделал это во время пика мусульманских преследований, является свидетельством Его бесстрашия и сверхчеловеческих возможностей. Госвами также проявили смелость, последовав приказам Господа Чайтанья и отправившись во Вриндаван во время правления ряда фанатичных султанов.

Вот описание мусульманской жестокости того времени из той же «Тарих-и-Дауди»:

«Султан Сикандар Лоди (1488-1516) был таким фанатиком ислама, что разрушил множество мест поклонения индусов, не оставив никаких следов их существования. Он полностью разрушил святыни Матхуры и превратил её главные храмы в гостиницы и школы. Их каменные изваяния были отданы мясникам для использования в качестве гирь при взвешивании мяса, и всем индусам в Матхуре было строго запрещено брить головы и бороды и совершать омовения. Так он положил конец всем их обрядам».

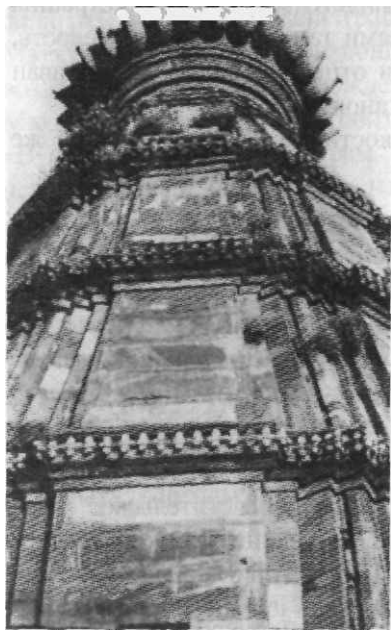
Полной противоположностью этому было просветительское правление Акбара (1556-1605). Акбар пытался объединить всё лучшее из разных культур. Хотя он был неграмотным, он приглашал мудрецов-индусов в свой дворец, чтобы они декламировали шлоки из «Рамаяны» и «Махабхараты». Религиозная терпимость Акбара способствовала строительству и процветанию храмов, особенно во Вриндаване. В 1573 году Акбар даже нанёс визит Госвами, и они отвели его с завязанными глазами в священные заросли туласи в Нидхуване, где Господь Кришна и Радха отдыхали после танца раса. Там, окружённому священными деревьями туласи, императору открылось видение такой силы, что он провозгласил, что Вриндаван воистину является святым местом. Поэтому он поддержал индуистских царей, которые по просьбе Госвами решили возвести величественные сооружения в честь Господа Кришны.

Различные архитектурные стили, отражающие собственные эклектические взгляды Акбара, были успешно объединены в храмах Говиндаджи, Мадана-мохана и Гопинатхи. Храм Кешава-дева в месте рождения Кришны, а также храмы Радха-Валлабхи и Югал-кишора во Вриндаване были построены во время правления сына Акбара, Джахангира (1605-1627). Джахангир более или менее следовал политике религиозной терпимости отца, но следующий император, Шах Джахан (1628-1658), вернулся к варварской жестокости, пытаясь уничтожить всё немусульманское. Его сын - Аурангзеб - был жесточайшим тираном из всех.

Аурангзеб (1659-1707) с таким маниакальным рвением разрушал индуистские храмы, что индусы до сих пор считают его воплощением Калаяваны, демона, который преследовал Кришну и был испелён взглядом мудреца Мучукунды.

Подобно Камсе, Аурангзеб так жаждал захватить трон, что посадил в тюрьму собственного отца. Шах Джахан умер, заточённый в крепость в Агре, созерцая свой любимый Тадж-Махал.

Всякий раз, когда Аурангзеб находил величественный индуистский храм, он быстро придумывал предлог, чтобы снести его. Он уничтожил верхние этажи храма Говиндаджи во Вриндаване, потому что не хотел, чтобы что-то было выше, чем его дворец в Матхуре. С Божеств сорвали драгоценные камни, а сами Божества отвезли в Агру и зарыли в землю под ступенями мечети, «чтобы мусульмане могли топтать их вечно».

В 1669 году под предлогом крестьянского восстания в Джате он разрушил огромный, высотой 75 метров, храм Кешава-дева, воздвигнутый на месте храма Викрамадитьи, который в свое время разорил Махмуд, а также другой храм Кришны, восстановленный в 1150 году н.э. после того, как он был разрушен Сикандаром Лоди. На руинах храма Кешава-дева Аурангзеб соорудил мечеть, которая стоит там по сей день.

Правители, следующие за Аурангзебом, тоже поступали жестоко с индусами. В 1757 году Матхура стала ареной чудовищной бойни, когда через неё прошла армия афганского правителя Ахмад-шаха. В 1759 году

индусы сформировали Союз Маратхи, могущественный альянс, чтобы сбросить ярмо гнёта, но они были разбиты двумя годами позже в битве при Панипати.

Когда Могольская Империя развалилась на враждующие группировки, британцы начали объединять страну. В 1803 году Матхура стала военной базой на линии британской границы, которая затем расширилась до Ямуны. Как только британцы захватили власть, Матхура подверглась самому сильному землетрясению из всех, известных в её истории (31 августа 1803 года). Множество зданий обвалилось, а в полях образовались разломы. Ворота Джама Масджид треснули, а один минарет рухнул.

В 1826 году британцы аннексировали соседнее царство Бхаратпур, и в 1832 году Матхура была объявлена столицей нового округа, состоящего из остатков старых областей Агры и Садабада. Во время восстания 1857 года матхурские *сипаи* убили британского лейтенанта и захватили сокровищницу, но через семь месяцев восстание было подавлено, а целостность британской колонии восстановлена.

Копая землю под фундамент нового здания суда в 1860 году, британцы обнаружили несколько буддийских статуй, колонн и барельефов, выполненных из прекрасного красного песчаника, которым так изобилуют окрестности Матхуры. Они также нашли пьедестал сидящей фигуры, которая называлась Васудева - это другое имя Кришны. Эта находка датировалась первым веком н.э.

Со времён обретения независимости индусы мечтали возродить Матхуру до её былой славы, воспетой в Пуранах, даже планировали построить храм Радха-Кришны рядом с мечетью Аурангзеба, чтобы он заменил храм Кешава-дева, который тот разрушил.

На протяжении девяти веков индусы страдали от иностранного гнёта. Теперь они с нетерпением ожидают возрождения ведической культуры. Сгибаясь, как стебли тростника на окружающих их великих равнинах, они одержали победу.

Глава 4

Дорога во Вриндаван

Я выхожу из автобуса, и меня атакуют десятки рикш, кружась вокруг меня и звеня колокольчиками.

- Рикша, сахиб? Куда едем? Во Вриндаван? Давай, поехали.

Здесь только велорикши, которыми управляют мускулистые пареньки. В этом округе нет моторикш, только тонги, маленькие двухколёсные упряжки. Лошади здесь чуть больше американских пони, несчастные и очень костлявые.

- Рикша, рикша? - продолжает хор голосов, становясь громче и настойчивей, когда они замечают, что я подумываю нанять тонгу.

- Куда едем? Куда едем? Во Вриндаван? Храм Радха-Дамодары? Давай, сахиб. Всего десять рупий.

Водители тонги и рикши понимают, что большинство иностранцев - явление для Матхуры и Вриндавана редкое и необычное - посещают известного садху в храме Радха-Дамодары.

Конечно, десять рупий за десятикилометровую поездку - это просто обдиравка. Я останавливаюсь, и мальчишки, как кошка перед броском, следят за каждым моим движением. На автовокзале висит изображение Кришны в образе Говинды, мальчика-пастушка. Он сидит на камне в лесу Вриндавана и держит флейту. На заднем фоне - река и водопад, а вокруг Кришны толпятся олени, коровы и павлины.

- Кришна, Говинда, - сообщает мне один мальчик, широко улыбаясь.

- Харе Кришна, Харе Рама, - говорит другой мальчик.

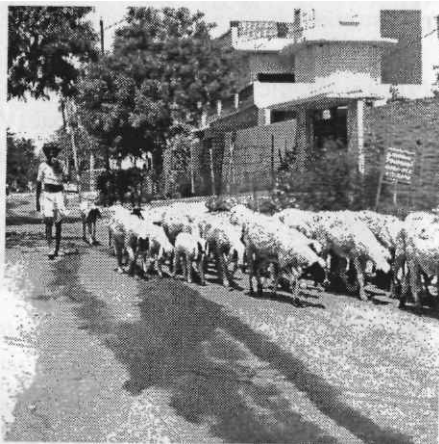
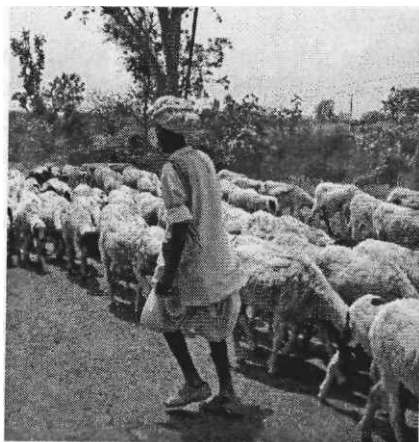
- Радха-Дамодара, Сева-кундж. Давай, сахиб, поехали. Девять рупий.

Рикши такие неустойчивые, а мой багаж и я такие тяжёлые, что я выбираю тонгу.

Извозчик, старый, седовласый мужчина, закрепляет мой рюкзак на подножке. Я сажусь на узкую скамейку, а извозчик, усевшись на корточки на доске прямо подо мной, шёлкает кнутом. Результат получается неожиданный. Маленькая тощая пони оживает, резко дёргается вперёд и переходит на рысь. Старик начинает петь. Я пытаюсь устроиться поудобней. Куда же мне поставить ноги? Из-за низкой

брезентовой крыши приходится сидеть скрючившись, мои колени почти касаются подбородка. Гулливер в стране лилипутов.

Лошадка бежит рысцей к дороге, ведущей из Матхуры во Вриндаван. Цок-цок, цок-цок. Подковы звенят по булыжной мостовой - звуки

из прошлого века. Ещё вчера мощные авиадвигатели несли меня, по меньшей мере, в сто раз быстрее. И всё равно я впечатлён живой рысью лошадки и ловкостью извозчика, маневрирующего между стадами овец, коз и коров. Людные извилистые улочки, двух- и трёхэтажные здания с величественными центральными арками, цокольные этажи, сдаваемые в аренду под магазинчики, шумная меновая торговля, балконы чугуннойковки, нависающие над улицами, сетчатые узоры, вырезанные на фасадах из песчаника - всё это придаёт Матхуре атмосферу процветающего города, создавая в нём обстановку, напоминающую ведические времена. Я думаю о том, как Кришна входит в город через золотые и мраморные ворота. Когда женщины Матхуры услышали, что идёт Кришна, они побросали все свои домашние дела и выбежали на балконы и крыши. Наблюдая за тем, как Он и Его брат Баларама медленно идут по улице и улыбаются, они уводили Их в свои сердца и там обнимали. Женщины бросали вниз цветы, чтобы лотосоподобные стопы Господа вместо жёсткой земли ступали на мягкие лепестки. Мальчики-пастушки из Вриндавана следовали за Кришной и Баларамой. Для них Матхура была большим городом. А царь Камса трясся во дворце от страха, понимая, что Кришна пришёл убить его.

Вскоре тонга минует людные улицы и через ровные поля направляется во Вриндаван. Прямая двухполосная дорога когда-то была

пастушьей тропой. Пятьсот лет назад, когда Рупа и Санатана пришли сюда, Вриндаван был просто джунглями. Теперь дорога проходит через сельскохозяйственные поля, окружённые низкими каменными стенами. Трава выедена до корней коровами и козами, и только колючие кустарники сумели избежать полного уничтожения. Коровы ищут спасения от солнца под маленькими деревьями кадамба.

Хотя Вриндаван расположен на той же широте, что и Флорида, в нём нет мшистых дубов, ореховых деревьев, сосен или карликовых пальм. Зато здесь в изобилии растут бугенвиллии и ползучие растения, багера, акация, баньян и ярко-красный дхак, тамаринд, кадамба, манго и обладающий лекарственными свойствами ним.

Через три километра после Матхуры мой извозчик показывает на большой новый храм, построенный из розового песчаника.

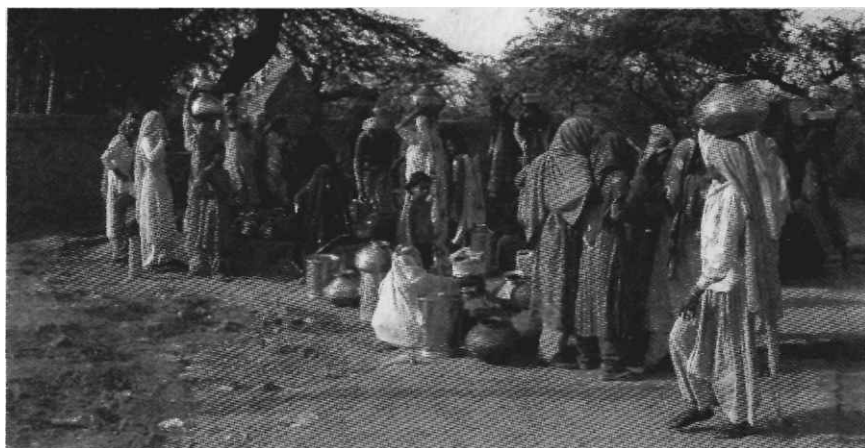
- Гита-мандир, Храм Бирлы, - он имеет ввиду, что строительство храма финансировали богатые промышленники Бирла.

С одной стороны дороги расположена *дхармашала*, а на другой стороне стоит сам храм, нагромождение шпилей, лотосов, *чакр* и *свастик*. Паломники сдают свою обувь в гардероб. Садху из *сампрадаи* Нимбарки сидят под искривлёнными деревьями индраджау. На лбу у них красная *тжака* в форме «V». Вечная сцена.

Словно ожил эпизод с раджпутской миниатюры, изображающей святого, который слушает о славе игр Господа Кришны.

Таковыми же вечными кажутся босые широкобёдрые женщины, идущие вдоль дороги с глиняными горшками с водой на голове. Они идут медленной, но твёрдой походкой. Некоторые из них молоды и красивы, с золотистой кожей и глазами как у ланей; другие женщины пожилые, с морщинистой и коричневой кожей. Все они выглядят совершенно счастливыми.

Некоторые несут плетёные корзины, наполненные топливом для домашних печей-плит: вязанками хвороста и сухими навозными лепёшками.

- Мандир, - говорит мой извозчик, показывая на рабочих, поднимающих кирпичи по бамбуковым лесам. - Новый храм. Храм Вишну.

Женщины работают вместе с мужчинами, они ставят босые стопы медленно и осторожно на каждую ступеньку бамбуковой лестницы. Крошечные ослики носят мешки с песком к корыту, где делают кирпичи. Мальчики складывают кирпичи один к одному в корзины на головах рабочих. В каждую корзину загружается примерно по двадцать кирпичей, каждый из которых весит, по меньшей мере, 900 граммов.

Удивительно, что работа продолжается в одном и том же темпе от рассвета до заката.

Я слышал, что когда индийцы выполняют такую тяжёлую работу, они сосредоточивают всё своё сознание на пространстве в пятнадцати сантиметрах над головой, позволяя телу действовать подобно машине. Они носят, толкают или тянут грузы, которые намного тяжелее их самих. Возможно, такие сильные физические мучения помогают им достичь уровня *брахма-бхута* на пути самоосознания: «Ахам брахмасми. Я не тело. Я душа».

«В Индии знание того, что «я не тело», открыто любому человеку с улицы, - сказал однажды Шрила Прабхупада. - Там это не секрет и даже не надо платить гуру, чтобы он рассказал вам об этом. Каждый и так знает».

Когда мы приближаемся к Вриндавану, храмов становится больше. Большинство из них очень скромные, шпиль не выше трёх метров в высоту. Их дворники окружены стенами, которые покрывают бугенвиллии и яркий джак. Во дворах стоят величественные

баньяны. Здесь они священны. Срубить такое дерево всё равно, что убить корову или брахмана. Если рядом с баньяном нет храма, часто под ним стоит маленькая *рака*², дающая приют изваянию Ханумана.

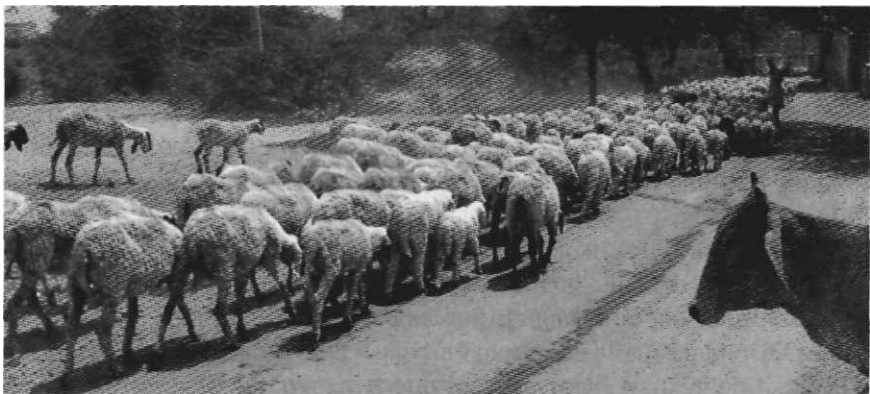

Хануман, знаменитая обезьяна, преданный слуга Господа Рамы, является воплощением духовной силы. По поручению Господа он перенёс гору из Гималаев на Шри-Ланку и обратно. Барельефные скульптуры Ханумана с трудом узнаваемы, поскольку они покрыты слоями ярко-оранжевого *синдура* - порошка, смешанного с кокосовым маслом. Божества натирают, чтобы получить их благословения.

Обезьяны, которые носятся вокруг этих святынь, всегда сыты.

² Рака — (от лат. агеа — ящик) храмовое архитектурное сооружение для изображения святых и ангелов.

Наша лошадка всю дорогу бежит живой рысью. Стада коров и овец поднимают клубы пыли, когда мальчики ведут их с пастбищ обратно в *гошалы*.

Когда мы въезжаем во Вриндаван, от главной дороги ответвляются боковые улочки, ведущие к храмам и *ашрамам*, окружённым стенами, на верхушках которых приклеено битое стекло, чтобы отпугнуть воров. Монахи в ярких шафрановых одеждах ходят по внутренним дворикам.

Во время месяца Картика (октябрь - ноябрь) во Вриндаван отовсюду съезжаются паломники, многие преодолевают большие расстояния, чтобы попасть на праздник *раса-лилы*, танца Господа Кришны с гопи.

Несмотря на неудобства и расходы, паломники приезжают, чтобы обойти вокруг холма Говардхан, посетить всевозможные святыни, место рождения Господа Кришны в Матхуре и пройти по *парикраме*, грунтовой дороге вокруг Вриндавана.

Многие пожилые вдовы, чьё паломничество станет их последним путешествием, покупают билет только в один конец. Кажется, что у некоторых едва ли есть силы, чтобы идти. В минувшие века такие

вдовы не скитались одни по святым городам.

Они бросались в огонь погребального костра своего мужа, чтобы присоединиться к нему в следующей жизни - совершали ритуал *сати*. Британцы, шокированные этим древним обрядом, запретили сати в 1829 году, объявив его варварским. Действительно, иногда родственники силой заталкивали вдов в огонь из финансовых соображений.

Так или иначе, теперь на улицах и в храмах толпится много вдов, которые повторяют тихим монотонным голосом: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе, и Радхе Шьям, Радхе Шьям, Харе Кришна, Харе Рам.

Здесь много стариков, которые отреклись от семей и мирских уз, чтобы прожить остаток дней с посохом и чашкой для подаяний в руках.

Мой извозчик останавливается на стоянке для тонг рядом с автовокзалом Вриндавана. Внезапно из-за угла появляется процессия. Мальчики-подростки бьют в барабаны и звенят цимбалами. Мужчины несут деревянные носилки с пустой телесной оболочкой, завернутой в белую ткань и украшенной гирляндой из бархатцев. Это старик с безжизненным восковым лицом, впалыми щеками и бледной жёлто-коричневой кожей. В этом последнем путешествии его лицо не выражает никаких эмоций.

- Ещё один уходит, - комментирует кто-то.

Раздаётся радостное пение, и носилки подпрыгивают вместе с носильщиками, которые спускаются к месту кремации. Из углов носилок в воздух поднимаются клубы дыма от благовоний, а мальчики с дровами весело смеются и танцуют.

В этом нет ничего трагичного, всё естественно, оболочка, в которой недавно теплилась жизнь, будет сожжена, а пепел развеян над Ямуной. Умереть во Вриндаване означает отправиться к Кришне. Старик прожил свои годы и благополучно скончался в святой *дхаме*; поэтому его похороны - праздник.

С тонги я пересаживаюсь на велорикшу и въезжаю на запруженные людьми улицы Лой-базара. Здесь я впервые вижу главную улицу Вриндавана, по бокам которой тянется вереница забегаловок и крохотных магазинчиков.

Дорога ведёт к храму Шахджи, под воротами которого сидят про-

кажённые с никелированными кружками. Люди бросают в них монеты в пять и десять пайсов. Черты лица прокажённых сливаются, как свечи, которые слишком быстро сгорели на сильном ветру. Их члены выглядят как обрубки, обглоданные собаками. Верхняя губа и нос одного бедняги полностью сгнили, и его умоляющие глаза как будто нависают над ужасной чёрной пещерой.

Мальчик-рикша звенит в свой колокольчик, предупреждая людей, чтобы они очистили путь. Лой-базар, «рынок одеял». Одно время здесь производились одеяла и здесь же продавались. Сейчас Лой-базар стал главной торговой площадью, где продаётся поразительное разнообразие религиозных принадлежностей: чётки для повторения джапы, сделанные из древесины растения туласи-Вринды, которое растёт у стоп Господа; мешочки для чёток; тилака, маленькие кусочки затвердевшей глины с речных берегов, используемые для украшения тела символами и именами Господа; красочные изображения аватар, полубогов и сюжетов из жизни Господа Кришны во Вриндаване; принадлежности для храмового и домашнего поклонения: колокольчики, медные масляные светильники, бронзовые цимбалы, подставки для благовоний, подносы с выгравированными на них отпечатками лотосоподобных стоп Господа; крошечные латунные ложечки для раздачи воды, которой омывали Божество; благовония из сандала, жасмина, мускуса, хны, розы; камфара и *дхупа*; бронзовые *мурти* с изящными узорчатыми коронами, ожерельями, браслетами, серебряными ножными колокольчиками и прекрасными шёлковыми одеждами; веера из павлиньих перьев и *чамары* с серебряными ручками для омахивания Божества; миниатюрные серебряные флейты для Божеств Кришны, серебряные троны и браслеты с крошечными колокольчиками; гонги из Бенгалии; деревянные колотушки для бубнов; раскладные подставки для книг, вырезанные из тикового дерева, объёмистые тома произведений на санскрите; шерстяные *чадары* и традиционные одежды из домотканого хлопка: *курты*, дхоти, яркие шафрановые накидки с напечатанной на них махамантрой; резные раковины; вода из Ганги и Ямуны в маленьких запечатанных тридцатиграммовых медных горшочках; мраморные подсвечники; шкатулки с мозаичными перламутровыми узорами; Шивалинги - фаллические камни - чёрные, белые и коричневые, большие и маленькие; фигурки из слоновой кости, изображающие Кришну с флейтой у губ. Все эти и множество других товаров продаются в маленьких однокомнатных магазинчиках, выходящих на улицу. Полы в них покрыты чистыми белыми простынями, на которых, скрестив ноги, сидят босые торговцы, потягивают чай и обслуживают покупателей.

Как необычно найти главную улицу, где Веды и Пураны выстроились в ряд на магазинных прилавках!

Здесь поощряется и культивируется духовная жизнь. Воистину, Лой-базар предлагает все принадлежности для создания *махатм*. Его мешочки и чётки из древесины туласи, висящие в дверных проёмах, призывают нас оставить погоню за материальными благами и последовать по пути чистых преданных, таких как Прабхупада.

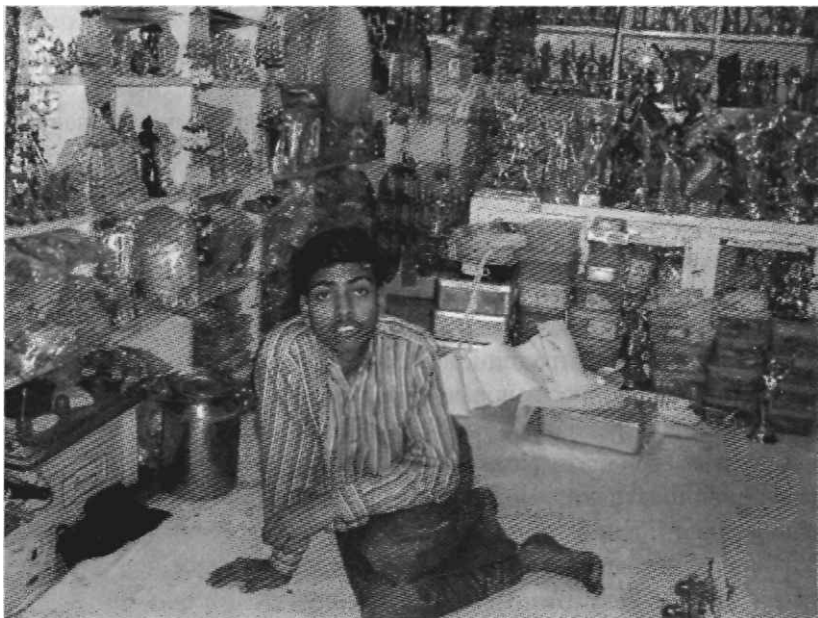
Мальчик-рикша сворачивает на следующем перекрёстке, объезжая базар по боковой улице. Указывая на вход в один из храмов, он поворачивается и с улыбкой говорит:

- Шьямасундар. Радха-Шьямасундар. Сева-кундж.

Это район Сева-кундж - окрестности, где проходил танец раса Господа Кришны и гопи. Когда-то здесь шумели леса, а теперь на этом месте множество храмов и дворики.

- Радха-Дамодара, - говорю я.

- Ачча! - кивает мальчик, сильнее вращая педали и звоня в колокольчик, чтобы очистить дорогу.

Глава 5

Шрила Прабхупада в храме Радха-Дамодары

- Храм Радха-Дамодары, сахиб, - объявляет рикша, когда мы останавливаемся перед скромной аркой одной из самых великих святынь Вриндавана. Именно здесь Шрила Прабхупада жил и писал свои первые три тома Шримад-Бхагаватам с 1962 года вплоть до приезда в Америку в 1965 году.

Семидесятилетний Прабхупада с полной верой и покорностью принял наказ своего гуру, Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, и отважился один поплыть на грузовом судне в Нью-Йорк.

Почти через тридцать лет после ухода Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати из этого мира Прабхупада высадился на верфях Бруклина всего

лишь с семью долларами в кармане, парой цимбал и ящиком книг.

В течение следующего года он начал проповедовать послание Господа Кришны - Бхагавад-гиту - в маленьком магазинчике в Нижнем Ист-Сайде Манхэттена.

Для нас 1966 год стал решающим, годом гуру, годом, который навсегда изменил наши жизни.

Теперь, после шести лет безостановочной проповеди, Прабхупада снова вернулся в храм Радха-Дамодары, где он так долго жил и изучал священные писания. Теперь он трудится на родине Вед, возможно, в самом трудном месте из всех. «Нет пророка в родном отечестве», - предупреждал Иисус Христос.

Радха-Дамодара - это маленький храм, окружённый другими зданиями. За его воротами находится двор, который ведёт к главному алтарю. Большая часть фасада арки осыпалась, оставив кирпичи незащищёнными. Во внутреннем дворе располагаются жилые комнаты для *пуджари*, а также квартира Шрилы Прабхупады. Дежурные семьи проводят ежедневные *арати* для Божеств Дживы Госвами.

На заднем дворе, в усыпальницах, покоятся останки главных учеников Господа Чайтаньи, похороненных там в шестнадцатом веке: великого Рупы Госвами, основателя храма Говиндаджи и автора

выдающихся трудов по *бхакти-йоге*, и его племянника Дживы Госвами, основателя храма Радха-Дамодары. Их *самадхи* (могилы-усыпальницы) придают храму особую святость.

На входе я вижу морщинистых пожилых женщин. Одни из них повторяют Харе Кришна, другие лежат ничком в пыли на клетчатом мраморном полу. Некоторые обходят вокруг храма, касаясь колонн и стен самадхи, чтобы впитать духовную силу.

Сами камни свидетельствуют о преданности, отполированные миллионами прикосновений пальцев людей, ищущих спасения. Во дворе стоит деревце туласи, вокруг которого также обходят, кланяются ему и касаются легонько и благоговейно. Его кора гладкая, как полированная мебель. Под сенью предков этого дерева сидели великие Госвами, обсуждая игры Господа Кришны.

Чугунные ворота перед Божествами сейчас закрыты, но в зате-

нённой нише видны очертания Божеств. Я ставлю рюкзак в сторону и кланяюсь, растянувшись на земле рядом с пожилой женщиной.

-Хаягрива!

Я поднимаю голову и вижу Ямуну, она стоит в коридоре у комнаты Шрилы Прабхупады. Ямуна, преданная из Орегона, жила в храме Сан-Франциско в старые добрые дни 1967 года, когда наше общество ещё только начинало формироваться.

Она вышла замуж за Гурудаса и помогла открыть храм в Лондоне. Три года назад она пела стихи Брахма-самхиты, *говиндам ади-пурушам там ахам бхаджами*, в знаменитой записи Джорджа Харрисона из «Битлз». Прабхупаде так сильно понравилась эта песня, что он включил её в наши утренние церемонии, и теперь она проигрывается во время приветствия Божеств.

- Харибол! Ямуна! - говорю я. - Слава Шриле Прабхупаде!

Она ставит на пол веник и ведро, моет руки и подходит ко мне. Она носит белое хлопковое сари и выглядит здесь совсем по-домашнему.

- Прабхупада внутри, - говорит она. - Он будет так рад! Мы ждали тебя.

На земле возле дверей комнаты Прабхупады стоит разносортная обувь: американские теннисные туфли, резиновые шлёпанцы, сандалии. Дверь-ширма закрыта, но внутри я слышу голос Шрилы Прабхупады.

- Посетителей много? - спрашиваю я.

- О нет, - качает головой Ямуна. - Просто заходи внутрь.

Я нагибаюсь, чтобы пройти в дверь, и вхожу в маленькую, почти пустую комнату. Неожиданно я оказываюсь прямо лицом к лицу со

Шрилой Прабхупадой. Он сидит на полу за низким столиком, заваленным книгами и бумагами.

- Джай! - говорит он. - Наш Хаягрива приехал.

Я предлагаю *дандаваты*, простираясь на полу, и трогаю его стопы правой рукой, а затем касаюсь своего лба. Помнить стопы духовного учителя - значит помнить Кришну. Эффект - охлаждающий, как от сандаловой пасты.

- *Нома ом вишну-падая кришна-прештхая бху-тале шримате бхактиведанта-свамин ыти намин*, — проговариваю я в поклоне и за тем сажусь перед ним, а он улыбается.

Хотя Прабхупаде семьдесят шесть, он как всегда выглядит нестареющим. Его голова свежевыбрита, а аромат горчичного масла говорит о том, что ему только что сделали массаж. Его кожа светится, глаза ясны, а лицо излучает здоровье и удовлетворённость.

Это то самое лицо, которое привлекло меня в тот день, когда я шёл по Хьюстон-стрит в Нью-Йорке и впервые встретился с ним; лицо, которое приводило молодых искателей в маленький храм в магазинчике по вечерам в понедельник, среду и пятницу. Для нас его лицо воплощает все притягательные качества преданности, ибо это безупречное, правдивое и сострадательное лицо.

Оно великодушное, доброе и прощающее, исполненное решимости и самообладания, и, кроме всего прочего, знания и разума. Это лицо того, кто не боится любить и всё отдать Кришне.

Воистину, лицо Прабхупады призывает все добродетели, которые ведут к любви к Кришне. Это не лицо обыкновенного человека. Оно передаёт совершенную духовную реальность, ведическую культуру, атмосферу бхакти.

Поначалу я чувствовал его могущество, просто глядя ему в лицо. Когда я в сознании Кришны, оно делает меня счастливым.

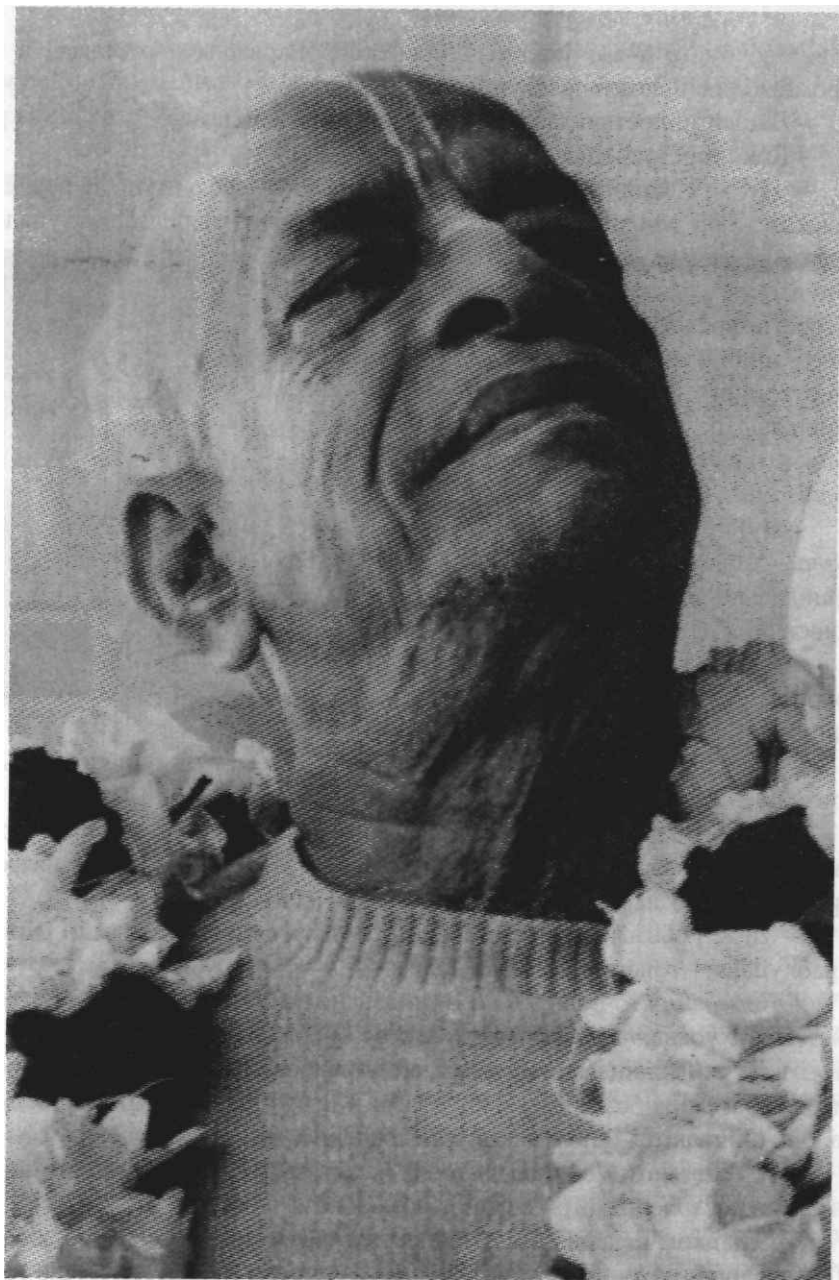
Когда я в *майе*, я боюсь взглянуть на него; оно осуждает, молча стыдит меня. Насколько могущественно лицо духовного учителя! Сколько в нём очарования! Сколько мудрости!

- Когда ты приехал? - спрашивает он, по-прежнему улыбаясь.

- Я немного задержался, - говорю я. - Я прилетел в Дели вчера рано утром. Тридцать часов из Нью-Йорка. Киртанананда Махарадж и все преданные в Нью-Вриндаване передают вам свои поклоны.

- Что ж, ты приехал как профессор Уилер, - смеётся он, имея в виду мой чёрный костюм.

- Только потому, что вы попросили, Шрила Прабхупада.

- Да. Очень хорошо. Ты можешь выступать на наших программах и убеждать многих джентльменов помочь нам. Они могут не слушать нас, но американского профессора... о! - он широко улыбается и смотрит на

меня так, будто я заслуженный профессор Гарварда в отставке, а не скромный преподаватель из университета Огайо.

- Вашей милостью даже глупцы могут быть полезны.

- Как тебе Вриндаван?

- Ну, - я запинаюсь, как обычно чувствуя себя глупо перед Его Божественной Милостью. Скрестив ноги, на полу перед Прабхупадой сидят мои духовные братья Шьямасундара и Гурудас, а также один пожилой индеец, которого представили как доктора Капура, и двое индийских юношей. Как всегда, в присутствии Шрилы Прабхупады все остальные отходят на задний план. Обычные приветствия и болтовня с другими должны подождать.

- Ну, по пути со стоянки для тонг я видел базар, - говорю я, понимая, что моё мнение о Вриндаване обречено быть ошибочным. - Боюсь, мне нужен гид, чтобы всё объяснить.

- Здесь твой старый друг Аччютананда, - говорит он. - Он может всё тебе показать, а ты напишешь статью.

- Я никогда не думал, что подобное место может существовать, - признаюсь я. - Базар стал новым откровением в сознании Кришны.

- Я же говорил, - напоминает Прабхупада. - Помнишь? На Второй авеню я рассказывал тебе, Киртанананде и остальным об атмосфере Вриндавана, и как мне её не хватало там, в Нью-Йорке.

- Даже обезьяны во Вриндаване кажутся необычными, Шрила Прабхупада, - говорит Шьямасундара.

- *Каждый*, кто родился во Вриндаване, необычная душа, - поправляет Прабхупада. - Может быть, это не очень приятно слышать, но те, кто живут во Вриндаване и совершают греховные поступки, рождаются здесь собаками, обезьянами и свиньями. Когда они едят пыль Вриндавана, они очищаются и получают освобождение.

- А тела даются за одни и те же оскорбления, или в соответствии с разными настроениями? - спрашивает Шьямасундара.

- Слишком сильная привязанность к сексу приведёт в тело собаки, обезьяны или голубя. Или даже тело дерева. А тело свиньи уготовано тому, кто переедает или ест запрещённую пищу.

- А как насчёт тех людей, которые живут вниз по реке и целый день курят *ганджу*! - спрашивает Гурудас.

- О, они получают тела хиппи, - смеётся Прабхупада, - с большими бородами и длинными волосами, и им придётся родиться в Сан-Франциско.

- Что ж, по крайней мере, у нас там есть храм Радха-Кришны, - говорит Гурудас, - поэтому они могут найти прибежище там.

- Да, это милость Господа Кришны, - говорит Прабхупада. - Мы можем выбирать, принять её или нет, но она есть. Кришна никогда не оставляет Своих преданных силам майи. *На ме бхактах пранапьяти.* «Мой преданный никогда не погибнет». Сотни лет мусульмане пытались уничтожить поклонение Кришне во Вриндаване, Матхуре, Джаганнатха-Пури - практически во всей Индии, но оно по-прежнему продолжается, а мусульмане и британцы пришли и ушли.

Могущество святой дхамы больше, чем любая мирская сила. Хотя во времена мусульманского правления Божества прятали, это не означает, что Богу нужна наша защита. Мусульмане ломали мурти палками и думали: «Мы убили индусского бога». Глупость! Они разломали мрамор, а не Божеств. Глупцы судят о Божестве своим ограниченным, материальным умом. Бог проявляет Себя в Божестве для преданных, но при этом Он находится в Своей вечной обители,

Вайкунтхе, и в каждом атоме творения. Кришна всемогущ, Его образ Божества нерушим, а Его дхама обладает всеми духовными энергиями. Они могли нанести какие-то повреждения храмам, но обычно мусульмане не входили во Вриндаван. Они боялись.

- Даже сегодня во Вриндаване и Матхуре совсем немного мусульман, - говорит доктор Капур.

- Да, - соглашается Прабхупада. - Бриджабаси предпочитают умереть, чем откажутся от своего Кришны. Повсюду в Индии вы обнаружите, что некоторые представители низших каст - шудры, *вайшьи* или *хариджань* - принимают мусульманство, но во Вриндаване и шудра не откажется от Кришны, даже за всё золото мира.

- Почему, Шрила Прабхупада? - спрашивает Гурудас. - Из-за того, что они день за днём живут во Вриндаване и находятся так близко к Кришне?

- Да, этот эффект невозможно переоценить, - говорит Прабхупада. - Здесь на каждом углу вам напоминают о Кришне, и благодаря такому контакту ваша духовная сила увеличивается. Например, когда я жил здесь в 1962-1965 годах, я сидел в этих комнатах, повторял Харе Кришна и смотрел на самадхи Дживы и Рупы Госвами. Я жил очень просто, довольный присутствием Рупы Госвами, печатал и немного готовил. Самадхи - великая святыня гаудия-вайшнавов. Просто думая о том, как они писали, я набрался смелости и начал писать сам. Это они вдохновили меня поехать на Запад. Теперь у меня есть сотни храмов, где я могу останавливаться, но здесь мне нравится больше всего. Что думаешь, Хаягрива?

- Я рад, что вы пригласили меня сюда, Шрила Прабхупада.

- Но санитарные удобства, я думаю, не такие, как у вас в стране, - в голосе Шрилы Прабхупады сожаление. - С 1965 года здесь не очень хорошо следили за улицами. Сточные воды всё портят, даже реку,

совсем некуда пойти, чтобы сделать омовение, - добавляет он уже серьёзно.

- Большинство людей сходятся во мнении, что главная проблема Индии - это перенаселённость, - говорю я.

- Чепуха, - говорит Прабхупада. - Неужели Кришна не может обеспечить Своих детей необходимой пищей, одеждой и кровом? Нет. Это творение совершенно, потому что оно исходит из Высшего Совершенно-го. *Ом нурнам адах нурнам идам*. Высший Совершенный создал совершенные условия для всех живых существ. Проблема в злоупотреблении дарами Кришны, в их незаконном присвоении. *Ишавасьям идам сарвам*. Всё принадлежит Всевышнему.

- Но Шрила Прабхупада, почему кажется, что здесь во Вриндаване преданные Кришны тоже страдают? - спрашивает Гурудас.

- Страдают? От чего они страдают? - удивляется Прабхупада.

- Многие не имеют достаточно пищи. Они спят на улицах и...

- Кто говорит, что не хватает пищи? Кто-то умирает от голода? Покажите мне хотя бы одного голодающего. Можно пойти в любой храм и поесть *прасад*. А что касается сна, то все спят. Когда ты спишь, откуда ты знаешь, на чём спишь - на царском ложе или на булыжной мостовой? Госвами каждую ночь спали под другим деревом, и то всего два или три часа. Нет никаких проблем с едой, сном, защитой и совокуплением. Здесь нет в этом недостатка, нет нужды. Единственное, чего не хватает сегодня Индии - это сознания Кришны, вот и всё.

- Но большинство туристов пугаются, когда приезжают сюда и видят эти условия, - говорит доктор Капур. Он одет в безупречно белую курту и штаны. - Чтобы всё изменить, потребуется больше, чем ваш храм в Рамана-рети.

- Поэтому я предлагаю генеральную программу уборки, сохранения и восстановления. Вы посмотрите, прекрасные храмы Госвами - Мадана-мохана и особенно Говиндаджи - обваливаются, потому что за ними никто не смотрит.

- Иногда люди даже используют их как каменоломни, - сетует доктор Капур.

- Поэтому сначала мы должны защитить их. Затем восстановить до отличного состояния, установить божества и проводить ежедневные арати. Тогда люди снова начнут ходить в них и получают благо.

- Шрила Прабхупада, почему Кришна допустил, чтобы Его дхама разрушилась? - спрашивает Гурудас.

- Она не разрушилась, - отвечает он.

- Ну, вы только что сказали, что за храмами никто не следит.

- Это факт. Но Вриндаван не разрушался.
- Многие американцы были бы шокированы тем, что я увидел сего-дня утром, - говорю я.
- Почему? - спрашивает Прабхупада.
- Ну, например, они сочли бы это антисанитарией.
- Просто пойми, у материалиста всё шиворот-навыворот, потому что у него извращённое видение. Красота и уродство - лишь в наших глазах.
- Но что это за покров, скрывающий святую дхаму?
- Уродливость, которую ты здесь видишь, является действием йога-майи, - говорит Прабхупада. - Это покров Кришны. Вриндаван предстаёт в таком виде, чтобы прогнать атеистов и имперсоналистов, так же как Нью-Йорк привлекает их. Для преданного этот Вриндаван так же хорош, как и трансцендентная обитель Кришны в духовном небе, Голока Вриндавана. Но у тебя должны быть глаза, чтобы видеть.
- Трансцендентное зрение? - переспрашивает доктор Капур.
- Да, Вриндаван скрывает себя от материалистов, - говорит Прабхупада.
- Вы говорите о Вриндаване как о личности.
- В духовном сознании всё обладает индивидуальностью, - Прабхупада серьёзен. - Даже город Раваны предстал перед Ханума - ном в образе гигантской *ракшаси*, и Хануман сбил её с ног, когда она бросила ему вызов.
- Ну, я, конечно, заметил разницу между сознанием Дели и здешней атмосферой. Не могу это выразить, но я её чувствую. Тем не менее, нищета...
- Милость Кришны делает преданных бедными, - говорит Прабхупада. - Их единственное богатство - сознание Кришны. Кришна не хочет, чтобы *Майя-деви* отвлекла их.
- Но я всё равно не понимаю, почему это место такое же хорошее, как Голока Вриндавана.
- Тогда ты должен попытаться найти Вриндаван снова, - говорит Прабхупада. - Это то, что ты должен сделать. Это вопрос сознания. Настоящий Вриндаван находится в твоём сердце, скрываясь от тебя.
- Как же мне его найти? - спрашиваю я.
- Просто следуй примеру возвышенных бриджабаси, - на лице Прабхупады появляется широкая улыбка. - Гопи, пастушки Вриндавана, просто пытались сделать Кришну счастливым. Это сознание Кришны: доставлять Кришне счастье. Вы хотите сделать того, кого любите счастливым, верно?

- Да.

- Во Вриндаване каждый пытается доставить Кришне удовольствие: птицы, деревья, коровы, река и спутники Кришны. Это не так, что Вриндаван находится только здесь. Вриндаван может быть повсюду. Кришна не ограничен. Мы не должны думать, что, поскольку Кришна далеко, на Голоке Вриндаване, Он не сможет принять то, что мы Ему предлагаем. Если вы предлагаете пищу с любовью, Кришна съедает её. Кришна не покидает Голоку Вриндавану, но Его *экспансия* приходит и принимает пищу. Этот Вриндаван, который проявился в Индии, достоин такого же почитания, как и Кришна. Поэтому мы не можем оскорблять Его дхаму, Его дом. Если мы живём во Вриндаване, мы живём с Кришной, поскольку Вриндаван неотличен от Кришны. Не существует разницы между изначальным и этим Вриндаваном. Таково могущество святой дхамы.

И снова я смущён и чувствую себя очень глупым. Смотрю на Гурудаса и Шьямасундару, ожидая увидеть в них отражение моего замешательства, но они продолжают во все глаза смотреть на Шрилу Прабхупаду. Согласно писаниям, изначальный Вриндаван, Голока Вриндавана, имеет форму цветка лотоса и находится на Вайкунтхе, в духовном небе. На Вайкунтхе нет беспокойства, нет рождения, старости, болезни или смерти, там всё имеет природу *сат-чит-ананда* - вечности, знания и блаженства.

Я задаюсь вопросом: состоят ли прокажённые из сат-чит-ананды? Может быть, это четырёхрукие полубоги маскируются под нищих? Может, они приняли такой отвратительный облик, чтобы отпугнуть от Враджи мирян?

- Шрила Прабхупада, - отваживаюсь я нарушить короткое, задумчивое молчание.

- Да?

- Теперь я в замешательстве.

- Почему? Я объяснил непонятно?

- Нет, но я не понимаю тождество этого Вриндавана и Голоки Вриндаваны.

- Ты не знаешь, что означает «неотличен»? - спрашивает он, глядя прямо на меня, сидя очень прямо, как *хатха-йог*, с откинутой назад головой.

- Это означает «точно такой же», — говорю я.

- Да.

- Ну... Я не могу это полностью принять.

- Почему нет?

- Ну, я смущён, тем что...
- Ты должен быть смущён, — говорит он. — Ты несовершенен.
- Ну...
- Ты совершенен? - тон его голоса поднимается, и я чувствую, что сказал что-то оскорбительное.
- Нет, - признаю я.
- Тогда замешательство естественно.
- Ну, я не единственный, - стою я на своём.
- Несовершенство рождает сомнения. Таков единственный ответ.
- И другого нет?
- Если вы несовершенны, как вы можете прийти к правильному заключению?
- Большую часть из того, что вы говорите, я понимаю, по крайней мере, разумом, - говорю я. - Но это я не понимаю вовсе.
- Это означает, что ты не полностью совершенен. Ты понимаешь настолько, насколько ты совершенен.
- Боюсь, что я далёк от совершенства, Шрила Прабхупада.
- Поскольку твои чувства несовершенны, твоё понимание несовершенно. Это означает, что ты должен получить понимание из авторитетных источников. Чайтанья Махапрабху говорит, что Вриндаван достоин того же поклонения, что и Кришна.
- Это я понимаю, - говорю я. - Я не понимаю, каким образом Вриндаван неотличен от Голоки Вриндаваны. Я ехал сюда на рикше мимо стариков, мертвеца, больных людей, прокажённых. Старость, болезни и смерть здесь очевидны.
- Конечно, - кивает Прабхупада. - Послушай. Это не Голока Вриндавана. Этот Вриндаван является копией, поэтому он неотличен, но поскольку он проявляется в материальной вселенной, здесь действуют законы материальной природы. Когда мы поклоняемся Божествам в храме, каждый видит, что Они сделаны из камня, металла или дерева, но всё равно Божества неотличны от Кришны. Они - Кришна. Естественно, мы не поклоняемся дереву или камню, хотя на первый взгляд может показаться именно так. Когда Чайтанья Махапрабху пришёл в Пури и увидел Господа Джаганнатху, он тотчас упал и сказал: «Здесь Кришна». Это вопрос сознания. Теперь ты понимаешь?
- Да, - говорю я. - Мои глаза обманывают меня.
- Не только тебя, - смеётся Прабхупада. - В сумасшедшем доме в большей или меньшей степени безумны все, потому в материальной вселенной никто не замечает Кришну. Иначе здесь никого бы не было.
- Другой момент, который мне непонятен, это уход Кришны с пла-

неты. Однажды вы сказали, что когда Он уходит, Он забирает Свои атрибуты с Собой в духовный мир.

- Да. Когда судья приходит и уходит из здания суда, он забирает свои вещи с собой. Подобно этому, когда Кришна приходит на эту планету, Он приходит сюда. Этот Вриндаван - дом Кришны. Поэтому он так же хорош, как Голока Вриндавана.

- А Он придёт снова в этом веке?

- Нет, не в Кали-югу. Но когда Он приходит, Он приходит сюда.

- Но когда Он был здесь, тут всё было не так, как сейчас, верно?

- Может и так, - говорит Прабхупада терпеливо, - но это не означает, что оно стало менее важным. Не сомневайтесь, те, кто ответственны за содержание Вриндавана, будут вынуждены страдать, родившись здесь собаками и свиньями. И всё равно они ничего не теряют. Могушество Вриндавана таково, что даже собак и свиней здесь ждёт освобождение. Даже самые осквернённые очищаются здесь.

- Я всё равно не понимаю, почему Кришна позволил, чтобы разрушалась Его обитель.

- Она не разрушается, - твердо говорит Прабхупада. - Если даже собаки получают освобождение, как она может разрушаться?

- Но её не поддерживают в должном порядке.

- В твоих глазах её поддерживают не на должном уровне, но твоё зрение несовершенно.

- Не только моё, - настаиваю я.

- Каждого. Но даже если все говорят, что два плюс два равняется пяти, является ли это истиной?

- Нет.

- Поэтому мнение большинства может быть ошибочным. Ты должен принять прибежище у истинного духовного учителя. Поскольку гуру никогда не противоречит *шастрам*, его мнение перевешивает. Если гуру говорит, что трава голубая, а небо зелёное, следует принять его точку зрения. Мы должны согласиться с тем фактом, что наше зрение настолько несовершенно, что мы путаем даже цвета.

- Вначале люди часто заблуждаются в отношении Вриндавана, - говорит Гурудас.

- Да, поскольку они пытаются найти во Вриндаване недостатки, - терпеливо объясняет Прабхупада. - Но преданный знает, что Вриндаван - это Вриндаван. «Англия, несмотря на все твои изъязнения, я всё равно люблю тебя». Даже если люди, живущие во Вриндаване, не кажутся очень благочестивыми, им повезло, они живут в царстве Кришны. *Джая джая вриндавана-васи пата джана*. Слава всем жителям Вриндавана!

Здесь прославляются не только преданные. Все! Даже свиньи. Лучше родиться во Вриндаване, чем в богатой или аристократической семье, потому что в следующей жизни человек вернётся к Богу. Здесь освобождение получают и свиньи, и преданные. Если человек не был преданным в прошлой жизни, он бы не родился здесь. Он может несколько лет побыть в теле свиньи или собаки, но это не помеха. Так он избавляется от последствий грехов.

- Шрила Прабхупада, правда ли, что люди здесь получают освобождение, даже если у них нет истинного духовного учителя? - спрашивает Гурудас.

- Да, - говорит Прабхупада, - поскольку Вриндаван находится под непосредственным надзором Кришны. Кришна их духовный учитель.

- Я полагаю, лучше иметь вас своим духовным учителем, - смеётся Гурудас, - чем просто родиться во Вриндаване.

- Это настроение *вайшнава*, - улыбается Прабхупада. - Я помню, что где бы ни был мой Гуру Махарадж, Вриндаван также был там. Истинный духовный учитель несёт атмосферу Вриндавана с собой, и потому лучше всего быть с ним.

- Мы находимся в самом лучшем положении из всех, Прабхупада, - говорит Шьямасундара. - У нас есть и вы, и Вриндаван.

- Я просто посланник Вриндавана, - Шрила Прабхупада смиренно складывает ладони; неожиданно он становится очень серьёзным и погружённым в себя. - Вриндаван в сердце искреннего преданного. Его нет ни на одной карте, и он не является частью какой-либо страны. Во Вриндаване я впервые начал писать, не ради имени и славы, а потому что мой Гуру Махарадж сказал мне: «Распространяй послание Кришны на английском языке». Хотя он дал мне это указание в 1935 году, я колебался, не зная, как за это взяться. Затем, двадцать лет спустя, мой Гуру Махарадж начал приходить ко мне в снах, он говорил мне, что я должен оставить семейную жизнь и отправиться во Вриндаван. После нескольких снов я понял, что пришло время. Дети выросли, и я мог оставить жену на их попечение. Я приехал сюда, и в конце концов Кришна дал мне приют в самом священном месте, в храме Радха-Дамодары. Именно здесь я начал писать. Я думал: «Может быть, это напечатают, а может, нет, не важно. Буду писать ради собственного очищения, и всё». Мой Гуру Махарадж помогал мне, я не был таким опытным в писательской деятельности, как он. О, он был самым образованным человеком, самым благородным и искусным, джентльменом, человеком с Вайкунтхи. Поскольку я никогда раньше не писал, у меня было так много грамматических неточностей, но я всё равно продолжал писать.

Тема была такой важной, такой безотлагательной. Поэтому я издал Первую песнь Шримад-Бхагаватам в трёх томах. Вся наша философия, всё, что вам нужно знать, находится в этих первых трёх томах. По милости Кришны мне удалось собрать деньги, чтобы напечатать их, и я взял их с собой на корабль в Нью-Йорк.

Я приехал в Америку не с пустыми руками. Вдохновлённый Госвами, я привёз совершенную философию Чайтаньи Махапрабху, записанную в этих комнатах. Это двигатель сознания Кришны. Если мне и удалось достичь успеха, то только потому, что я передал послание моего Гуру Махараджа невредимым, без изменений и купюр. Это - парампара. Истинный гуру подобен почтальону, доставляющему послание. Он не открывает почту и не вписывает туда своё мнение. Вам может нравиться или не нравиться это послание, вы можете взять его или отказаться - я исполнил свой долг. Я доставил. И всё началось здесь. Поэтому эти комнаты в храме Радха-Дамодары являются центром колеса духовной вселенной.

* * *

Во дворе звенят колокольчики, сообщая, что наступает время вечернего арати, и выражением лица Прабхупада даёт понять, что наш *даршан* подошёл к концу. Кто-то начинает бить в гонги: бойнг-бойнг, бойнг-бойнг, бойнг-бойнг. Звучат раковины, и я слышу странный, высокий звук, издаваемый на тирольский манер: оле-оле-оле-оле-оле. Я смотрю на Гурудаса и Шьямасундара, которые смеются над моим удивлением. Что это? — спрашиваю я.

- Арати, - кивает в сторону двора Прабхупада. - Можешь пойти.

- А этот странный шум?

- Это женщины... улюлюкают, - говорит Гурудас. - Тут считают, что этот звук приносит удачу.

Мы кланяемся Шриле Прабхупаде и выходим во двор. Благодаря тусклым светильникам, развешенным вдоль стены, я различаю группу пожилых женщин, одетых в выцветшие сари. Они оставляют свои сандалии под аркой главных ворот и входят босиком, звоня в колокол у ворот. Затем они простираются перед алтарём, иногда катаясь по мраморному полу, потом поднимаются, растрёпанные и грязные. Молитвенно сложив ладони, они стоят перед Божествами и поют:

*киба джая джая горячандер аратико шобха
джахнави-тата-ване джага-мана-лобха*

«Слава, слава прекрасной церемонии арати, что проводят Господу Чайтанье. Эта служба проходит в роще на берегу Джахнави

(Ганги) и привлекает сердца всех живых существ во вселенной».

На алтаре молодой пуджари в шафрановых одеждах предлагает Божествам благовоние из хны, лампаду с камфарой, воду и платок. Божества сияют золотом в тусклом свете. Кажется, что Их глаза - чёрные точки на белых миндалинах - сейчас выпрыгнут к нам.

Они облачены в розовые бархатные одеяния, и Их почти не видно из-под узорчатых *джари*, белых и зелёных хрустальных корон, браслетов, ножных украшений и ожерелий. Они стоят в окружении букетов из ноготков и вечернего жасмина.

Пожилые женщины неотрывно смотрят на пуджари, словно желая поймать его на ошибке, но он совершает обряд безупречно. Пение достигает апогея. Веер из павлиньих перьев и чамара плавно качаются перед Божествами. Затем пуджари трубит в раковину, напоминая всем о том, как Господь Кришна вёл колесницу Арджуны во время сражения и трубил в Свою трансцендентную раковину Панчаджанью, возвещая победу добра над злом. Пуджари опускается на колени и протирает пол влажной тряпкой. Когда алтарь закрывается, мы снова кланяемся. Старушки возобновляют обход храма, который, похоже, предназначен для того, чтобы в блаженстве привести их на порог смерти, к тому моменту, когда телесный механизм полностью перестанет функционировать.

- Хаягрива! - зовёт Ямуна от ворот. - Смотри, кто здесь!

Я поворачиваюсь и вижу, как во двор входит Ачйотананда Свами. Последний раз мы встречались в сентябре 1967 года, когда он уезжал в Индию. Это было через месяц после того, как Прабхупада пережил в Нью-Йорке сердечный приступ, который едва не стоил ему жизни. Прабхупада вернулся в Индию, чтобы проконсультироваться с аюрведическими врачами, и его сопровождал Киртанананда. Затем во Вриндаване к ним присоединился Ачйотананда. Мы все боялись, что Прабхупада вернулся в Индию, чтобы умереть. В сентябре того же года Прабхупада посвятил Киртанананду в *санньясу*, и вскоре после этого Ачйотананду. Они были первыми санньяси в движении. К всеобщему удивлению, Ачйотананда остался в Индии, чтобы проповедовать. Когда я видел его последний раз, он был стройным семнадцатилетним джазовым флейтистом с длинными курчавыми волосами. Теперь его голова выбрита, и он весит, должно быть, больше 90 килограммов. Индийцы верят, что они получают духовные блага, скармливая санньяси горы еды.

- Это всё кришна-прасад! - хлопает он себя по животу. - Блаженство!

- Джай! Ты выглядишь, как чосеровский монах, - растягиваюсь я в поклоне.

- Я ничего не могу с этим поделать. Люди набивают меня *гублабджамунами* и *расмалаями*.

Однажды в 1966 году, в квартире на Мот-стрит в Нью-Йорке, Ачьютананда демонстрировал сложное йоговское упражнение, расширяя и сокращая мышцы живота с помощью дыхательного контроля. Это было зрелищем! На меня произвело особое впечатление, когда одна половина его живота выпячивалась наружу, а вторая втягивалась внутрь, а затем наоборот, туда и обратно, а грудные мышцы при этом пульсировали. Но Прабхупада не одобрял йогу.

- Ты видел Прабхупаду? - спрашивает Ачьютананда.

- Да. Он выглядит замечательно. Кажется, климат Вриндавана положительно сказывается на его здоровье.

- Хаягрива, сдаётся мне, тебе начинает нравиться храм Радха-Дамодары, - к нам подходит Гурудас. - Настоящая жизнь госвами, а?! За последние пятьсот лет здесь ничего не изменилось.

- Похоже, что так.

- Впервые электричество провели в 1963 году, - говорит он. - До этого здесь были только свечи и газовые лампы. Никакого радио, никаких вентиляторов, никакой Кали-юги.

- Сейчас лучшее время года, - объясняет Ачьютананда. - В остальное время сюда никто не приходит. Приятные дни и вечера, комаров за версту не сыщешь. Когда храм Радха-Дамодары в 2.30 утра начинает вибрировать *киртанами*, он словно оживает.

- Покажите, куда мне положить вещи, - спрашиваю я.

- Можешь жить на крыше с Прадьюмной и Шрута-кирти, - позволяет мне Гурудас. - Пойдём, я достану для тебя постель и одеяло. *Чарпои* сдаются за пятьдесят пайсов, а чистые одеяла - за рупию.

- Приемлемо.

Гурудас закидывает мой рюкзак себе на плечо, и я следую за ним и Ачьютанандой вверх по узкой кирпичной лестнице на крышу. Половина плоской крыши занята двухкомнатной бетонной постройкой с оштукатуренным потолком. Вторая половина находится под открытым небом. Стена высотой в 60 сантиметров защищает неосторожных зевак от падения вниз на улицу.

- Положи пока свои вещи в мою комнату, - Гурудас явно настроен благосклонно, - а я поищу для тебя постель.

Гурудас снова спускается вниз, а я и Ачьютананда садимся на

стену и смотрим на вечерний пейзаж. Под тусклым уличным фонарём стоит старик и, закрыв глаза, повторяет мантру. Когда он нараспев читает молитвы, его голос становится всё печальнее и печальнее. Я слушаю, пока наверху не появляется Шьямасундара.

- Хаягрива, Прабхупада ждёт тебя.

- Иду!

Я спешу вниз в комнату Прабхупады, и вижу через ширму, как он сидит на коврике за столом. Шрила Прабхупада повторяет мантру на чётках, и его лицо выглядит очень суровым, словно он чем-то недоволен. Он сидит один. Первый раз в жизни я боюсь взглянуть ему в глаза, но я знаю, что теперь я не должен пытаться скрыть то, что он должен знать. Не поднимая взгляда и не меняя выражения лица, он зовёт меня по имени. Я вхожу и простираюсь перед ним.

- О Прабхупада! Майя так сильна...

- Да, мой мальчик, - мягко говорит он. - Я постоянно молюсь Кришне, чтобы Он защитил нас.

Глава 6

Даршан

Над головой Шрилы Прабхупады висит цветное изображение Господа Кришны в деревянной рамке. Сама рамка украшена гирляндой, сделанной из красных цветов, которые на санскрите называются дхак, что означает «огненный», и маленьких белых цветов, которые называются арни и своим внешним видом и запахом напоминают жимолость.

- У меня никогда не было такого чувства, что мой Гуру Махарадж покинул меня хотя бы на мгновение, - говорит Шрила Прабхупада. - Я постоянно ощущаю его присутствие в своём сердце.

Я сижу перед ним на полу, пристыженный, но недостаточно. Я нарушил несколько обетов; более того, зная о своих слабостях, я точно могу сказать, что нарушу их снова. Если бы мне действительно было стыдно, или бы я раскаивался, то я был бы в такой горе, что предпочёл бы сразу умереть. Но нет, выручает моё обыкновение грешить, раскаиваться, а затем грешить снова - дурная католическая привычка.

Я вспоминаю дни учёбы в школе, когда стоял на коленях в исповедальне перед отцом О'Фаррелом. «Благословите меня, отец, ибо я согрешил. Прошла одна неделя с момента моей последней исповеди. Я поддался нечистым помыслам и поступкам»...

Отец О'Фаррел, подперев свою большую морщинистую голову

одной рукой и перебирая чётки другой, сказал: «Мой мальчик, обезьяны и бабуины делают подобного рода вещи».

Христос сказал, что грешника нужно прощать «семьдесят всемеро» раз, но Шрила Прабхупада говорил: «Разве тебе не стыдно возвращаться и говорить «простите меня» снова и снова?

Это просто эксплуатация милости Господа. Обман, и ничего больше. Вы грешите один раз, я прощаю. Вы грешите второй раз, я прощаю. Вы грешите третий раз, я не прощаю. Для исправления необходимо наказание, а иначе паршивцы будут продолжать грешить».

Я смотрю на цветную картину с Господом Кришной. Мне стыдно смотреть прямо на Шрилу Прабхупаду. Он сидит в позе лотоса и повторяет мантру, перебирая чётки. Я жду, когда он заговорит, скажет мне идти отсюда.

Я смотрю на Господа Кришну и молю о наставлении. *«Чьё это искусство напоминает нам о Тебе?»* Кришна сидит на камне, скрестив ноги, Его жёлтое дхоти поддалось выше колен. Одной рукой Он обнимает телёнка, а в другой держит флейту. На шее гирлянда. Он смотрит вдаль, как будто ждёт кого-то. Может быть, Он в Рамана-рети и ждёт Балараму играть. Или, может быть, он дожидается ночного свидания с Радхарани.

На Шриле Прабхупаде тоже гирлянда. На лбу сандаловая паста. Неожиданно его золотистая рука поднимается вверх в неярком свете.

- Кришна и свет, - говорит он мягко. Затем его рука опускается вниз. - Майя и тень.

Я закрываю материальные глаза и мысленным взором вижу его образ и его мерцающую золотистую руку, затем снова открываю глаза.

- Свет или тень, - показывает он. - Кришна или майя. Выбор за тобой, тебе решать, чью сторону принять. Всё зависит от твоего желания.

- Я приехал во Вриндаван, потому что мне нужен Кришна, - сознаюсь я, - но меня разрывает на части. Как будто здесь сидят два человека: Хаягрива дас и Говард, мистер Хайд и доктор Джекил.

- Поэтому позволь майе уйти. Говард родился вместе с этим телом и умрёт вместе с ним. Хаягрива дас - это вечная индивидуальность души, настоящий ты.

- Я думаю, в момент смерти он превратится обратно в доктора Джекила, - говорю я.

- Зависит от твоих мыслей в момент смерти.

- Тогда мне нужно учиться думать о Кришне.

- Для этого дана бхакти-йога - наука о душе, наука о Боге. Сейчас по утрам я даю лекции по «Нектару преданности». Приходи, слушай и записывай то, что ты понял.

- Моя проблема в том, что моё ложное эго не исчезает, - сокрушаюсь я, - даже если я хочу, чтобы оно исчезло. Почему?

- Арджуна задал такой же вопрос. Он спросил Кришну: «Почему человек грешит, как будто что-то заставляет его делать это?» И что ответил Кришна?

- *Кама*, - говорю я. - Вожделение.

- Вечный враг этого мира, - добавляет Прабхупада, - внутренний враг. Победишь его - и ты на Вайкунтхе, ты на свету. Подчинишься ему - и ты в аду, во тьме. А это означает новое рождение.

- Похоже, что я обрекаю себя на ад.

- Бхакти-йога практична и научно обоснована, - говорит Прабхупада. - Если она не работает, посмотри, всё ли ты делаешь правильно. Уж не думаешь ли ты, что ты будешь пытаться обмануть Кришну, а Он и не поймёт?

- Нет, - говорю я.

- Как ты думаешь, что означает «всеведущий»?

И снова я смотрю в пол и вспоминаю одну из любимых цитат моей бабушки: «За тобой всегда следит всевидящее око». Сама эта мысль была ненавистна мне с детских лет. Она всегда заставляла меня чувствовать себя неловко.

- Всезнающий, Шрила Прабхупада, - отвечаю я.

- Да. Кришна знает твои самые сокровенные мысли, - подтверждает Прабхупада. - Для Него не существует тайн. Даже если ты полагаешь, что ты можешь скрыть свои грехи от гуру, как долго, по-твоему, ты сможешь продолжать грешить? Ты думаешь, твой гуру не может сказать, какой из его учеников обманывает, а какой нет?

- Нет, Шрила Прабхупада.

Я сопротивляюсь побуждению куда-нибудь спрятаться. На ум приходит картина «Портрет Дориана Грея». Все грехи Дориана были изображены на портрете, который он прятал. Лицо Дориана с годами оставалось юным и безупречным, не смотря на греховную жизнь, а его тайный портрет становился всё отвратительнее, отражая суровую реальность. И Фрейд заметил, что когда человек чувствует себя виноватым, его виноватость сочтётся из всех пор его тела.

- Часто даже обычный человек может понять, где ложь, - продолжает Прабхупада. - Что уж говорить о Кришне или твоём гуру?

- Простите, Шрила Прабхупада.

- Кришна в образе *Параматмы* находится в твоём сердце и является свидетелем твоих поступков. *Сарватах пани-падам тат сарвато 'кши-широ-мукхам*. «Повсюду Его руки, ноги, глаза, лики и уши. Он -

Сверхдуша». Кришна видит всё, находясь внутри каждого атома. У Него повсюду много глаз. Где же ты скроешься от Него?

- Правильно. Но я всегда думал, что если Кришна всё знает, Он также всё понимает.

- Да. Он знает тебя лучше, чем ты сам. Кришна знает всё не только об этой жизни; Ему также известны и все твои прошлые жизни. *«Арджуна, Я помню все жизни, через которые мы прошли с тобой вместе, ты же не помнишь ни одной»*. В этом состоит разница между Богом и обусловленным живым существом - забывчивость.

- Иногда я впадаю в уныние, Шрила Прабхупада, - говорю я. - Я чувствую себя как мышь перед луной.

- Конечно, это невозможно сделать своими стараниями. Если *ты* хочешь увидеть царя, ты столкнёшься со множеством препятствий. Но если *царь* хочет увидеть тебя, встреча легко состоится. Один искренний шаг к Кришне - и Он сделает десять шагов навстречу. Но чтобы полностью обрести Его, ты должен полностью покориться. Очистившись, ты не увидишь ничего, кроме Кришны. Преданное служение - это процесс очищения, но ты должен набраться терпения.

- Боюсь, что я очень нетерпелив, Шрила Прабхупада. Это у меня наследственное.

- О? - он улыбается. - Вы, американцы, испорченные дети. Сознание Кришны - это не таблетка ЛСД, которую можно купить за пять долларов. Нет. Великие мудрецы совершали аскезы множество жизней, чтобы достичь Кришны. Но сейчас, в Кали-югу, Господь Чайтанья Махапрабху дал нам самый простой метод: повторение святого имени. Не имеет значения, какое имя Бога вы повторяете. Это не сектантский метод. У Господа есть миллионы имён, и Его трансцендентные энергии заключены во всех Его именах.

С улицы доносятся крики старой женщины, заканчивающей свои вечерние круги: «Радхе-Шьям! Радхе-Шьям!» Я был бы гораздо удачливее, если бы родился одним из них. Крестьяне, простолюдины, они имеют кротость и смирение от рождения - кажется, им так просто быть в сознании Бога. Они видят Божество, садху, храм или изображение Кришны, и их глаза наполняются радостным восторгом.

Я поднимаю глаза и вижу, что Прабхупада смеётся надо мной. На картине над ним Кришне тоже, похоже, весело.

- Что думаешь, Хаягрива? Разве это не лёгкий метод?

И снова мне нечего сказать.

- Когда вы говорите, это звучит легко, - вздыхаю я. - Это легко, когда я рядом с вами.

- Но это не так легко?

- Нет, - говорю я. - Правда, это очень трудно.

- Если даже ребёнок может, то в чём трудность? Любой может петь, танцевать, принимать прасад.

- В правилах.

- Если ты повторяешь мантру, то правилам следовать легко. Они становятся сложными, когда ты перестаёшь повторять. Поэтому вначале я просил вас ежедневно повторять шестьдесят четыре круга, но вы пожаловались, что это чересчур. Тогда я сказал: «Хорошо, шестнадцать». А теперь ты жалуешься, что правила слишком трудны.

- Это всё ум, - говорю я. - Он продолжает купаться в испражнениях, даже когда я повторяю мантру.

- Ум нужно контролировать с помощью разума. Если он находится под контролем, то он твой друг; если он не под контролем, он твой враг. Ты контролируешь ум, читая Бхагavad-гиту и повторяя мантру.

- Ум всё равно блуждает, - говорю я. - Я обнаруживаю, что размышляю о вещах, которые происходили двадцать лет назад. Или я думаю о будущем. Или что-то внезапно приходит на ум и отвлекает меня.

- Поэтому ты должен каждое утро бить свой ум башмаком, - смеёт-

ся он. - Пусть ум знает, кто хозяин. *Мана эва манушьянам коранам бандха-мокшайох.* Ум является причиной рабства, и ум же является причиной освобождения. *Бандхая вишьясанго муктъяи нирвишьям манса.* Ум, поглощённый мыслями об объектах чувств, является причиной рабства, а ум, привязанный к Кришне - причиной освобождения.

- Мой ум - словно дикий тигр, - жалоблю я Шрилу Прабхупаду.

- Это означает, что если ты не контролируешь его, он убьёт тебя. Но если ты контролируешь его - о! У тебя есть друг. Успех гарантирован. Майя будет стоять перед тобой со сложенными ладонями.

- Джай! А когда, когда наступит этот день?

- Когда ты станешь серьёзным, - обещает он. - Всё зависит от твоего желания. Никакое материальное препятствие не может помешать сознанию Кришны.

- Это кажется трудным.

- А быть в майе не трудно? Рождаться снова и снова не трудно?

- Но это порочный круг, - говорю я. - Как я могу стать серьёзным и предаться, когда ум не позволяет мне предаться?

- Хорошо, если ты не можешь принять всё сразу, - втолковывает он терпеливо, - тогда иди постепенно, шаг за шагом. По утрам посещай мангала-арати и повторяй шестнадцать кругов. Делай это постоянно. Возможно, будет аскетично, но ты увидишь, что тигр твоего ума становится спокойней. Просто попробуй. Когда Кришна увидит твои попытки, Он скажет: «О Мой дорогой мальчик. Сейчас ты искренне обращаешься ко Мне. Чем тебе помочь?» Кришна непобедим. Никто не может Его победить. Но любовь преданного связывает Его. Сейчас ты испытываешь определённые трудности из-за своих дурных привычек, но рано или поздно ты освободишься от них, поскольку ты принял метод. В этом прелесть сознания Кришны. Если в этой жизни ты выполнил пятнадцать процентов, то в следующей жизни ты начнёшь с шестнадцатого. Тебе гарантировано, что однажды ты осознаешь Кришну на сто процентов. Пойми.

Прабхупада вручает мне экземпляр Бхагавад-гиты со своего стола.

- Прочитай, - говорит он. - *Апи чет су-дурачаро.*

- *Апи чет?* - я ищу слова в указателе санскритских стихов, затем читаю перевод.

«Даже если человек, занимающийся преданным служением, совершает самый отвратительный поступок, его всё равно следует считать святым, ибо он на верном пути. Он быстро становится добродетельным и обретает вечный мир. О сын Кунти, смело заявляй каждому, что Мой преданный никогда не погибнет».

- Ваша доброта... Шрила Прабхупада, - говорю я с полными слёз глазами. - Я такой негодай!

- Просто не забывай Кришну. У тебя за плечами много служения, а Кришна не забывает этого. Просто продолжай писать и редактировать. Даже если у тебя много желаний, иди к Кришне. Он исполнит твои материальные желания, и в то же время ты обретёшь прибежище Его лотосоподобных стоп. Я обещаю тебе. Не беспокойся.

Глава 7

На крыше

Один из храмовых *брахмачари* приносит на крышу чарпой и устанавливает его. Я проверяю верёвки, натянутые крест-накрест вдоль деревянной рамы, чтобы понять, смогут ли они выдержать мой вес. Появляется ещё один мальчик, он несёт матрас, простыни и одеяло.

- Ну вот, теперь вся твоя постель собрана, - говорит мне Гурудас. - Ищи себе место.

Я облюбывал место в дальнем углу крыши, откуда видны внешний двор и самадхи Рупы Госвами. Прадьюмна, Ачйотананда и Шрута-кирти уже спят в своих постелях. Одна из комнат в дальнем конце крыши заперта, а в другой разместились Гурудас и Ямуна.

- Мы можем положить здесь на хранение твои ценные вещи, - сообщает мне Гурудас. - В этой комнате ничего нет, кроме нескольких чемоданов Прабхупады. - Он открывает дверь и включает свет. - Смотри. Можешь положить свои вещи там.

Я кладу рюкзак и футляр с фотоаппаратом в углу рядом с чемоданами.

- Что в них? - спрашиваю я.

- Книги. Мы собираемся приготовить эту комнату для Прабхупады. Внизу слишком шумно, чтобы писать.

Гурудас выключает свет, затем снова закрывает кладовую на всякий замок размером со ступню.

- Когда Прабхупада обнаружил, что эта дверь была не заперта, он был в ярости. Он спросил нас: «Для чего, по-вашему, существуют замки?» Поэтому я купил самый большой замок, какой только смог найти.

- Я никогда не думал, что они бывают такими большими.

- Местные бандиты сносят целые стены, - говорит Гурудас. - Излишняя предосторожность не помешает. Ну да ладно, спокойной ночи. И приятных вриндаванских снов.

- Харибол.

Гурудас уходит, и я стелю матрас и простыни. Чарпой вполне удобен, простыни и подушки чистые, а одеяло подходит для сна на открытом воздухе. Воздух сухой, поэтому о росе можно не беспокоиться. Как же мне повезло, что я наконец-то во Вриндаване! Я должен быть счастлив, даже если бы мне пришлось спать на гвоздях.

Я ложусь, смотрю вверх на прибывающую луну и начинаю повторять джапу. Насколько же сострадателен Шрила Прабхупада! Насколько снисходителен! Зная, что нам зачастую трудно следовать правилам и предписаниям, он ведёт нас, как любящий отец. Нам нужно только прилагать искренние усилия, и он будет доволен.

Это было таким смущением - сидеть перед ним со всеми своими грехами, вытекающими из каждой поры моего тела. С младенчества мы привыкли наслаждаться чувства. Шрила Прабхупада как отец - когда он видит, что ребёнок играет с бритвой, он вынимает бритву у него из рук и взамен даёт что-нибудь безопасное и полезное. И всё равно некоторые не успокоятся, пока не порежутся.

Насколько же сильна наша прошлая обусловленность! Даже получив исчерпывающие наставления в сознании Кришны, я сохраняю привязанность к мирскому. Теперь я *должен* повторять больше. Повторение святого имени смягчает огрубевшее сердце и усиливает привязанность к Кришне. С появлением Кришны всё нежелательное уходит. И где ещё лучше всего думать о Нём, как не во Вриндаване? Вся скверна постепенно исчезнет, как обещал Шрила Прабхупада. Но для этого потребуются объединить мои усилия и его милость. Если я выполню условия сделки, то Прабхупада выполнит свои обещания. Враг - это кама, вождение, но Кришна, Мадана-мохан, покоритель Купидона, может победить нашего внутреннего врага. «Просто размышляй об играх Кришны с гопи, - однажды сказал мне Прабхупада, - и мистеру Вождению - крышка».

Через три ночи луна станет полной. Это называется *пурнима*. Пурнима раса-лилы: ночь полнолуния, когда Кришна проводил Свой танец с гопи. «*Среди сияющих звёзд Я - луна*». Здесь, всего в нескольких кварталах отсюда, рядом с Ямуной Господь Кришна, взявшись с гопи за руки, танцевал всю ночь. При свете полной луны Кришна распространил Себя в сто восемь форм, чтобы каждая гопи думала, что Он был только с ней. Какие таинственные ночи! Кришна в лунном свете, Его смуглая кожа светится, длинные, иссиня-чёрные волосы ниспадают локонами на шею, в ушах красуются изумрудные серёжки в форме крокодилов, а полные губы улыбаются, когда Он подносит к ним флейту...

Гопи завидовали бамбуковой флейте. «Какие благочестивые поступки и аскезы она совершала? - спрашивали они. - Как она заслужила прикосновение губ Кришны?» Озёра и пруды, на которых вырос бамбук для этой флейты, были так счастливы, видя, что их отпрыск удостоен сокровенного прикосновения губ Кришны, которое обычно предназначено только для гопи.

Звук флейты заставляет четырёх Кумаров прервать медитацию. Слыша флейту Кришны, змей Ананта-дева, опора всего мироздания, раскачивается из стороны в сторону, а творец Брахма, сидящий на цветке лотоса, прекращает работу и удивлённо озирается вокруг. Когда звук флейты Кришны эхом разносится по рощам Вриндавана, павлины сходят с ума, и даже люди, коровы, олени и деревья очаровываются им. Радхарани восклицает как птица куроби, тела гопи дрожат, телята перестают пить молоко, Индра начинает рыдать, а озадаченный Господь Шива роняет свой барабан и издаёт такой громкий крик, что сердца демонов падают от страха, а преданные счастливо прыгают.

Я задаюсь вопросом, что случилось бы, если бы Господь Кришна появился вне плана, если бы Он внезапно зашёл в храм Радха-Дамодары и постучал в дверь Шрилы Прабхупады?

Как бы мы отреагировали?

Раз писания советуют сначала поклоняться

лотосоподобным стопам Господа, именно на них в первую очередь мы должны обратить наш взгляд. Сам их вид насыщает и удовлетворяет ум. Лотосоподобные стопы Кришны, как и всё Его тело, тёмно-синего цвета, который описывают как цвет грозового облака, а подошвы стоп и ногти розовые, также как ладони и ногти на Его руках. Коснувшись груди гопи, Его стопы стали красноватыми из-за порошка кункумы. И они сладостны. Мадхава, одно из имён Кришны, означает «слаще меда». Величайшие йоги, коснувшись Его стоп, лишаются чувств, ошеломлённые их сладостью. Когда Кришна ходил по земле Вриндавана, Он оставлял в пыли отпечатки Своих стоп, отмеченные флагом, молнией, рыбой, стрелом погонщика слонов и цветком лотоса. Посланник Камсы, Акрура, рухнул на землю под наплывом чувств, нахлынувших при виде отпечатков стоп Кришны.

Как замечательно находиться на крыше храма Радха-Дамодары, смотреть вверх на луну и слушать мириады ночных звуков Вриндавана! Как сладко вдыхать аромат расцветающего ночью жасмина, а также сильные запахи жизни, разносимые ночными ветерками! В такую ночь кажется, что Кришна совсем близко.

К счастью, милостью Шрилы Прабхупады мы не считаем, подобно *сахаджиям*, обычных существ Кришной. Самое большое оскорбление считать, что у предвечного, запредельного Господа тело материально. Вайшнав видит Кришну во всех существах, и все существа - частичками Кришны, и это не заблуждение.

Шьямасундара рассказал мне об одном иностранце, который ходил по Вриндавану и осматривал стопы мальчиков-пастухов, он искал божественные знаки: флаг, молнию и прочие. Его безумие было вызвано прочтением жизнеописания Джаядевы: однажды Джаядева умирал от жажды, и его спас от смерти один мальчик-пастушок, в котором он узнал Кришну. Есть множество историй о сахаджиях, которые считают себя Кришной и отправляются во Вриндаван, чтобы проводить «раса-лилу» с гаремом молодых девушек. И также есть женщины, которые «поклоняются» какому-нибудь милому мальчику, как часть «садханы».

«Если пойти ночью в сады раса-лилы, можно никогда не вернуться обратно, потому что увидишь, как Кришна танцует там с гопи». На этот местный слух Шрила Прабхупада однажды ответил: «Вы думаете, что Кришну так легко увидеть?»

Поклонение в разлуке - таково учение Господа Чайтаньи. Я гляжу на осеннюю луну, которая сейчас в зените, и перебираю 108 больших красных бусин своих чёток.

- Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе, Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе.

Имена Бога неотличны от Самого Бога. В каком-то смысле разлуки не существует вообще. Тем не менее, Господь Чайтанья говорит, что чувство разлуки с Кришной приносит больше счастья, чем встреча. Только расставшись можно прочувствовать пустоту жизни без Кришны и осознать, что лишь Кришна достоин любви.

Вспоминаются стихи «Шикшаштаки» Чайтаньи Махапрабху.

Господь мой, как хочу я утонуть
В волнах восторга и самозабвения!
Лишь имени я Твоего коснусь -
Пусть дрогнет голос, слёзы хлынут пусть,
И сердце затрепещет от волнения!

О мой Господь, когда же мои глаза заплачут от любви к Твоему святому имени? Когда же задрожит мой голос, и волосы на теле встанут дыбом при повторении Твоего имени? О Говинда! Каждый миг в разлуке с Тобой кажется мне целой вечностью. Слёзы ручьём льются из моих глаз, и без Тебя весь мир кажется мне пустым.

Белый купол самадхи
Рупы Госвами искрится в
лунном свете как белый
песок. Аромат эвкалиптов
наполняет воздух. - У-у-

Когда я засыпаю, вой продолжается. На что они жалуются? Они попадут на Вайкунтху раньше меня.

В Джаганнатха-Пури вооружённые железными палками охранники вышвыривают преданных из храма Господа Вселенной, крича при этом: «Джанма! Джанма! В следующей жизни! В следующей жизни!» «Млеччи!» - кричат священники с храмовых парапетов.

В «Махабхарате» мудрец Маркандея предсказывает признаки этого мрачного века Кали: преданные подвергаются преследованиям; мило-

стыня и жертвоприношения совершаются лишь для видимости; брахманы работают как шудры, а шудры процветают; цари и президенты не могут показать хороший пример своим гражданам, поскольку они сами грешники; употребление в пищу мяса становится общепринятым; животных и даже людей выращивают на убой; люди живут мало, а их рост уменьшается; пропадает чувство вкуса и обоняния; женщины становятся проститутками; коровы не дают молока; свирепствуют склонные к насилию и жестокие люди, они грабят и убивают обычных людей; никто не знает о Боге или истине; люди помешаны на пьянстве, наркотиках и сексе; количество цветов и фруктов уменьшается, а количество ворон увеличивается; люди считают себя красивыми только потому, что у них длинные волосы; никто не соблюдает религиозные принципы; времена года смешиваются; количество осадков уменьшается; деревья и растения перестают расти; девушки беременеют совсем юнными, а мальчики становятся седыми; старики отказываются оставить причуды молодости; повальный голод и сильные землетрясения убивают миллионы людей.

Вместо того чтобы помочь человечеству, наука приближает смерть.

«Лишённые разума и утратившие всякий стыд, демоны поглощены пагубной, греховной деятельностью, ведущей к разрушению мира».

Биологическая война. Генетическая война. Ядовитый газ, ядохимикаты, искусственные эпидемии, ядерная война. Калки! Когда же наступит день страшного суда!

Арджуна сказал: «О Кришна! Я вижу, как все люди стремительно несутся в Твои разверстые, пылающие огнём зевы». Благословенный Господь отвечал: «Я - время, великий разрушитель миров».

«Кришна забирает всё, - предупреждал нас Прабхупада в 1966 году. Поэтому отдайте Ему всё с любовью и обретите благо. Без этого вы ничего не получите. В любом случае, человек всё потеряет». - «Всё?» - «Всё».

Беззубые, слепые, лишённые вкуса, лишённые всего. *Шантих*, шантих, шантих.

«Вы думаете, что вы будете жить в мире просто потому, что не будет войны? - спросил Прабхупада на одной лекции. - Откуда возьмётся мир, пока существуют рождение, старость, болезни и смерть?»

Есть война или нет, смерть неумолимо приближается к каждому в облике Времени. *«Тот, кто родился, непременно умрёт, а после смерти непременно родится вновь».*

Махарадж Юдхиштхира сказал, что удивительней всего надежда человека на вечную жизнь, хотя все умирают.

Я снова засыпаю. В этот раз я в нижнем Манхэттене, стою перед маленьким храмом Прабхупады в помещении бывшего магазинчика и смотрю в сторону Бруклинского моста. Я перебираю чётки и наблюдаю за уличным транспортом, проносющимся по Второй авеню мимо бара «Красная звезда», похоронного бюро Вайцнеров, компании по срочной доставке товаров «Космос». Двери магазинчика открываются, и появляется Шрила Прабхупада. Он стоит под вывеской «Бесценные дары», оставленной предыдущим владельцем магазина. Шафрановые одежды Прабхупады ярко сияют, а вокруг него сверкают радужные круги. «Наступило время арати», – говорит он, улыбаясь, и я просыпаюсь.

Глава 8

Утро во Вриндаване

Бойнг-бойнг, бойнг-бойнг, би-ду-у, би-ду-у. Звучат гонги и раковины, объявляя о начале мангала-арати в храме Радха-Дамодары.

Луна всё ещё высоко в небе. Никакого намёка на рассвет. 2:30 утра. Я сажусь, сна ни в одном глазу. Собаки перестали выть. Внизу во дворе я отчётливо вижу самадхи Рупы Госвами, светящееся в лунном свете. Над головой шелестят листья манговых деревьев. Папоротниковые ветви огненного дхака качаются на ветру, похожие на руки, манящие к себе. Я вдыхаю сильный, женский аромат благовоний из хны, поднимающийся от алтаря. Это любимые благовония Радхарани.

Рупа Госвами! Какое вдохновение! Погружённый в переживания в сознании Кришны, он спал всего два или три часа в сутки и каждую ночь засыпал на земле под новым деревом.

Я слышу, как кто-то моется на углу у колонки. Дрожащий старческий голос повторяет:

- Радхе-Шьям, Радхе-Шьям.

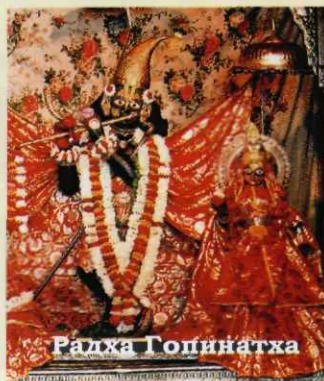
Он выливает на себя ведро холодной воды.

- Кришна хе! Кешава хе! Радха-рамана хе! Радха-Дамодара хе! – выкрикивает старик, затем опустошает ещё одно ведро. Я ощущаю прохладу ночного воздуха снаружи одеяла. Скорее всего, старик исполнял этот ритуал всю жизнь. Будь то убийственная жара мая и июня или самые холодные зимние предрассветные часы, набожный индус скорее пренебрежёт десятком других правил, чем омовением.

Шрила Прабхупада, наверное, просыпается как раз в это время. Прадьюмна, Ачьютананда Свами и Шрута-кирти, которые спят вместе со мной на крыше, всё ещё прячутся под одеялами. Внизу на улице кто-то направляется к колонке, где моется старик.

Радха-Мадан-мохан

Радха Гопинатха

Радха-Вриндаван-
чандра

Радха Винодбихари

Радха Говинда

Радха Шьямасундара

Радха-рамана
Говардхана Харидева

Джула Тхакура

Радха-валлабха

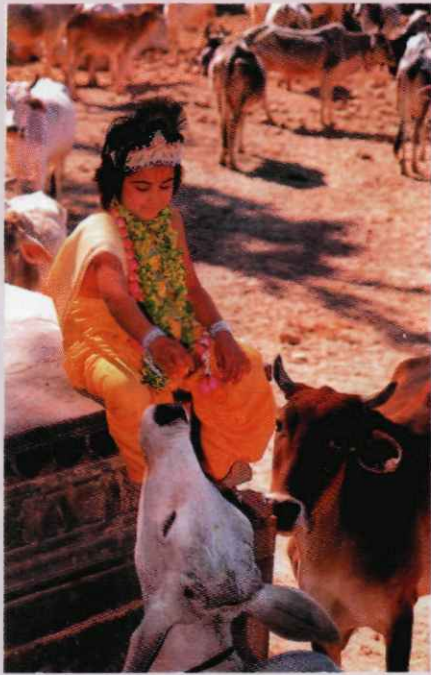

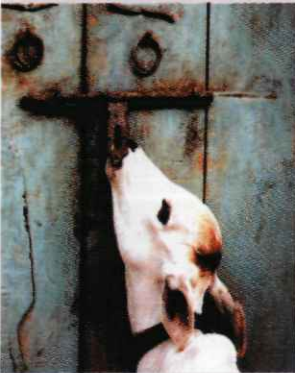
Радха-кунда и Шьяма-кунда

Уддхава-кунда

Йогамайя

Павана-саровара

Кусум-саровара

- Радхе-Шьям, Харе Кришна, Харе Рам, - говорит он в ту сторону, откуда доносится хор из сопения, кашля и свиста. Никаких пустых разговоров в 2.30 утра. Я спускаюсь вниз в душевую и вышиваю на себя два ведра воды. От холодовой встряски у меня перехватывает дыхание. Кажется, что воздух, в контраст воде, неожиданно наполняется теплом. Освежённый, я вытираюсь и возвращаюсь на крышу.

Что же делать? Моё единственное дхоти закрыто в кладовой, а Гурудас, у которого ключ, всё ещё спит. Я не могу идти на арати без дхоти. К счастью, моя спальная простыня чистая и белая. Я пробую её надеть, и она приходится мне как раз в пору. Нанеся тилаку, я спускаюсь вниз.

Во дворе толпятся пожилые женщины; они пристально смотрят на меня. В своих выцветших сари они выглядят маленькими и незначительными, но, несмотря на это, они здесь, все они души. Я простираюсь на земле лицом вниз, в дандавате Их Светлостям Радха-Дамодаре. Двое старых, согнутых возрастом мужчин бьют в гонги, а индийский брахмачари играет на *мриданге*. Я встаю и начинаю хлопать в такт мантрам.

После арати кланяюсь перед закрытой дверью комнаты Шрилы Прабхупады. Он не спит; из-под двери струится свет лучины. Наверное, переводит Шримад-Бхагаватам. Нет никакого повода беспокоить его. Я возвращаюсь на крышу и приступаю к своим кругам.

Сейчас, когда арати закончилось, воцаряется мирная тишина. Как успокаивает повторение джапы ранним утром под почти полной луной! Пожилые женщины обходят вокруг заднего двора, кланяясь самадхи и бормоча: «Радхе-Шьям, Радхе-Шьям». Я снова слышу, как у колонки на углу наполняются вёдра. Звук воды поднимается до пронзительно высокого, по мере того как она приближается к краю, затем доносится бормотание, и вода выплёскивается на голову.

- Кришна хе! Кешава хе!

Я полтора часа повторяю джапу, пока не появляются Шьямасундара и Малати, чтобы разбудить Гурудаса и Ямуну. Затем просыпаются Ачйотананда Свами, Прадьюмна и Шруга-кирти. Сейчас пять утра, и по-прежнему нет никаких признаков рассвета.

Мы собираемся в комнате Шрилы Прабхупады на арати его Божествам. Прабхупада сидит за своим столиком, перед ним лежит диктофон. Открытые книги - санскритско-английский словарь и большой том Шримад-Бхагаватам - свидетельствуют о его ночной работе. Сейчас он сидит прямо, глаза закрыты, выражение лица сосредоточенное.

Божествам предлагаются подношения, а мы поём мантры мангала-арати. Прабхупада не открывает глаз, пока раковина не сообщает об

окончании церемонии. Затем он берёт чётки и начинает повторять джапу.

- Повторяйте круги, - говорит он нам, и мы, сидя на полу, повторяем Харе Кришна, пока лучи рассвета не озаряют небо.

- А теперь прогулка, - Прабхупада встаёт. - Шрута-кирти, возьми мой чадар.

Мы следуем за Прабхупадой через ворота храма и выходим на почти пустынные улицы. В воздухе висит дым от горящего коровьего навоза. Случайные паломники проходят мимо, направляясь к Ямуне или обратно после бодрящего омовения. С окрашенных в розовый цвет храмовых куполов доносится звон колокольчиков, оповещающих, что идёт арати. Мимо на велосипеде проезжает мальчик, у него на руле бряцают пустые молочные вёдра. Старая женщина подметает улицу длинной метлой. Молочник подкладывает уголь под огромный чан, в котором выпаривается буйволиное молоко.

Идя вниз по улицам Лой-базара, Шрила Прабхупада перебирает чётки из туласи в полотняном мешочке и тихо повторяет:

- Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе, Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе.

Нас примерно четырнадцать человек - все ученики из Европы и Америки. Мы следуем за ним, наши головы покрыты шерстяными чадарами. Мы проходим храм Шахджи и слышим вибрирующие в воздухе трансцендентные мантры в ритме стаккато, разносящиеся из храмовых громкоговорителей. Какой божественный язык! Его ударения и ритмы достойны только самых возвышенных тем.

- Что это за мантры? - спрашиваю я Прабхупаду.
- «Вишну-сахасранам», - говорит он. - Тысяча имён Вишну.

Прабхупада не останавливается передохнуть, а направляется прямо к реке. Лёгкий туман, покрывающий чатры и *гхаты*, медленно поднимается, по мере того как солнце встаёт над манговыми, нимовыми и баньяновыми деревьями. Священные каденции затихают, когда мы идём по парикрамской дороге в сторону храмов Имлитала и Мадана-мохана. Вёсельные лодки уже перевозят паломников туда и обратно, хотя река сейчас такая мелкая, что большая часть её дна превратилась в сухие извилистые полосы бело-серого песка. В некоторых местах она едва достигает трёх с половиной метров в ширину. Древние гхаты и чатры разбросаны в десятках метров от берегов, оставаясь высокими и сухими на протяжении многих лет из-за постоянно изменяющегося течения реки. На восемь месяцев в году Ямуна превращается в ручей, выющийся через обширные пески Северо-Индийской равнины. В сезон дождей она превращается в мощный поток шириной в километр или даже больше, и близлежащие пруды и озёра выходят из берегов.

Недели, следующие сразу за сезоном дождей, являются хорошим временем для омовений. В это время вода чистая. Теперь, глядя на коричневый, медленный поток, я могу различить струйки неочищенных сточных вод из открытой канализационной системы Вриндавана.

В эпоху Господа Кришны, до того как созданная человеком промышленность могла загрязнить землю, Калия, огромный чёрный змей, выпустил яд, который отравил чистые воды Ямуны. Птицы, пролетающие над Ямуной, падали замертво. Деревья и трава на её берегах засохли и погибли. Из-за Калии целая река превратилась в поток яда.

Кришна решил наказать демона. Он затянул потуже ремень, собрал волосы в хвост и прыгнул в Ямуну. Кришна поднял много брызг и волн, когда плескался в любимой реке, словно молодой слон. Хотя нежность возраста и изящество красоты Господа скрывали Его неимоверную силу, Его руки и ноги были крепки, как стебли лотоса. Калия увидел Кришну, Его прекрасное юное тело, тёмное, как грозовое облако, и жёлтые одежды, которые сверкали в каплях воды и лучах солнца, как молния. Калия наливался злобой, глядя на сияющий облик Господа. Он стремительно кинулся к Кришне и обвил Его своими мощными кольцами. Когда жители Вриндавана увидели это, многие от горя лишились сознания. Матушка Яшода охнула и тоже без сил опустилась на землю. Земля содрогалась, с неба падали метеоры и люди дрожали. Только старший брат Кришны, Баларама, оставался невозмутимым - Он

знал, что Кришна непобедим.

В течение двух часов Кришна оставался в тисках Калии. Вдруг Он увидел, что от переживаний за Него Его отец, мать, гопи, мальчишки-пастушки и коровы готовы умереть, и тогда ради них Он стал увеличиваться в размерах, заставляя Калию ослабить кольца и освободить Его.

Разъярённый Калия, расправив сотни своих капюшонов и высунув языки, стал изрыгать смертельные пары и пламя, но Кришна запрыгнул на его капюшоны и начал танцевать. Перепрыгивая с капюшона на капюшон, Господь зажигательно танцевал, а лучи от драгоценных камней на головах Калии окрашивали Его стопы в красный цвет. Кришна ударил его стопой, и Калия стал изрыгать остатки пищи и отчаянно бороться за свою жизнь. Его капюшоны смялись, и из ртов потекла кровь. Поняв, что Кришна - властелин всего сущего, почти лишившийся чувств Калия покорился Ему. Полубоги с небес осыпали Кришну цветами, пели хвалебные гимны и били в барабаны.

Нагапатни, жёны Калии, обратились к Кришне с молитвами: «О дорогой Господь, за что Калии выпала такая удача? Его коснулась пыль с Твоих нежных как лотосы стоп. Даже богиня удачи совершала суровые аскезы, чтобы заполучить эту пыль. Твой танец на капюшонах Калии освободил его от всех грехов».

Кришна выслушал молитвы Нагапатни, вернул Калию к жизни и позволил переселиться в океан. Ямуна очистилась от его яда.

До последнего времени, глядя вниз на обломки мусора, я сопротивляюсь желанию критиковать. Сам Шрила Прабхупада дал изумительное объяснение: святая дхama не разрушается. Грязь является побочным продуктом моего осквернённого сознания и сознания подобных мне кающихся обманщиков, смывающих с себя грехи в священной реке. Преданный никогда не должен считать Ямуну осквернённой, но наоборот, кристально чистой, поскольку она тождественна Шри Кришне.

Прабхупада решил, что пришло время возвращаться в храм Радха-Дамодары. Башни храма Мадана-мохана, сделанные из красного песчаника, нависают над нами в тумане. Из достопримечательностей Вриндавана знаменитый храм Мадана-мохана особый. Он стоит на самом высоком холме в округе. Ачйютананда Свами соглашается отвести меня сюда после завтрака.

На обратном пути Прабхупада шагает ещё быстрее, не останавливаясь для разговоров. В храме люди уже ждут его лекцию, которая назначена на 7.30. Они сидят на заднем дворе под разросшимся манго, рядом с самадхи Рупы и Дживы Госвами. Прабхупада входит во двор, за

ним идут Шьямасундара с магнитофоном и Шрута-кирти с ковриком и подушкой. Паломники прекращают обход храма, чтобы посмотреть, как он принимает поклоны от иностранных учеников. Затем он садится на подушку, берёт цимбалы и поёт песню Бхактивиноды Тхакура о Вриндаване. «В ней есть всё, - сказал однажды Прабхупада. - Кришна, Радхарани, Вриндаван, Говардхан, Ямуна и гопи». Он поёт дрожащим голосом, наполненным преданностью. Его глаза закрыты, и цимбалы сверкают в утреннем свете. Его пение настолько глубокое, что каждое слово кажется похожим на сжатую Веду, наполненную трансцендентным смыслом.

*джая радха-мадхава кунджа-бихари
гопи-джана-валлабхагири-вара-дхари
яшода-нандана браджа-джана-ранджана
ямуна-тира-вана- чари*

«Кришна - возлюбленный Радхи. Он являет Свои любовные игры в рощах Вриндавана. Он — возлюбленный пастушек Враджа. Он поднял холм Говардхан, чтобы защитить Своих преданных. Он любимый сын, Яшоды и радость обитателей Враджа. Он бродит по берегам Ямуны».

Спев этот стих, Шрила Прабхупада начинает серию лекций по своей недавно изданной книге «Нектар преданности: совершенная наука бхакти-йоги», представляющей краткое изложение «Бхакти-расамрита-синдху» Рулы Госвами.

- У каждого есть свои уникальные отношения с Кришной, - говорит Прабхупада. - Они будут постепенно открываться по мере вашего роста в преданном служении благодаря следованию шастрам и духовному учителю. Чтобы понять труды Рупы Госвами, мы должны общаться с преданными, а не пытаться понять любовь Радхи и Кришны. Сначала, служа Госвами, мы должны научиться быть чистыми преданными. По мере совершенствования нам будут раскрываться наши отношения с Кришной. Они проявляются. Например, когда юноша достигает определённого возраста, в нём само собой проявляется сексуальное желание. Этому не нужно учиться. Оно появляется в своё время так же, как восходит солнце. Вы не можете заставить солнце взойти глухой ночью. Просто подождите. Наступит время, и оно взойдёт само. Преданное служение следует совершать с терпением и энтузиазмом. Нужен энтузиазм - это первое качество. Глупость не будет вам помощником. Мой Гуру Махарадж часто говорил: «Если в человеке есть жизнь, он сможет стать проповедником. Мертвец - нет». Поэтому мы

должны быть полны энтузиазма, чтобы изо всех сил проповедовать славу Господа. Не обязательно становиться большими учёными. «Мой Господь такой великий, такой добрый, такой красивый, такой удивительный - я должен рассказать что-нибудь о моём Господе». Вот признак энтузиазма. Вы можете не знать Кришну в совершенстве. Он безграничен. Невозможно узнать Его на сто процентов. Но мы можем понять Кришну настолько, насколько Он раскрывает Себя нам. Если мы искренне и с верой служим Ему, Кришна откроет Себя. Вы не сразу обретёте совершенство и полное сознание Кришны. Мы находимся в атмосфере несовершенства. Тем не менее, если мы исполняем наши обязанности, успех гарантирован. Мы должны повторять минимум шестнадцать кругов мантры Харе Кришна. Шестнадцать кругов - это ничто. Здесь во Вриндаване есть много преданных, которые повторяют сто двадцать кругов. В западных странах сложно прочитывать шестьдесят четыре круга; поэтому минимум - шестнадцать. Они должны быть дочитаны. Это принцип. Если вы практикуете сознание Кришны, в следующей жизни получите, по меньшей мере, тело человека. Предположим, вы, ещё не созрев, по какой-то причине пали. Ну и что с того? Всё, что вы делали искренне, записано в журнале Кришны. Кришна - наш бухгалтер.

Неожиданно Прабхупада начинает смеяться.

- Да, Он ведёт подробный учёт поступков Своих преданных. Это факт. Деятельность непреданных учитывает Ямарадж, карающий бог смерти, а счета преданных ведёт Сам Кришна. Наш долг - предаться Кришне. Если мы вручим себя Ему на сто процентов, получим стопроцентный результат. *Сарва-дхарман паритъяджъя мам экам таранам враджа*. Если Кришна освободит меня от последствий всех моих проступков, разве я буду страдать? Преданный не наслаждается и не страдает, потому что он всё делает для Кришны. Лично для него нет никакой речи о карме. Если вы действуете для Кришны, вы свободны; но если вы действуете как-то иначе, это карма-бандха. Деятельность карми, *гьяни* и йогов - карма-бандха, она связывает. Гьяни и йоги сливаются с бытием Брахмана, лишаясь своей индивидуальности, но такой вид освобождения - не для преданных. Для преданного освобождение означает отправиться на Вайкунтху, Голоку Вриндавану, и вечно служить Кришне. Чтобы лучше служить Кришне, великие Госвами отказались от своих правительственных постов и добровольно стали нищими. Если человек меняет цвет одежды³ в подражание кому-то, он

³ В вайшнавской традиции семейные люди носят белые или светло-жёлтые одежды, а аскеты и монахи - шафрановые.

неизбежно падёт жертвой наркотиков или секса.

Но Госвами не падали, потому что испытывали к Кришне те же чувства, что и гопи. В океане любви Кришны и гопи ходят волны, и они с головой захлестнули Госвами, а потому материальное наслаждение их не привлекало. Под сенью лотосов стоп Кришны вы никогда не почувствуете нехватку счастья или наслаждений. Это истина. И если вы хотите сохранить преданность Его стопам-лотосам, всегда служите Ему с любовью. Большое спасибо.

Шрила Прабхупада ждёт вопросов. Взоры людей прикованы к нему. Паломники прерывают парикраму и толпятся за спинами слушателей, стремясь получше всё разглядеть. Обезьяны раскачиваются на ветвях манго и верещат, словно тоже пытаются спросить Прабхупаду, как решить свои проблемы. Шрута-кирти вручает Прабхупаде газетную вырезку, и он читает.

- Итак, мы только что получили газетную статью из Дурбана, Южная Африка, - говорит он и показывает вырезку, держа её большим и указательным пальцами. - Двое наших юных госвами, Риши Кумар и Гирирадж брахмачари, хотя им всего по двадцать лет, отправились в Южную Африку распространять послание Кришны. Это очень вдохновляет. По милости Господа Чайтаньи послание Его Светлости успешно распространяется по всему миру. Вы также являетесь членами

этого общества. Просто попробуйте проповедовать это послание: пойте Харе Кришна. Чем больше вы проповедуете, тем сильнее становитесь. Шрила Рупа Госвами говорит: «Так или иначе, заставьте людей обрести сознание Кришны». Как наша малышка

Сарасвати. Прабхупада показывает на Сарасвати, пятилетнюю дочь Шьямасундары и Малати. Сарасвати тут же кланяется.

- Сарасвати тоже проповедует. Она идёт к какой-нибудь подружке и спрашивает: «Ты знаешь, кто такой Кришна?» Та отвечает: «Нет». Тогда Сарасвати говорит: «Кришна - Верховная Личность Бога», - Прабхупада снова смеётся. - Это проповедь. Совсем не

трудно. Как этот ребёнок, вы идёте повсюду и сообщаете каждому: «Кришна - это Верховная Божественная Личность». Любой так может. Просто верьте, будьте убеждёнными в том, что *ишварах паромах кришнах*. Все кому-то подчиняются, но не Кришна. Обычно люди думают, что конечная цель - это освобождение, но в сравнении с преданным служением она такая незначительная. *Дхарма, артха, кама, мокша*.

Люди так тяжело трудятся ради артхи, денег, думая, что высшая цель жизни - хороший заработок, чтобы удовлетворять чувства - иметь каму, секс. Половое влечение так сильно. Но до тех пор, пока вы потакаете чувствам, вы никогда не будете удовлетворены. Ваша половая жизнь принесёт удовлетворение, только когда вы придёте к сознанию Кришны.

Кришна - это Мадана-мохан, покоритель Камадевы, или Кандарпы, бога половой жизни. На Западе Камадеву называют Купидоном. Если мы привязаны к красоте Кришны, нас никогда не тронут стрелы Купидона. Если не увлечёшься красотой Кришны, нас неизбежно будет манить красота этого материального мира, но она не что иное, как искажённое отражение безграничной красоты Кришны. Есть ли какие-нибудь вопросы?

- Да, - поднимает руку один индийский джентльмен среднего возраста. - У меня есть.

- Спрашивайте.

- Вы сказали, что Кришна - это Купидон?

- Да, - говорит Прабхупада. - *Праджанаш часми кандарпах*. «Я - Кандарпа», - говорит Кришна в Бхагавад-гите. Кришна - это всё, но это не означает, что мы поклоняемся всему как Кришне. Здесь есть разница. Поэтому Санатана Госвами возвёл здесь храм Мадана-мохана. Моханом зовут Купидона, а Мадана-мохан - это «тот, кто покорил Купидона». Ещё Кришну зовут Мадана-моханом потому, что Его красота побеждает красоту тысяч Купидонов.

Радхарани называют Мадана-мохана-мохини, что означает «Та, кто очаровала покорителя Купидона». Нет никого привлекательнее Кришны, но Радхарани привлекает Его. Поэтому Её могущество запредельно. Она является проявлением личной энергии наслаждения Кришны. Это понятно?

- Да, спасибо, - говорит мужчина.

- Ещё вопросы? - Прабхупада смотрит вокруг, затем делает знак Шьямасундаре, чтобы тот выключил магнитофон. - Теперь давайте проведём киртан.

После киртана Шрила Прабхупада возвращается к себе принять лёгкий завтрак и отдохнуть. Я поднимаюсь на крышу и прошу Гурудаса открыть кладовку, чтобы я мог взять свои вещи.

- Хаягрива Прабху! - зовёт Ямуна, затем начинает смеяться. - О Гурудас, ты только посмотри! Я повсюду искала эту простынь.

- Утром дверь была закрыта, - объясняю я.

- Прабху, - смеётся Гурудас. - Дхоти на базаре стоят каких-то десять рупий. Ямуна купила эти простыни для постелей.

- Ачьютананда обещал мне показать храмы. Кстати, где он?

- Во-о-он! - Гурудас видит со своего угла крыши Ачьютананду. - Ты собираешься в Рамана-рети?

- Позже. Прямо сейчас я хочу увидеть храм Мадана-мохана.

Я открываю рюкзак, достаю дхоти и начинаю переодеваться. Прадьюмна сидит на краю крыши и читает. Он подзывает меня к себе.

- Смотри, Махарадж ждёт, - говорит он и показывает вниз на улицу. - Он уже сидит в рикше.

- Пошли, Хая! - машет мне рукой Ачьютананда. - Счётчик уже включен.

- Сейчас буду!

Я опрометью бегу вниз, на ходу заряжая плёнку в фотоаппарат фирмы «Пентакс» и заправляя дхоти. Мы отправляемся в паломничество к храму Мадана-мохана, покорителя Купидона.

Глава 9

Храмы Мадана-мохана и Говиндаджи

- Вдвоём мы ни за что сюда не влезем. Это очевидно.

- Давай, Хая. Ты втиснешься, - настаивает Ачьютананда, но его талия говорит громче, чем слова. На сиденье осталось всего десять сантиметров. Даже мальчик-рикша смотрит скептически.

- Давай возьмём ещё одну, - предлагаю я и подзываю другого мальчика. - За мой счёт.

Так, ясным октябрьским утром мы нанимаем две рикши до священной реки. Мальчики-рикши, перешучиваясь и хихикая, мчатся по узким булыжным мостовым. Мы проносимся мимо дома Мирабаи и дальше, за храм Шахджи к Кеши-гхату. Я плачу, и мы отправляемся в путь пешком по дороге парикрамы.

На берегах реки большая активность. Паломники быстро идут по старой пастушьей тропе, пытаясь успеть обойти город до полудня. Вдоль

берегов люди стирают одежду, молотя её об камни. На песке разбросаны красочные узоры из сохнувших сари. Ниже по течению, где река мелкая, мальчишки-пастухи переводят сотни белых коров с высокими горбами на северный берег. Почти обнажённые *бабаджи* с посыпанными пеплом телами сидят на корточках под чатрами на верхних ступеньках гхата. Шиваиты курят ганджу в глиняных *чилпумах* и поглощают слепки *бханга*, запивая их святой водой Ямуны. Лодки везут пассажиров от Кеши-гхата на противоположный берег, где больше места для стирки. И конечно же, мужчины, женщины и дети неспешно моются, получая удовольствие от самого совершенного из омовений - индуистского.

Огромные каймановые черепахи плавают в опасной близости от купальщиков, но никто не обращает на них внимания.

- У них зубы как лезвия, - рассказывает мне Аччютананда, - но они никогда не нападают на живое тело.

- Тогда что они едят?

- Детей, - говорит он.

- Что?!

- Умерших детей, которым нет десяти лет, не кремируют. Их просто бросают в реку. Черепахи обгладывают их до костей за несколько минут.

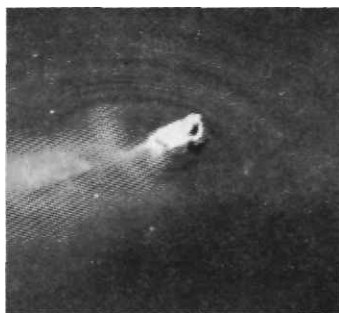
- Джай!

Неожиданно мы сталкиваемся с Малати, которая ведёт за руку Сарасвати.

Они обе идут от Чир-гхата, и их широко раскрытые глаза светятся блаженством.

- Мы только что видели Кришну, - говорит маленькая Сарасвати. - Он украл одежды у гопи.

- Неужели? - спрашиваю я, глядя её по голове.

- Да, на самом деле, - вид Малати совершенно серьёзен. - Прямо за углом Кришна крадёт одежды. Не пропустите Его!

- Да пошли, Хая, - говорит Ачьютананда, и мы оставляем Малати и Сарасвати, всё ещё рассказывающих о Кришне, крадущем одежды.

Мы поворачиваем за угол и входим в тень огромного баньяна. Там на дереве сидит Господь Кришна. В руках у Него одежды девушек-пастушек. Его глаза большие и тёмные, а лицо выражает живое веселье.

- Это Чир-гхат, - говорит Ачьютананда. - Женщины приходят сюда, чтобы повесить свои сари на ветви этого дерева и помолиться о хорошем муже.

- Кто заботится о Божестве?

- Божество выносят утром и заносят перед заходом солнца, - говорит он. - Оно живёт в храме неподалёку. Согласно Дживе Госвами, эта игра проходила в десяти километрах вверх по реке. Но, так или иначе, Чир-гхат популярное место.

- Он красивый, - говорю я. - Посмотри на эти глаза.

Я жертвую в *хунди* у подножия баньяна две рупии, кланяюсь и делаю снимок.

Дело было в октябре. Гопи поклонялись богине Катьяяни (Дурге), чтобы получить Кришну в мужья. Они привыкли приходить сюда ранним утром для омовения. Обычно гопи оставляли свои одежды на берегу и купались обнажёнными. Кришна знал, что они хотят Его в мужья, и однажды утром неожиданно появился на берегу. Пока девушки купались, Он собрал с берега их одежду и взобрался с ней на дерево, предка этого баньяна.

«Подходите за своими одеждами по одной, - крикнул Он гопи. - У всех вас тонкие талии, и Я хочу посмотреть на них».

Гопи были очень рады, но притворились раздосадованными. Хотя они любили Кришну больше самой жизни, они были слишком застенчивы, чтобы выйти из воды неодетыми. Через некоторое время они начали дрожать от холода.

«Дорогой Кришна, - сказали они, - мы Твои вечные служанки, но если Ты не отдашь нам наши одежды, мы пойдём к Твоему отцу, Нанде Махараджу, и всё ему расскажем. А если он ничего не сделает, мы пойдём к царю Камсе».

«Идите, рассказывайте Моему отцу, что хотите, - сказал Кришна. - Он слишком стар, чтобы что-нибудь сделать. Но если вы Мои служанки, тогда выходите сюда по одной и забирайте свои платья ».

Гопи подчинились, видя, что Кришна настроен решительно. Когда они выходили из воды, они прикрывались руками. В ведической культуре женщина не может появляться обнажённой ни перед одним мужчиной, кроме своего мужа. Гопи хотели, чтобы Кришна стал их мужем, и чтобы исполнить их желание, Кришна сказал: «Вы нанесли оскорбление божеству реки, Варуне, потому что зашли в воду голыми, так что сложите руки в *намаскаре* и просите у него прощения».

Простодушные девушки тотчас же поклонились, почтительно соединив ладони над головой. Так они стояли обнажёнными перед Кришной, и их мечты стать Его жёнами осуществились.

Пятью тысячами годами позже прекрасные смуглые девушки с глазами как у ланей приходят к Чир-гхату, привязывают свои сари к баньяну, склоняются до земли и молятся: «Дорогой Кришна, пожалуйста, дай мне молодого, красивого, сильного, богатого мужа».

Мы идём дальше вверх по течению. Тропинка извивается через дворы храмов, проходит мимо чатр и гхатов, которые остаются высокими и сухими из-за постоянно меняющей своё течение Ямуны. Затем она сливается с грязной дорогой, вдоль которой тянутся подпорные стены, сделанные из глины. Дорогу даже изрыли дренажными канавами, чтобы осушить её. С левой стороны осыпающиеся фасады домов и старых дворцов, а со стороны реки поля, поделённые на маленькие наделы.

- Вот Имлитал, - говорит Ачьютананда, показывая на маленький храм под раскидистым тамариндом. - Позже мы примем здесь прасад.

Вскоре показываются башни храма Мадана-мохана. Каменные ступени ведут вверх по склону холма к храму. Этот холм самый высокий в округе, хотя высотой он меньше тридцати метров.

- Это холм Двадашадитья, - рассказывает мне Ачьютананда, - холм двенадцати солнц. Сам район называют Какия-гхатом, потому что здесь Кришна победил Калию. После танца на капюшонах Калии Кришна немного замёрз и пришёл сюда. Когда Радхарани захотела согреть Его, в небе одновременно взошли двенадцать солнц, чтобы Кришне стало теплее.

Мы идём по грязным лужам к основанию холма. Каменная лестница ведёт вверх к храму. С верхних ступенек нам открывается прекрасный обзор обоих берегов Ямуны. Поля простираются почти на двести метров от холма до реки, и крестьяне засаживают их овощами и строят хижинки из глины и соломы. В сезон дождей поля затапливаются, но сейчас они очень сухие. За рекой - лес Нандаграм.

- Храм Мадана-мохана был первым храмом, построенным во Вриндаване, - просвещает меня Ачьютананда. - Он был закончен в 80-х годах шестнадцатого века. Давай обойдём вокруг.

Храмовый комплекс из красного песчаника состоит из ворот, неф⁴ и двух цилиндрических башен - всего четыре отдельных строения. Башни не выше пятнадцати метров в высоту, но с холма Двадашадитья они господствуют над горизонтом Вриндавана.

Что делает храм Мадана-мохана таким популярным? Его слава не в высоте, не в украшении. На меньшей башне резьбы нет вообще, а вторую украшает только два основных узора - лотос и драгоценный камень. Более высокая башня разделена на четыре секции, каждая следующая секция меньше предыдущей. Лотос, вырезанный на верхушке, представляет собой искусную корону, хотя пять из восьми гаргуй⁵, окружающих его, отсутствуют.

- Раньше здесь наверху был золотой шпиль, - говорит мне Ачьютананда, - его украли мусульмане.

Позади башен находятся квадратные ворота с пирамидальной верхушкой и неф примерно двадцати метров в длину. Сводчатая крыша нефа полностью отсутствует, и верхняя часть клироса⁶ также разрушена.

Внешняя поверхность покрыта рельефными панелями, а над восточной дверью надпись на санскрите объявляет, что этот храм посвящен Нандакишору, Кришне.

⁴ **Неф** (корабль) - вытянутое помещение, часть интерьера, ограниченная с одной или с обеих продольных сторон рядом колонн или столбов.

⁵ **Гаргулия** - мифическое чудовище, в Европе обычно его изображают на старых католических соборах.

⁶ **Клирос** - возвышение по обеим сторонам алтаря, в христианской церкви - это место для певчих во время богослужения.

В течение последних ста пятидесяти лет кто-то пытался восстановить неф, используя вместо красного песчаника кирпич. К счастью, от этой попытки отказались. Квадратные ворота, выполненные из того же тёплого красного песчаника, что и башни, теперь служат убежищем для бесчисленных летучих мышей. Они шумно хлопают крыльями, когда мы входим в галерею. Повсюду в изобилии узоры в виде лотосов и камней, а над внешней аркой сражаются два резных слона.

В маленьком алькове⁷ главной башни поклоняются Божествам Радха-Кришны и Гаура-Нитай, а также Божеству Гопала-Кришны, воришке масла, и Говардхана-шилам, камням с холма Говардхан.

Обойдя вокруг храма, мы садимся отдохнуть возле самадхи Санатаны Госвами. Пожилой садху достаёт из колодца воды и подаёт её нам в глиняных чашках. Вода чистая, холодная и сладкая.

- Пей вдумчиво, - говорит Ачйотананда. - Кришна тоже пил из этого ко.к) та.

Пока мы сидим и смакуем воду, Ачйотананда рассказывает мне историю храма.

Когда в шестнадцатом веке сюда прибыли Госвами, Вриндаван был джунглями, лесом из туласи и нимов. Тем не менее, Чайтанья Махапрабху попросил их возвести здесь храмы.

Из всех Госвами Санатана совершал самые суровые аскезы. Однажды ему отдали на воспитание одного совсем непослушного мальчика по имени Мадана-мохан в надежде, что влияние великого мудреца окажет

⁷ **Альков** - (франц. alcove) углублённая часть комнаты, ниша в стене.

на него благотворное влияние. Санатана посылал мальчика за водой из этого самого колодца, но однажды мальчик исчез, а на его месте появилось Божество Мадана-мохана. Конечно, тогда здесь никакого храма не было. Санатана держал Божество на дереве и заворачивал в простую ткань.

А вот как Санатана кормил Божество. Он брал немного муки, смешивал её с водой Ямуны, скатывал из теста шарики и бросал в огонь, разведённый из коровьего навоза. Затем, когда шарики хорошо пропекались, он предлагал их Мадана-мохану. Эта не самая вкусная пища предлагалась Божеству день за днём. В конце концов Божество сказал: «Ты ничего не даёшь мне кроме этого хлеба! Хоть бы посолил!»

«Сегодня Ты просишь немного соли, - ответил Санатана в трансцендентном гневе, - а завтра захочешь немного сахара. Затем немного ги. Ты обеспечиваешь вселенную всем необходимым. Я же могу предложить Тебе только то, что Ты мне даёшь».

В это время мимо по Ямуне, в лодке, гружёной солью, проплывал богатый торговец по имени Рамдас. Внезапно лодка села на мель прямо напротив холма Двадшадитья. Лодка не могла сдвинуться с места. Какой-то местный мальчик посоветовал торговцу обратиться за помощью к Санатане Госвами. Совершенно расстроенный, Рамдас отправился к Санатане, который сказал: «Я не могу ничего сделать, но ты можешь помолиться Мадана-мохану, Он живёт на том дереве».

Как только Рамдас начал молиться, лодка соскользнула с песка. «Чем я могу отплатить тебе?» - спросил он.

«Мне ничего не нужно, - сказал Санатана, - но ты можешь построить храм для моего Мадана-мохана».

И храм Мадана-мохана был построен на прибыль от продажи груза соли.

Во время мусульманских преследований 1780 года Махарадж Джайпура приказал перевезти все ценные Божества Вриндавана в Джайпур для сохранности, но принцесса Кароли в Раджастане молилась Мадана-мохану, чтобы Он пришёл к ней. Мадана-мохан так и сделал, и в Кароли и по сей день проводят пышное поклонение этому изначальному Божеству.

Мы кланяемся у самадхи Санатаны Госвами возле мемориальной мраморной доски, где высечены слова Господа Чайтаньи из «Шикшаш-

таки»: *парам виджаяте шри-кришна-санкиртанам* - «Слава санкиртане Шри Кришны» и последняя строка первого стиха Шримад-Бхагаватам: *сатъям парам дхимахи* - «Я медитирую на Абсолютную Истину».

Сделав снимки, мы спускаемся по лестнице и возвращаемся на парикрамскую дорогу.

- В праздничные дни по этой лестнице поднимается и опускается так много садху, - говорит Ачйотананда, - что она выглядит как одна из византийских лестниц в рай.

* * *

Мы спешим обратно, чтобы успеть к полуденному арати в храме Имлитала. Говорят, что древний узловатый имли⁸ во дворе храма стоит здесь уже пять тысяч лет. Кришна ждал под этим деревом Радху после того, как исчез с танца раса. И когда Кришна вернулся во Вриндаван в облике Господа Чайтаньи Махапрабху 25 октября 1512 года, Он сел здесь, охваченный тем же горем разлуки.

- Тёмное тело Господа Кришны стало золотистым, когда Он думал о Радхарани, - рассказывает мне Ачйотананда. - А золотистое тело Чайтаньи Махапрабху стало тёмным, когда Он думал о Кришне.

Пуджари гудит в раковину, сообщая о начале арати, и двери комнаты Божеств открываются. Алтарь имеет три углубления. В центральном стоят Божества Радхи и Кришны. Кришна вырезан из чёрного мрамора, а Радха - из белого. В нише справа находятся Божества Гаура-Нитай - Господь Чайтанья Махапрабху и Нитьянанда, а в нише слева - мурти Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати. На нём очки, и сидит он очень прямо. Храм Имлитала был основан его Гаудия-матхом.

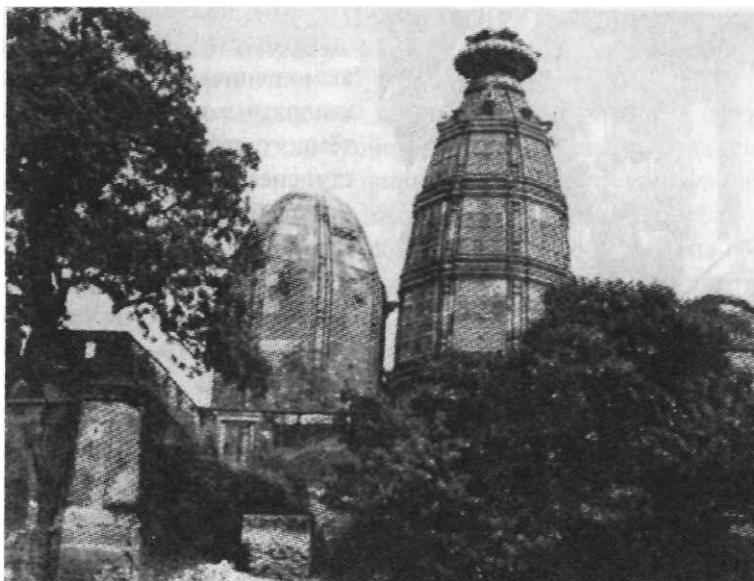
Арати заканчивается, и пуджари закрывает двери алтаря. Во дворе раздают *прасад*: рис, *дал*, чапати и *сабджи* на банановых листьях и холодный арбузный сок в глиняных кружках. Ачйотананда берёт две добавки. Брахмачари счастливы видеть, как он ест, и слышать, как он разговаривает на хинди и бенгали. Многие монахи - выходцы из Бенгалии.

Позже меня представляют главе ашрама, Нитьянанде Свами, спокойному и разумному мужчине с коротко остриженными седыми волосами и бородой. На вид ему около шестидесяти. Он немного знает английский, но Ачйотананда некоторое время разговаривает с ним на хинди. Как и большинство лидеров Гаудия-матха, Нитьянанда является духовным братом Шрилы Прабхупады.

¹ Имли - тамаринд.

- Он полностью симпатизирует Шриле Прабхупаде, - говорит мне Аччютананда, - в отличие от большинства духовных братьев, которые критикуют его за проповедь на Западе. Некоторые настолько завидуют ему, что заявляют, будто Прабхупада лишился своего брахманского положения, переплыв «чёрный океан».

После Имлитала мы возвращаемся на улицы Вриндавана и берём рикши до храма Говиндаджи. Он прославился как «самое впечатляющее религиозное сооружение, которое когда-либо создавало индусское искусство, по крайней мере, в Верхней Индии». Моя первая реакция: «Он слишком низкий». Но затем я вспоминаю, что здесь присутствуют только три первых этажа; Аурангзеб снёс четыре верхних. Поэтому я смотрю, минимум, на половину того, что было первоначально.

Говорят, что красный песчаник пожертвовал Акбар Великий, а строительство финансировал Раджа Ман Сингх, ученик Рагхунатхи Бхатты Госвами. Величественный семиэтажный храм был построен в 37-й год правления Акбара (1590 год) под руководством Рупы и Санатаны Госвами. Предание гласит, что Рулу Госвами привёл сюда прекрасный мальчик-пастушок и посоветовал провести поблизости раскопки. Рупа Госвами откопал самопроявленное Божество Говинда-дева - Кришны в образе мальчика-пастушка.

Существуют различные мнения о том, как появилось Божество. Большинство бриджабаси верят, что Рупа Госвами выкопал его где-то

здесь, но некоторые считают, что Божество было найдено в коровнике Нандаграма, в нескольких километрах отсюда.

Другие говорят, что Божество появилось из пруда на Говардхане. В любом случае, во время правления Аурангзеба Кришну увезли в Джайпур для сохранности.

Аурангzeb пришёл в ярость, когда, выглянув из окна дворца, увидел огромный факел на верхушке храма Говиндаджи. Он тут же объявил, что никакой источник света не может находиться выше, чем свет его дворца, и приказал разобрать четыре верхних этажа пирамидального храма Говиндаджи, верх которого венчали пять башен.

- Он великолепен, - восхищённо говорю я Ачьютананде. - Давай взглянем поближе.

Мы подходим к наклонной поверхности внешнего двора, вымощенного плоскими квадратными камнями более тёмного оттенка, чем храм. Семь ступенек ведут к главному входу, который сейчас не имеет дверей. Широкие стены храма придают зданию массивный вид. Его тёплый оттенок - такой же, у

храма Мадана-мохана - исходит от естественного блеска красного песчаника, похожего на тёмное красное дерево.

Да, храм Говиндаджи имеет тёплый колорит дерева, а его резьба - аккуратность и твёрдость камня. Богатое великолепие скульптуры - возвышающиеся один над другим горизонтальные слои - придаёт всему зданию эффект щедрого наслоения. Повсюду видны резные восьмиугольники, листья, драгоценные камни, пики, лилии, сердечки, колокольчики, лотосы и концентрические круги.

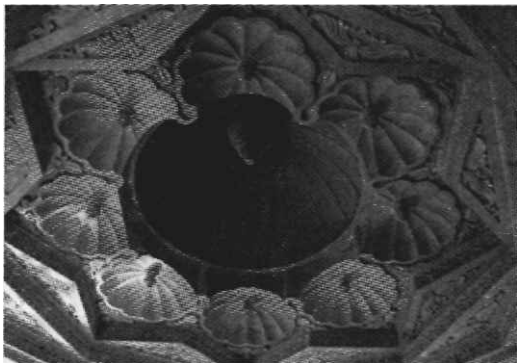
Внутри храма взор привлекает сводчатый потолок и великолепно вырезанный на нём лотос. Изначально свод был усыпан драгоценными камнями; сейчас мы видим только ужасные дыры, оставленные мусульманами после разграбления.

Общий план здания напоминает греческий крест, в котором и неф, и его пересечение простираются на десятки метров в длину.

Уникальное сочетание купола и шпиля напоминает мне западные кафедральные соборы.

Алтарь с обеих сторон защищен боковыми пределами, каждый из которых имеет свой отдельный вход.

Даже внутри этого креста вас не покидает ощущение пространства. Свет в изобилии попадает внутрь с трёх направлений. Не менее сотни маленьких арочных окон создают эффект пчелиных сот.

Главный изначальный алтарь храма Говиндаджи был разрушен до основания, но в 1854 году он был наспех восстановлен из кирпичей, и в нём установили новые Божества.

Со времён Аурангзеба и до настоящего времени ничего не делалось для того, чтобы уберечь храм Говиндаджи от разрушения. В действительности, сто лет назад бриджабаси смотрели на него как на подходящий источник строительных материалов. Большинство туристов проходят мимо храма из-за его неприметного внешнего вида, причиной которого послужил снос верхних этажей и высокого сводчатого парапета.

- Под одной из часовен есть подземелье, - сообщает мне Ачьютананда. - Ходят слухи, что в нём Госвами поклонялись Вринде, туласи, когда только прибыли сюда.

- Мне становится грустно, когда я смотрю на всё это, - говорю я. - Опять *девы* и *асуры*, творцы и разрушители.

Я смотрю с холма вниз на популярный храм Рангаджи, безвкусную имитацию знаменитого храма Шри Рангама в Южной Индии. В противоположность Рангаджи величественные развалины храма Говиндаджи красноречиво говорят о любви, вложенной святым в свой труд. «Моё царство не в этом мире», - словно поют его камни. Рупа Госвами наверняка знал, что однажды к власти придёт монгольский наследник, который не будет таким же великодушным и благожелательным, как Акбар. И всё равно Рупа создал великое творение только лишь во имя преданности, как и всегда оставив результаты на волю Господа.

Мы подзываем двух рикш с улицы под нами, и пока мы спускаемся с холма к Рангаджи, я снова и снова проклиная Аурангзеба.

Из громкоговорителей храма Рангаджи разносятся пронзительные звуки рожков шеная, арабские мелодии, вызывающие в уме образы раскачивающихся кобр и танцовщиц гарема. Через проём в наружной стене я вижу паломников, которые снимают обувь, чтобы войти. Иностранцев сюда не пускают.

Храм Рангаджи был закончен в 1851 году ценой шестилетнего труда и четырёх с половиной миллионов рупий. Там стоят не меньше восьми южно-индийских гопурамов⁹, переполненных аватарами и полубогами. Они вырезаны не лучше, чем стоящие в парках скульптуры. Самый большой гопурам почти 45 метров в высоту. Впереди стоят павильонные ворота из коричневого песчаника высотой в 28 метров, украшенные искусным узором в матхурском стиле. С архитектурной точки зрения эти ворота не имеют ничего общего с гопурамами позади них. Я не могу удержаться и думаю,

что потраченные деньги и энергию было бы лучше использовать на восстановление недостающих этажей храма Говиндаджи.

Но поддержание - это западная традиция. Индийцы пытаются улучшить труд своих предков, строя что-нибудь более грандиозное. Как следствие этого осталось всего несколько сооружений относительно древнего мира.

Мы с Ачютанандой берём рикши до Лой-базара. Там мы покупаем по чашке вкуснейшего горячего *раббри*. Это сладкое блюдо, чем-то напоминающее варёную сгущёнку, наливают в одноразовые глиняные горшочки прямо из кипящего чана. Затем мы отправляемся обратно в храм Радха-Дамодары.

Свернув за угол, мы наталкиваемся на уличных ребятишек. Завидев нас, они кричат «Харе Кришна, Харе Рама» и прыгают от возбуждения, что разговаривают с иностранцами.

- Харе Кришна, - кричу я в ответ и иду дальше. Дети продолжают веселиться.

- Харе Кришна, Харе Рама, - визжат они. - *Дум-маро-дум*.

- Ох, ничего себе! - говорит Ачютананда.

Мы останавливаемся и оборачиваемся, чтобы посмотреть на них. Детишки держатся от нас на расстоянии.

- Ты это слышал? - спрашивает меня Ачютананда.

⁹ Гопурамы - высокие витиеватые башни, типичные для храмов Южной Индии.

- Да, - я поворачиваюсь к ним спиной. - *Дум-маро-дум*.
- Ты знаешь, что это означает?
- Ну, да. Кажется «кури марихуану».

Неожиданно я слышу шлепок, смотрю вниз и вижу пятно грязи на своём дхоти. Происки детей. Я грожу им кулаком, и они разбегаются.

- Ракшасы! - кричу я. - Чтоб вы родились ящерицами!

- Сохраняй терпение, - говорит Ачьютананда. - Помни, мы не должны оскорблять бриджабаси.

- На Паталалоку их всех, - ругаюсь я. Чистое дхоти испачкали!

- Всё из-за дурацкого фильма «Харе Кришна, Харе Рам»!

«Харе Кришна, Харе Рам» - это плохо сделанный низкобюджетный кинофильм, который начинается с записи одного из наших публичных киртанов. Также они вставили в него сцену из Ратха-ятры в Сан-Франциско, 1969 или 1970 года. Сюжет - «лучше не придумашь». Мохини, дочь уважаемого делийского бизнесмена, завлекли в Непал одуревшие от наркотиков американские хиппи. Мохини принимает участие в их оргиях и поёт песню, которой было суждено стать национальным хитом: дум-маро-дум нити-джаи-дам боло суба шьям Харе Кришна, Харе Рам. Кури дум (марихуану), забудь о своих проблемах, утром и вечером пой: Харе Кришна, Харе Рам. Мохини умирает от передозировки наркотиков, и её тело возвращают убитой горем семье. Фильм заканчивается пением Харе Кришна в Годцен-Гейт парке.

Мораль ясна: агенты ЦРУ, переодетые в хиппи и монахов из Харе Кришна, собираются разложить молодежь Индии наркотиками и сексом.

- Но ведь здесь нет кинотеатра, - удивляюсь я.

- Они ездили в Матхуру, - говорит Ачьютананда. - Некоторые даже в Агру, так он им понравился. Всё, что здесь видят в газетах и фильмах, принимают как ведическую истину. С помощью телевидения правительство может лепить из них всё что угодно.

- Думаешь, этот фильм финансировало правительство?

- Сомневаюсь. Наверное, какой-то ненормальный собирается сделать на этом деньги и выстрелить в Америку и ИСККОН. В любом случае, мы ещё не раз услышим эту «Дум-маро-дум». Она повсюду - в Дели, Калькутте, Бомбее, она популярнее, чем национальный гимн.

- Но она оскорбляет Шрилу Прабхупаду и маха-мантру, приравнивая её к наркотическим песням хиппи.

- Некоторые очень завидуют Прабхупаде. Они знают, что он строит большой международный храм в Рамана-рети, и хотят остановить его. Нельзя сказать, какие ещё пакости могут устроить завистники.

На входе в храм Радха-Дамодары вдруг слышим крики. Обернувшись, мы видим детей, которые в панике бегут по улице, а следом - наводящее ужас существо, которое обратило их в бегство. Это паренёк в костюме четырёхрукой богини Кали с короной из деревянных черепов. Его тело выкрашено в чёрный цвет, а из оскала хищных острых зубов свисает искусственный язык. Мальчику как-то удалось прицепить вторую пару тряпичных рук и даже двигать ими. В настоящих руках он держит короткую саблю и медную чашку для подаяний. На нём длинное чёрное платье, из под которого гремят *гунгуру*, ножные браслеты из грубо сточенных бубенцов. Он вдруг закатывает глаза, издаёт зловещий протяжный вопль и начинает кружиться в шаманском танце, неистово топая и размахивая руками. Кали, материальная природа, обманом низвергает душу в океан страданий материального мира, убивает её и снова заставляет родиться, чтобы заблудшая *джива* наконец предалась лотосоподобным стопам Господа. Кали - страшная владычица. Я ощущаю зловещую ауру, кажется, актёр настолько вошёл в роль, что стал её проводником, к счастью, в незначительных дозах.

Бросив рупию в медную чашку мальчишки, я натываюсь на неодобрительный взгляд Ачйотананды.

- Ему ты ничего не должен давать.

- Ты слишком долго пробыл в Индии, - огрызаюсь я. - Понимаешь, он обращает внимание на несколько интересных моментов.

- Например?

- Ну, скажем, «все люди должны умереть».

- Ты этого не знал?

- Должен сознаться, что иногда забываю.

Ачйотананда отворачивается и идёт к воротам храма.

- Пошли. Помогу вычистить тебе дхоти.

Глава 10

Жизнь в храме Радха-Дамодары

Я спускаюсь вниз в квартиру Шрилы Прабхупады, где Ямуна готовит ему обеденный прасад. В кухонной нише, отделённой от остальной комнаты низкой кирпичной стеной, рядом с котелком сабджи сидит на корточках толстая седовласая индианка. Прабхупада отдыхает снаружи в открытом внутреннем дворе. Через террасу видно, как Шрута-кирти массирует ему голову горчичным маслом.

Пожилая женщина говорит что-то на хинди и снимает котелок с огня. Хотя её лицо круглое и полное, оно является женской копией лица Прабхупады.

- Ты знаком с Пишимой? - спрашивает меня Ямуна. - Она младшая сестра Шрилы Прабхупады.

Ну конечно! Пишима смотрит на меня через очки в роговой оправе, улыбается и качает головой из стороны в сторону. Я выражаю ей почтение, и она отвечает намаскаром, а затем продолжает готовить.

Я уже чувствую, что знаю её. Она относится к любимому типу бабушек, которые балуют внуков любовью и конфетами. Её имя Бхаватарини, но преданные зовут её Пишима, «тётушка». Кажется, что она, подобно Прабхупаде, никогда в своей жизни не имела дурных мыслей. Её выразительные карие глаза светятся любовью. Прабхупада возвращается внутрь после массажа. Пишима начинает говорить с ним на бенгали, и на мгновение кажется, что они спорят. Затем Пишима качает головой и разражается смехом. Очевидно, что она обожает Шрилу Прабхупаду, и хотя кажется, что она по-матерински ругает его, тем не менее, она выражает ему почтение как санньяси.

- Пишима - удивительный повар, - рассказывает мне Ямуна. - Она научила меня любимым рецептам Прабхупады.

- Да, она замечательно готовит, - подтверждает Шрила Прабхупада. - Особенно *качори*.

- Прабхупада так любил качори, что его родители дали ему прозвище Качори дас, - говорит Ямуна.

- Это правда, - смеётся Прабхупада. - А сейчас моя толстая сестра балует меня своими качори день и ночь, так что скоро я стану таким же упитанным, как она.

Пишима единственная из семьи Прабхупады, с кем он поддерживал отношения после принятия санньясы в 1959 году. Я удивлён их сходством. Я всегда думал, что его лицо невозможно скопировать. Прабхупаде подают прасад, а Ямуна и Пишима начинают уборку на кухне.

- Пишима учит Ямуну готовить, - говорит Прабхупада. - Она знает множество первоклассных блюд. Когда Ямуна научится этому искусству, она сможет составить кулинарную книгу вайшнавских рецептов. В

Америке она разойдётся большими тиражами, не так ли? Несколько человек просили такую книгу, когда я был в Гамбурге. Попробовав однажды вайшнавские рецепты, они перестанут готовить все эти отвратительные вещи. Что ты думаешь, Хаягрива?

- Вегетарианство, конечно, становится увлечением, но я сомневаюсь, что большинство американцев или европейцев оставят мясоедение.

- Если человеку показать что-то высшее, он оставит свои глупости, - настаивает Прабхупада, ссылаясь на Бхагавад-гиту.

- Некоторых вегетарианство привлечёт. В Америке интерес к нему уже просыпается, - соглашаюсь я.

- И в Индии тоже, - говорит Прабхупада. - За столетия мусульманского и британского правления многие забыли о древнем наследии. Сейчас же ничто не мешает снова принять ведическую культуру. Нам просто нужно напомнить своим примером о ней. Сейчас индийцы подражают американцам, потому что Америка - страна номер один, и когда они увидят, что вы, американцы, всерьёз приняли сознание Кришны, они последуют за вами. Они сделают это.

- Правительство опасается, что молодёжь уподобится американским хиппи, - говорит Шьямасундара.

- Да, это опасно, - говорит Прабхупада. - *Шреитхам* всегда подражают. Именно поэтому я решил начать движение в Америке. А теперь я пытаюсь заинтересовать индийское правительство, чтобы они помогли нам продвигать его здесь. «Чего вы хотите?» - спрашиваю я их. - Преданных или хиппи? *Бхакт* Кришны или наркоманов?» К несчастью, правительство не может согласиться ни с тем, ни с другим. Поэтому теперь вы, молодые американские преданные, должны показать им.

- Некоторые индийцы настороженно к нам относятся, - замечает Шьямасундара, - потому что думают, что мы хиппи или шпионы.

- Глупости. Говорить можно всё что угодно, но вот *доказать*... Пусть они приходят на наши программы, живут с нами и убедятся во всём воочию. У Америки есть технологии, а у Индии - ведическое знание. Вместе вы можете сделать планету почти такой же, как Вайкунтха, царство Бога.

- Это то, что называют Рам-раджем? - спрашивает Шрута-кирти.

- Да, истинный Рам-радж, - подчёркивает Прабхупада. - У Ганди была любимая поговорка: «Сварадж означает Рам-радж». Они думали, что независимость решит все проблемы, но не приняли во внимание тот факт, что многие страны в течение долгих лет сохраняли независимость, и всё равно люди были неудовлетворены. Это означает, что никакого Рам-раджа нет.

- Прошло уже двадцать пять лет с момента провозглашения независимости, - добавляю я, - но до Рам-раджа, похоже, ещё очень и очень далеко.

- Кришна-радж может начаться немедленно, - твёрдо говорит Прабхупада, - если только правительство примет это движение.

Неожиданно я вспоминаю мириады мрачных лиц рабочих Фаридабада, призраки переселенцев, празднично сидящих в трущобах, мужчин, делящихся друг с другом биди, беспокойство на их хмурых лицах - заботу о том, как уберечь своих жён и детей от голода, и множество других проблем, неизвестных жителям Запада. Где взять достаточное

приданое, чтобы выдать замуж дочерей... Возможно, в ведические времена такие люди смогли бы найти свою нишу в обществе, сосредоточенном вокруг Рамы или Кришны, и наслаждались бы Рам-раджем. Сейчас их культура изломана столетиями иностранной оккупации и искалечена массовой нищетой. Они борются изо дня в день, ища работу, гоняясь за недостижимыми рупиями, делясь несколькими затяжками биди и задаваясь вопросом, наступит ли Рам-радж когда-нибудь снова.

После прасада Шрила Прабхупада объявляет, что он будет отдыхать. Шрута-кирти закрывает ставни и выключает свет. Ямуна и Пишима заканчивают подметать пол, затем выносят на мойку тарелки и остатки прасада для раздачи.

- Маха! - кричит Ямуна, и мы все берём понемногу остатков пищи с тарелки Шрилы Прабхупады. Они всегда готовят огромные горы прасада, из которых он ест совсем чуть-чуть. Прабхупада всякий раз ест меньше, когда он считает, что набирает вес. Однажды он рассказал нам, что его духовный учитель, художавый, аскетичный Бхактисиддханта Сарасвати, видя, что ученик переедает, говорил: «Ты становишься толстым». И тот постился, пока Бхактисиддханта снова не напоминал ему о том, что нужно есть.

В Индии люди имеют обыкновение отдыхать или дремать после обеда. Между двумя и четырьмя часами дня наступает самое жаркое время суток, магазины в это время часто закрыты, и людей не нужно долго уговаривать пойти домой.

Ачютананда и Прадьюмна спят в тени на крыше. Хотя ночью я спал совсем немного, чувствую себя бодро. Сiju с Гурудасом и Ямуной и расспрашиваю их о том, как они впервые приехали в храм Радха-Дамодары.

Ямуна смеётся.

- О Гурудас, ты хочешь вспоминать об этом? Это было такой аскезой.

- Когда это было? - спрашивает Гурудас. - В феврале или в марте?

- В феврале. В феврале 1970 года, когда мы получили тот огромный манильский конверт, заказное письмо от Шрилы Прабхупады. Помнишь?

- Я помню ключ, - подтверждает Гурудас. - Прабхупада послал нам в письме чёрный пятнадцатисантиметровый ключ. Это был ключ от его комнат. Он хотел, чтобы мы приехали сюда и сожгли все его старые деловые бумаги.

- Его комнаты не открывались с 1967 года, - вспоминает Ямуна, - когда Киртанананда принял здесь санньясу. Поэтому, когда Гурудас,

Гирирадж и я открыли дверь, всё было покрыто слоем пыли толщиной в пять сантиметров. Как видишь, в храме Радха-Дамодары нет ни одного стеклянного окна, только железные решётки и ставни. Ты не представляешь, сколько пыли может накопиться за три года. Пыль будто превратила комнату в другой мир с удивительными формами, похожими на скульптуры. Мы обернули головы тканью и сделали в ней маленькие дырочки, чтобы дышать. Нам понадобились часы, чтобы вынести вёдра сажи и пыли.

- А как насчёт его старых бумаг? - спрашиваю я. - У вас действительно хватило смелости сжечь их?

- Нам было *приказано* сделать это, Прабху, - говорит Гурудас. - Мы пошли к реке со всеми бумагами - в основном это были деловые соглашения и записные книжки. В некоторых из них были просто поразительные вещи.

- Да, - подтверждает Ямуна. - Прабхупада иногда упоминал что-то о своей прошлой жизни, но в тех записных книжках содержались подробности его деятельности. Там было множество рукописных бухгалтерских книг. В те дни рупии практически не использовались. В сороковые и пятидесятые годы в качестве платежей использовались соглашения. Оплата за это, оплата за то. Однажды Шрила Прабхупада сказал, что ведение бухгалтерии означает каждый день записывать, что ты получил, и что ты потратил. Он всё методично записывал, будь то две картофелины, древесный уголь или масло - что угодно. Множество бухгалтерских книг относились к его фармацевтической деятельности в Калькутте, Горакпуре и Аллахабаде. Они показывают решительность и основательность Прабхупады во всём, что он делал. Он был очень честным, и каждый его расход подтверждался отчётом.

- Они могут быть бесценным биографическим материалом!

- Могли быть, - возвращает меня к реальности Гурудас. - Как я сказал, мы отнесли всё к реке. Сделали омовение, а затем устроили огромный костёр, в котором сгорели все бумаги, как он просил.

- О нет!

- Позже, в феврале 1970 года, Шрила Прабхупада написал мне, - вставляет Ямуна, - поблагодарив меня за то, что я сожгла их. Затем, в декабре 1971 года Прабхупада начал проповедь в Дели, он проводил публичные лекции в большом *пандале*. Я заработала сильный гепатит и слегла. Шрила Прабхупада забрал меня из женского ашрама и уложил на больничную койку рядом со своими апартаментами. Он каждый день проверял мою температуру и диету и лично прописывал мне необходимые лекарства. К концу программы я уже могла сидеть, но всё равно

была очень слаба.

- Когда он вернулся во Вриндаван? - спрашиваю я.

- В то же время. Из Дели мы вместе с ним отправились во Вриндаван. Мы поехали в автобусе, а Шрила Прабхупада - в типичном индийском амбассадоре. Как обычно, старшие преданные набились на заднее сиденье, а Прабхупада сел когда Прабхупада неожиданно вышел из амбассадора, подошёл к автобусу и проводил меня в свою машину. Мужчинам сзади пришлось потесниться. Конечно, на чём бы вы ни въезжали во Вриндаван, это впереди рядом с водителем. Мы уже были готовы тронуться в путь, полностью меняет все ваши жизненные ценности, но в присутствии Шрилы Прабхупады эмоции усиливаются. Мы прервали наше путешествие на окраине Враджа-мандалы, где делийская дорога входит в границы Коши. Мы собрались вокруг деревенского колодца, и я достала стальные судачки с завтраком Прабхупады. Прабхупада даже упомянул, что раньше он много раз останавливался здесь, как это делал Шрила Бхактисиддханта Сарасвати до него. Сейчас здешняя мирная атмосфера нарушена чайными лавками и гремющей музыкой из индийских кинофильмов, но в присутствии Шрилы Прабхупады мы были защищены от всех материальных вибраций. Это было всё равно, что сидеть на лепестках лотоса, плывущего над материальным океаном.

- А где вы жили? Здесь?

- Нет, - говорит она. - Мы остановились в гостинице, принадлежащей некоему мистеру Сараджу, рядом с пересечением Ганди Марга и дороги, выходящей к Рамана-рети. Ядубара и Вишакха получили тогда посвящение. Прабхупада ездил на Варшану, где жила Радхарани. Его поднимали к мандиру на паланкине. На обратном пути во Вриндаван машина Прабхупады сломалась, и ему пришлось трястись в автобусе вместе с нами.

- В то время ты ведь не готовила, да? - спрашивает Гурудас. - Я помню, у тебя ещё был гепатит.

- Верно. Пока я выздоравливала, кухней занималась Малати. Она проявляла неизменную находчивость. Ведь чтобы приготовить прасад, ей приходилось совершать самые удивительные подвиги! Нас так спасали её рационализаторские способности.

- Это была наша вторая поездка во Вриндаван, - говорит Гурудас. - Третий раз мы приезжали в этом году, в марте.

- Откуда вы приехали?

- С восточного побережья, из Мадраса, - отвечает Ямуна, - через Вишакхапатнам, Джаганнатха-Пури, Калькутту и Маяпур, где они

провели грандиозную церемонию. В то время мы получили сообщение, что есть возможность получить землю в Рамана-рети, поэтому Прабхупада отправил Гурудаса и меня сюда. О, тогда нам негде было остановиться, и нам пришлось снять комнату в «Сараф Бхаване», где мы останавливались в 1971 году. Затем в апреле приехал Шрила Прабхупада с учениками, и они остановились в «Сараф Бхаване» с нами.

- И когда вы, наконец, переехали в храм Радха-Дамодары?

- Это самая поразительная история, - Ямуна качает головой, погружаясь в воспоминания. - Ты знаешь, что весь храм Радха-Дамодары - даже *гарбха-гриха*, где стоят Божества - разделён пополам. Существует юридическое соглашение, по которому *севаиты*, потомки Госвами, от рождения имеют право поклоняться здесь. По закону одна половина храма находится в ведении Гоурачанда Госвами, а другая половина - Мадана-мохана Госвами, который обосновался в Джайпуре. В апреле Шрила Прабхупада созвал собрание в «Сараф Бхаване» и пригласил Гоурачанда Госвами, Мадана-мохана Госвами, доктора О. Б. Л. Капура и Кришнадаса Бабаджи, нищенствующего бабу, который путешествует повсюду в окрестностях Вриндавана. Итак, все эти люди собрались в «Сараф Бхаване», и там воцарилась необычайная атмосфера. Каким-то образом Шриле Прабхупаде удалось сверхъестественное. Он убедил Мадана-мохана Госвами разрешить нам жить здесь, в Радха-Дамодаре, пока не будет построен наш Кришна-Баларам-мандир в Рамана-рети.

- Однако как ему это удалось?

- Я точно не знаю. Они долго разговаривали на хинди, и как только Мадана-мохан согласился, Прабхупада сказал на английском: «Мы оформим это в письменном виде». В тот день не было электричества, и мы не смогли воспользоваться печатной машинкой. Прабхупада велел мне всё записать от руки. Раньше я была каллиграфом, и потому легко оформила это соглашение. Затем они расписались. Поверь мне, это было просто чудом, потому что наши благодетели не привыкли встречаться и обсуждать вопросы в духе сотрудничества. Сразу же, как только соглашение было подписано, мы въехали сюда. Прабхупада назначил Кширодакашайи президентом, Гурудаса - вице-президентом, а меня - секретарём.

- Каким было лето? Я слышал какие-то невероятные сообщения.

- Никакого преувеличения, - заверяет меня Гурудас. - Прошедшее лето было самой большой аскезой в нашей жизни. Температура стояла 50 градусов выше нуля, и эти комнаты на крыше были похожи на кирпичные духовки. Заметь, здесь нет вентиляторов.

- Жара стояла невообразимая, - жалуется Ямуна. - Она никогда не опускалась ниже 43 градусов, и если снаружи было плюс 50, то в этих

опускалась ниже 43 градусов, и если снаружи было плюс 50, то в этих комнатах было плюс 55. В квартире Шрилы Прабхупады внизу было чуть получше.

- Наш президент свято верил в аскезу, - говорит Гурудас. - Он даже не выделял денег на вентиляторы. А Шрила Прабхупада в качестве ежедневного рациона установил только дал и чапати. Утром - немного фруктов. И это всё, что мы ели. Бриджабаси стараются закончить готовить как можно раньше, поэтому к 9.30 утра вся основная пища на день уже приготовлена и съедена.

- К 10.30 дал начинал пениться и пузыриться, - вспоминает ужасы лета Ямуна. - Он покрывался пеной от брожения в тепле. А йогурт, который мы покупали в семь утра, прокисал к одиннадцати. От холода ты можешь спастись, разведя костёр, но невозможно укрыться от жары во Вриндаване. Она проникает повсюду. Днём я просто плакала, радыла! Не было никакого облегчения. Если ты смачивал *гамчху* в воде и клал её себе на голову, она высыхала через пять минут. Ночью нужно было спать с двумя ведрами воды по бокам, мочить в них одежду и накрываться ею. По правде говоря, мы вообще не спали. Просто жили в полузабытьи, плавая на волнах жары. Мы не пользовались матрасами, которые были как нагревающиеся подушки. Просто коврики.

- Почему же вы не установили вентиляторы в квартире Прабхупады?

- Когда мы въехали сюда, квартира Прабхупады была очень грязной, хотя мы и вычистили её в феврале 1971 года. Краска отвалилась, а сиденье выглядело так, будто ему уже сто лет, и всё было источено насекомыми. Я сделала в квартире косметический ремонт, выкрасила стены в шафрановый и белый цвет и написала маха-мантру на санскрите под потолком по всему периметру. Мы также достали для Прабхупады новую кровать и сделали эту небольшую кирпичную перегородку между кухонным помещением и жилой комнатой. Но он не хотел вентиляторов. В то время двор, где он давал лекции, был выложен булыжником, а прямо рядом с самадхи Рупы Госвами лежали груды кирпичей. Ох, индийцы ничего не берегут! Мы знали, что нам нужно подготовить двор для его лекций, поэтому по утрам, когда было не так жарко, мы делали чёрную работу, строили кирпичную стену, чтобы она выглядела аккуратной для фото- и киносъемок, и ровняли место, где Шрила Прабхупада будет сидеть и давать лекции. К несчастью, у нас нет никаких удобств для гостей, а сейчас наплыв преданных. Каждый день приезжает кто-то новый.

- Думаю, им придётся спать на улице, - разводит руками Гурудас.

- На крыше-то было б здорово, - говорю я, а про себя думаю, что

здесь всё равно всем не поместиться.

- Сейчас любое место хорошо, - говорит Гурудас. - Ни жары, ни комаров, ни холода, ни дождя. В октябре и ноябре Вриндаван безупречен. В декабре становится куда холоднее. По американским меркам не очень холодно, но люди мёрзнут из-за того, что здесь нет отопительных приборов.

- После того лета я, наверное, больше никогда не буду жаловаться на холод, - смеётся Ямуна.

- Это правда, что мы переедем во дворец? - спрашиваю я.

- Точно, - уверяет нас Гурудас. - Махарадж Бхаратпура сказал, что мы можем пользоваться его дворцом Лакшми-рани-кундж рядом с Кеши-гхатом. Ждём его официального подтверждения.

- Я слышала, он огромный, - говорит Ямуна, - настоящий дворец восемнадцатого века с большими стенами и воротами. Прямо на реке. И он всего в десяти минутах ходьбы отсюда.

За разговорами я почти не замечаю, как пролетает время. Приходит Ачьютананда и говорит Ямуне, что Шрила Прабхупада хочет её видеть. Сегодня он будет давать лекцию во дворе.

* * *

Мы с Ачьютанандой идём на перекрёсток за ласси, сладким молочным коктейлем из йогурта, очень холодным и безумно вкусным. Бриджабаси думают, что мы ненормальные: в октябре они никогда не притрагиваются к прохладительным напиткам. На обратном пути в храм Радха-Дамодары я избегаю уличных ребятишек. Маленькая девочка говорит мне «Харе Кришна, Харе Рама», я замечаю за собой, что ожидаю услышать припев: *дум-маро-дум*. Но этого не происходит.

Шрила Прабхупада выходит во двор читать лекцию. Люди сидят, скрестив ноги. Мест для сидения хватает не всем, и народ выстраивается по периметру бетонного патио¹⁰. Обезьяны раскачиваются на ветвях манго и перекрикиваются между собой, пока не входит Прабхупада. Затем, к всеобщему удивлению, они замолкают.

Прабхупада поёт «Джая Радха-Мадхава» из «Гитавали» Бхактивиноды Тхакура. Все подпевают, и двор отзывается громким эхо, прославляющим Кришну.

После молитвы Прабхупада вручает «Нектар преданности» Прадьюмне и просит его читать из предисловия с того места, где мы остано-

¹⁰ **Патио** - (исп. patio), открытый внутренний двор, часто окружённый галереями. Также распространены в средиземноморских странах, Латинской Америке.

лись этим утром. Прад்யумна выпрямляет спину в позе лотоса и надевает очки, наполовину сдвинув их на нос. Он выглядит очень учёным, когда читает о стадиях преданного служения.

- Итак, в преданном служении есть три ступени, - говорит Прабхупада, прерывая чтение. - *Каништха-адхикари, мадхьяма-адхикари и уттама-адхикари*, или начальная, средняя и высшая ступени. На начальной ступени преданный каништха-адхикари занимается поклонением Божеству, делает подношения Божеству, моет пол и так далее. Это не означает, что поклонение Божеству стоит ниже, чем медитация. Это просто начальная ступень. Иногда каништха-адхикари думает, что осознал Кришну, просто потому, что он замечательно поклонялся Божеству, но он должен совершенствоваться дальше. Когда мы говорим «Кришна», мы обращаемся не к одному Кришне, но также ко всем Его энергиям и атрибутам. Когда мы говорим «царь идёт», мы не имеем в виду, что царь идёт один. Его министры, секретари, царицы, солдаты следуют за ним. Подобно этому, Кришна является корнем всех проявлений, и когда Он приходит, вместе с Ним также приходят Его преданные. Когда мы признаём преданных Кришны и выражаем им почтение, мы совершенствуемся. Если приходит чистый преданный, пуджари может немедленно остановить арати и оказать ему приём. Кришна больше доволен, когда поклоняются вайшнав. Это факт. *Ясья прасадад бхагават-прасадо ясья прасадад на гатих куто 'пи*. Духовный учитель является представителем Бога, поскольку он двадцать четыре часа в сутки занят служением Кришне. Духовный учитель считается таким же достойным, как Хари, потому что он самый близкий слуга Кришны. Поклонение духовному учителю не является искусственным или выдуманным - оно рекомендуется во всех шастрах. Возвышенные преданные принимают это и обращаются к духовному учителю соответственно.

Хотя духовному учителю выражают почтение как Хари, он не думает, что сам стал Хари. Он считает учеников своими духовными учителями. Он думает: «Кришна послал мне так много духовных учителей». Он даже не думает о себе как о гуру, но считает себя слугой своих учеников, поскольку Кришна дал ему задание обучить их. Когда человек достигает высшей ступени, он может видеть значимость других преданных. Возвышенный преданный никогда не оскорбляет другого преданного. Это очень серьёзно - оскорбление. Поэтому мы обращаемся друг к другу «Прабху». Нужно не просто произносить губами, а осознать это. Необходимо думать о других преданных как о своих пра-бху, господах, а не пытаться господствовать самому.

Мы всегда должны быть готовы выразить почтение не только преданным, но и каждому. Каждому. Почему? Потому что изначально каждое живое существо является преданным Кришны. В силу обстоятельств, покрытое гунами природы, оно действует как демон, но его изначальная природа - быть слугой Кришны. Настоящее бхакти начинается с самоосознания. До этого, если он занимается поклонением Божеству, но всё ещё думает, что он тело, и не выражает почтения преданным, он находится на первой ступени, каништха-адхикари. Хотя он пребывает на материальном уровне, он пытается исправить своё положение, следуя наставлениям духовного учителя и шастр. Мы не должны оставаться неофитами вечно. Необходимо пытаться возвыситься до уровня мадхьяма-адхикари. На этой ступени мы проводим различие между четырьмя видами живых существ: Кришной, преданными Кришны, невинными людьми и атеистами. Мы не должны поверхностно говорить: «По моему мнению, все находятся на одном уровне». Конечно, это последняя ступень, но поскольку мы неофиты, это не наше видение. Никогда не следует подражать этому видению *маха-бхагаваты*. Подражание искусственно. На второй ступени, ступени мадхьяма-адхикари, человек относится ко всем типам людей в соответствии с их положением и пытается увеличить свою любовь к Верховной Личности Бога, а также заводит дружбу с преданными. Он не завидует преданным. Если преданный стоит выше нас, мы должны учиться у него; если он равен нам, мы должны дружить с ним; если же он ниже нас, мы должны пытаться помочь ему.

Мадхьяма-адхикари не занимается только тем, что выражает почтение другим преданным: он также учит других, как становиться преданными. Это означает проповедь. Проповедник должен подходить к другим и говорить: «Вы понапрасну тратите свою жизнь в материальных заботах. Вы должны стать преданным Кришны». Это проповедь. Необходимо проповедовать сознание Кришны невинным людям, а атеистов избегать, потому что как только атеист слышит о Боге, он становится злым и завистливым. На последней ступени, уровне маха-бхагаваты, или уттама-адхикари, человек не видит преданных и непреданных. Он видит всех более совершенными преданными, чем он сам. И он не притворяется, что обладает таким сознанием. Нет. Он действительно так думает. Его смирение естественно: он хочет выразить почтение каждому, и он не хочет, чтобы выражали почтение ему. Если человек хочет, чтобы его почитали, он всё ещё находится на второй ступени. Маха-бхагавата готов выразить почтение даже муравью. Когда человек достигает этой высшей ступени, для него больше не существует

друзей, не существует врагов, не существует проповеди.

Маха-бхагавата искренне видит всех занятыми в служении Господу, за исключением себя самого. Однако не следует искусственно имитировать этот уровень. Проповедники должны оставаться на второй ступени, мадхьяма-адхикари. Если маха-бхагавата хочет проповедовать, он должен спуститься на вторую ступень. Он не может оставаться на высшей ступени и проповедовать. Ему приходится играть роль преданного второго уровня.

Например, в Библии Господь Иисус Христос сказал: «Ещё многое имею сказать вам, но вы теперь не вместите». Мы должны следовать по стопам Чайтаньи Махапрабху и шести Госвами и постепенно обучаться этому методу, объяснённому в «Бхакти-расамрита-синдху». До тех пор, пока мы не поймём это произведение Рупы Госвами, мы не сможем правильно совершать преданное служение Кришне. Большое спасибо.

Лекция заканчивается, и мы кланяемся. Мы ещё не успели подняться, как громкий голос неожиданно произносит:

-Вопрос!

-Да?

- Каковы отношения между учеником и духовным учителем?

Наступает молчание. Вопрос задал только что прибывший преданный. Я ещё даже не выучил его имени. Это невысокий юноша в толстых очках, с бритой головой и огненно-рыжей шикхой, такой длинной, что он, должно быть, был хиппи, перед тем как побрился.

Молчание затягивается. Не самый подходящий вопрос, который следует задавать Шриле Прабхупаде, особенно после инициации, поскольку ответ на него находится в каждой из его книг. Очень часто, когда преданный задаёт такой элементарный вопрос, Прабхупада просто кричит: «Ты что, не читаешь моих книг?» Я помню, как мы спросили его о том же в 1966 году, прямо перед первой инициацией. Прабхупада шокировал нас, сказав: «Ученик принимает духовного учителя и соглашается поклоняться ему как Богу».

Шрила Прабхупада поворачивается ко мне и спрашивает:

- Как ты ему ответишь, Хаягрива?

- Ученик делает всё, о чём ни попросит духовный учитель, - говорю я. - Это отношения слуги и господина.

- *Послушного* слуги, - говорит Прабхупада. - Даже если духовный учитель попросит его вычистить туалет, он сделает это.

- Говорится, что духовный учитель является доброжелателем, - продолжает юноша. - Что это означает?

- Кришна является другом каждого. Если я передаю вам послание,

что Кришна - ваш друг, я тоже становлюсь вашим другом. Это дружба - проповедь сознания Кришны. Когда вы в опасности, никто не сможет защитить вас, кроме Кришны. Поэтому Он ваш единственный друг. Наше дело - просто доставить послание Кришны и показать, что Кришна - ваш друг. И хозяин. Всё, что вы объявляете своей собственностью, Кришна отберёт у вас в момент смерти. Рассказать другим о том, кто является владельцем всего - истинная дружба. Просто распространяйте послание Кришны, и вы станете другом и доброжелателем всех людей. Стать духовным учителем не очень трудно: нужно просто нести послание Кришны, как оно есть. Я обычный вестовой, доставил вам послание Кришны. Может, я глуп, но поскольку принёс вам письмо от самого дорого друга, я также становлюсь вашим самым дорогим другом. Это ясно?

- Да, спасибо, - громко говорит юноша.

Я наклоняюсь вперёд и хлопаю Ачьютананду по плечу.

- Кто это? - спрашиваю я.

- Кулашекхар Прабху, - шепчет он, - из Лондона.

Прабхупада смотрит на слушателей, отвечает на пару вопросов от индийских посетителей, затем берёт *карталы* и проводит ещё один киртан.

После вечернего арати преданные собираются в комнате Шрилы Прабхупады. Прабхупада сидит тихо, и никто не разговаривает. Даже молчание в его присутствии доставляет удовольствие. Ямуна раздаёт кружки с тёплым молоком с мёдом и тарелки с пряным дутым рисом. Мы кланяемся Шриле Прабхупаде, и он говорит:

- Джай! Слава всем преданным.

Мы уходим. Я возвращаюсь на крышу, сажусь и наблюдаю, как растущая луна медленно поднимается над манговыми деревьями.

Глава 11

Рамана-рети

Пока луна всё ещё висит над затуманенными равнинами, а рассвет только начинает окрашивать улицы, мы с Ачьютанандой уже идём к реке.

Мы проходим через Лой-базар, повторяя свои круги. Женщины подметают улицы, а мужчины стоят вокруг чайных лавок, попивая чай с молоком из глиняных чашек, куря биди и разговаривая. Из домов и храмов доносятся звуки киртана: цимбалы, барабаны и пение утренних мантр.

Торговцы сладостями уже топят шарики из сахара и стужённого молока в больших чанах с кипящим топлёным маслом. Мы проходим мимо храма Шахджи и высоких серых бетонных стен Майтхун-кунджа в Нидхуване. Обезьяны прыгают с крыш на стены и обратно. Они раскачивают электрические столбы, из-за чего находящиеся под

напряжением провода соприкасаются, испуская снопы искр.

На углу рядом с Майтхун-кунджем стоит маленький, почти незаметный, но хорошо ухоженный храм Радха-Вамши-гопала. Шрила Прабхупада время от времени жил здесь с 1956 по 1962 год. Перед самым

Кеши-гхатом мы проходим мимо храма Югал-кишора. Его башня из красного песчаника, построенная в стиле храма Мадана-мохана, сияет в раннем свете как красное дерево. По каким-то причинам храм Югал-кишора постоянно закрыт. Он был построен в 1627 году, последнем году правления Джахангира. Строители использовали тот же красный песчаник, что и архитекторы Красной Крепости в Дели. Здание неплохо сохранилось, хотя мусульмане повредили часть фасада, обнажив кирпичную кладку. Вокруг дверного проёма вырезаны павлины и лотосы, а также Кришна, поднимающий холм Говардхан.

Мы сидим на ступеньках Кеши-гхата и повторяем джапу. Старые женщины, одетые в белые сари, проходят мимо, тоже повторяя свои круги. Паломники уже омываются на противоположном песчаном берегу, который более привлекателен, чем Кеши-гхат, где вы сразу же погружаетесь глубоко в воду, когда сходите с последней ступеньки. Ямуна здесь течёт медленно и спокойно. Маленькие водовороты то появляются, то исчезают, мимо проплывают высохшие гирлянды, иногда гигантские черепахи высовывают наружу свои носы, затем прячут их обратно и погружаются на глубину.

Я опускаю руку в воду и три раза брызгаю на голову. Просто, но эффективно. Несколько капель Ямуны достаточно, чтобы смыть грехи, накопившиеся за миллионы жизней. Для вайшнавов Ямуна даже более священна, чем шесть остальных священных рек Индии: Ганга, Годавари, Сарасвати, Нармада, Синдху и Кавери. Благодаря

могуществу Господа вода Ямуны включает в себя и их воды, одно омовение в Кеши-гхате равносильно тысяче омовений в Ганге. Женщины, укутанные в сари, заходят в воду. Они зажимают носы и закрывают глаза, погружаются в воду и быстро поднимаются, затем спешат обратно к берегу.

Недалеко отсюда Кришна наказал демона Кеши, которого послал во Вриндаван царь Камса. Кеши принял облик гигантского коня, казалось, что своим страшным, пронзительным ржанием он может повергнуть в ужас весь мир. Кеши с развевающейся гривой ворвался во Вриндаван.

Он рыс копытами землю и громко дышал, но Кришна не испугался и тут же вызвал его на поединок. Кеши стремительно бросился на Господа, но Кришна схватил демона за копыта и отшвырнул на сто метров. От удара об землю Кеши лишился чувств. Придя в себя, он разинул пасть и бросился на Кришну, полный решимости проглотить Его. Но Кришна выбил демону зубы и вогнал кулак ему в пасть. Глотку Кеши жгло, как раскалённым железом, и он покрылся испариной. Его глаза вылезли из орбит, ноги задрожали, он стал испускать мочу и испражнения и сдох.

Кришна вытащил Свою руку из его пасти. Полубоги с благодарностью сыпали на землю цветы и били в барабаны во славу этой победы.

Сегодня Кеши-гхат является одним из самых живописных мест во Вриндаване, отчасти благодаря дворцу Лакшми-рани-кундж, принадлежащему Махараджу Бхаратпура. Это огромное здание восемнадцатого века стоит на берегу у самой воды. Ниже дворца расположены извивающиеся вдоль реки проходы, подпираемые арками и резными колоннами из песчаника. Каменная дорожка вдоль реки проходит через ряды ниш, построенных ниже дворца и выходящих к гхату. В их тени священники умащают божества Ханумана ярко-оранжевым синдуром. Потолки и стены покрыты копотью от жертвенных костров. Парикрама вокруг Вриндавана проходит также и здесь, по дворцовой аллее.

Пока мы повторяем круги, солнце прогоняет с реки туман. Я раздеваюсь до трусов и прыгаю в воду. Задерживаю дыхание, молочу ногами,

пытаясь справиться с течением и вынырнуть на поверхность, затем хватаюсь за ступеньки гхата и выбираюсь из воды.

- Джай! Слава Ямуне-деви!

Моё быстрое купание было освежающим. Я сажусь на ступеньки рядом с Ачьютанандой и продолжаю повторять джапу.

Вскоре полдюжины маленьких мальчиков окружают нас, глаза на то, что выглядит для них очень странно: американцы с шикхами, в дхоти и с мешочками для чёток повторяют мантру на ступенях Кеши-гхата как бабаджи. Они внимательно смотрят на мои теннисные туфли сорок шестого размера, болтают между собой и хихикают.

- Повторяйте Харе Кришна, Харе Рама, - говорит им Ачьютананда.

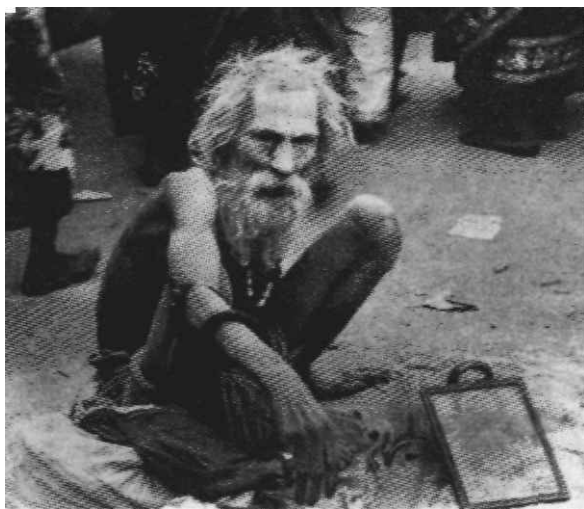
- Харе Кришна, Харе Рама, - отзываются мальчишки. - Харе Кришна, Харе Рама.

Они прыгают вокруг нас и начинают соревноваться, чтобы выяснить, кто может повторять быстрее и громче всех.

- Я думаю, нам пора идти, - говорит Ачьютананда.

- Да. Прабхупада будет давать лекцию. Потом, если хочешь, мы можем пойти в Рамана-рети.

Мы идём по улицам обратной дорогой. Из домов и храмов всё ещё доносятся звуки киртанов. На оживлённом перекрёстке возле храма Шахджи менялы выкладывают кучки монет - по пять, десять, двадцать, двадцать пять и пятьдесят пайсов. Отсюда мы сворачиваем на узкую улочку. Прокажённые трясут своими никелированными чашками и

воют:

- *Бакишиш,*
бакишиш, баба.

Мы проходим мимо храма Мирабаи, возведённого в честь меварской поэтессы шестнадцатого века, которая поклонялась Господу Кришне в настроении гопи. Внутри храма стоит мурти Мирабаи, она поёт и играет на караталах перед Радхой и Кришной.

Ещё один квартал, и мы в храме Радха-Дамодары.

Шрила Прабхупада готов к лекции. Я захожу в его комнату и приношу поклоны.

- Тебе понравился Вриндаван? - спрашивает он.

- Да, Шрила Прабхупада.

- Ачьютананда Махарадж - опытный гид, - говорит он. - Совсем бриджабаси стал. Вместе вы можете написать статью о Вриндаване для «На пути к Богу».

- Ну, я медленно учусь, - улыбаюсь я. - Сегодня мы ходили к Кеши-гхату и по дороге проходили мимо одного места, окружённого высокими стенами, и там было множество обезьян.

- Нидхуван, - встаёт Шрила Прабхупада.

Шруга-кирти накидывает ему на плечи чадар. Прабхупада выглядит уставшим после ночной работы. В его комнате Гурудас и Ямуна, Вишакха со своим фотоаппаратом и Кулашекхар, новый паренёк из Лондона.

Мы следуем за Прабхупадой в храм, кланяемся Шри Шри Радха-Дамодаре и выходим через узкий дверной проём обратно во двор. Там уже ждёт множество людей. Когда Прабхупада входит, преданные приносят земные поклоны. Многие индийцы следуют их примеру.

- Джай Шри Кришна! - Прабхупада соединяет ладони в намаскаре.

Он садится на подушку, берёт цимбалы и поёт «Джая Радха-Мадхава». Шьямасундара устанавливает микрофон. После киртана Прабхупада просит Прадьюмна продолжить чтение «Нектара преданности» оттуда, где он остановился. Прадьюмна читает о развитии любви к Богу.

- Даже если у нас нет семьи, склонность любить кого-то есть, - говорит Прабхупада, - и человек заводит кошку или собаку, чтобы любить их. По своей природе мы хотим любить кого-то. Этот кто-то и есть Кришна. Но без знания о Кришне наша склонность любить ограничена. Поэтому мы не удовлетворены. Склонность любить Кришну есть в каждом из нас. В мире материи мы любим за то, что нам что-то дают. Это не чистая любовь. Чистую любовь описал Господь Чайтанья Махапрабху, пребывая в настроении Радхарани:

О мой Господь, одаришь ли улыбкой,
Обнимешь крепко иль не удостоишь взглядом, -
Ты сердца моего единственный Владыка,
Я вечный Твой слуга, мне большего - не надо.

О Кришна, Ты можешь обнять меня или растоптать; всё равно я буду любить Тебя, независимо ни от чего, рождение за рождением. Это истинная любовь, и она вечно живёт в сердце каждого. Любовь пробуждает киртан и преданное служение Кришне. Таково мнение Рупы

Госвами. Вы сидите и слушаете меня, а значит, у вас есть небольшой вкус любви к Кришне; в противном случае, зачем бы вы теряли здесь время? Чтобы пробудить любовь, нужно общение с преданными и немного энтузиазма. Вы уехали из своей страны в Индию, ко мне, не ради материальной выгоды, а ради Кришны. Это энтузиазм. Я приехал к вам в семьдесят, в том возрасте, когда уже никуда из дома не ездят. Это энтузиазм. «Надо ехать», - сказал я и поехал, а теперь у вас есть это знание. Такой энтузиазм является основным принципом.

Кришна находится за пределами наших чувств. Но Санатана Госвами разговаривал со своим Божеством. По мере очищения чувств мы сможем касаться, пробовать на вкус, видеть Кришну. Не сразу.

Мы совершенствуемся в духовном сознании... Кришна будет разговаривать с нами непосредственно. Божество будет разговаривать. Кришна даёт нам возможность говорить с Ним, видеть Его, чувствовать Его запах, вкус, по-разному ощущать Его. И постепенно, по мере роста в сознании Кришны, мы сможем увидеть Его перед собой, так близко, как мы видим друг друга, когда разговариваем. Это произойдёт. Сначала нужно обратиться к истинному духовному учителю и задавать ему вопросы. Когда под его руководством мы духовно подрастём, Кришна проявит Себя. В наших интересах использовать всё для Кришны. Мы не должны считать материю отделённой от Кришны. Она - Его часть. Считать что-то отделённым от Кришны - материализм. Когда мы видим всё как энергию Кришны, это духовное видение. Если мы используем материю для наслаждения чувств, такое наслаждение материально. Духовны вещи или материальны - зависит от нашего сознания.

Не имеет значения, что мы собой представляем с материальной точки зрения. Харидас Тхакур родился в мусульманской семье, Рупа и Санатана Госвами были отвергнуты общиной брахманов, но Чайтанья Махапрабху почитал их святыми, поскольку они знали о Кришне. Не важно, что человек родился в простой семье. Путь сознания Кришны открыт для каждого. Шастры, мой Гуру Махарадж и Шри Чайтанья Махапрабху предсказывают, что эту миссию примут повсюду в мире, в каждом городе и деревне. Это победа для Индии. Люди из зарубежных стран принимают сознание Кришны. Большое спасибо.

* * *

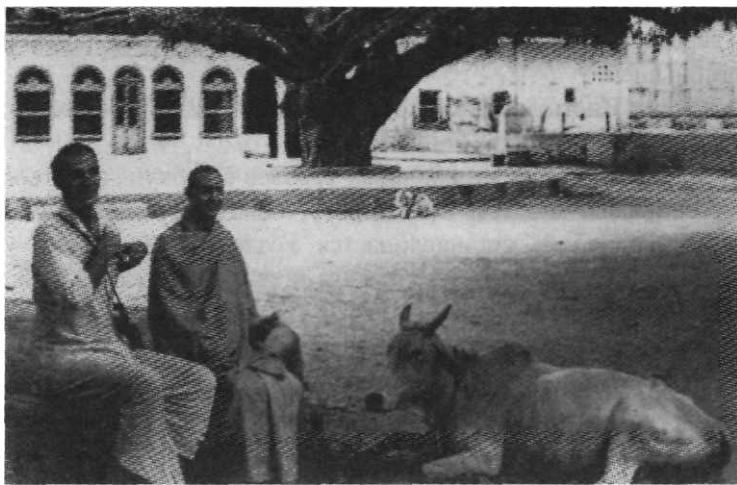
Мы собираемся на крыльце перед квартирой Шрилы Прабхупады. На тарелках из листьев подаётся завтрак из бананов, яблок, халавы и творога. Чем больше прибывает преданных, тем больше времени требуется нашим поварам, Ямуне и Малати, чтобы приготовить пищу.

Вчера вечером с Гаваев приехали ещё трое: Притху Свами, Шеша и Премананда. Притху раньше был загорелым серфингистом, увлекающимся хатха-йогой. Ничего не зная об ИСККОН, он натолкнулся на книги Прабхупады и начал учить по ним на острове Мауи. Он привлёк нескольких других серфингистов, включая Шешу и Премананду, и стал их гуру. Вчера вечером Притху объявил, что он предаётся Прабхупаде и хочет как можно скорее получить посвящение.

Вчера также прибыли Вайкунтханатх и его жена Шарадия, американские преданные из Нью-Йорка, инициировавшиеся три года назад. Также приехал Ведавьяса, молодой человек из Бостона. Он принадлежит к типу людей, пышущих энтузиазмом, и заинтересован, главным образом, в том, чтобы «зарабатывать *лакити* для Кришны».

- Сейчас преданные повалили по-настоящему, - говорю я Ачьютананде. - Похоже, что те прекрасные, сокровенные дни со Шрилой Прабхупадой в старом магазинчике на Второй авеню ушли безвозвратно.

- Тебе нужно было видеть, что творилось в Дели, - ворчит Ачьютананда. - Тогда бы ты оценил то личное общение, которое есть здесь. Ты

знаешь, побыть с ним наедине получается всё реже. Ладно, Хая, если хочешь увидеть Рамана-рети, поехали.

Мы выходим на улицу, и полдюжины мальчиков-рикш начинают звенеть своими колокольчиками. Ачьютананда выбирает самую прочную на вид коляску. Мы вдвоём втискиваемся на узкое сидение, полные решимости сэкономить деньги. Я наполовину повисаю над дорогой. Постоянные остановки на заполненном людьми базаре вынуждают нашего мальчика слезать и толкать рикшу руками, но как

только мы выезжаем на дорогу, ведущую на восток в направлении шоссе Матхура - Дели, он крутит педали со скоростью пятнадцать километров в час.

Мы проезжаем мимо множества больших цементно-блочных зданий, стоящих в тени эвкалиптов, нимов и баньянов. Это всё ашрамы, в которых живут гуру вместе со своими учениками: Шри-Кришна-бхакти-ашрам, Вриндаван-шодха-ашрам, Сапта-риши-ашрам. Вдоль дороги тянутся высокие каменные стены с зацементированным битым стеклом наверху, чтобы отпугнуть бандитов. Монахи, одетые в шафрановые одежды, трудятся на цветочных клумбах, разрыхляя почву вокруг бархатцев, бугенвиллий и священных туласи. Изнутри ашрамов доносится звон цимбал и пение мантр.

Павлины с важным видом расхаживают вдоль стен или сидят на ветвях огромных деревьев. Иногда они издают трубные звуки, иногда кричат как кошки - мяу, мяу, мяу, а иногда воркуют, как голуби, и каркают, как вороны. Они даже могут издавать странные щёлкающие, хлопающие, бухающие звуки, как будто две ровных доски ударяются друг о друга. Резус-макаки резво носятся по дороге и раскачиваются на ветвях деревьев или сидят семьями, выискивая насекомых в шерсти своих детёнышей.

Возле стен Института востоковедения сидят на корточках студенты. Они курят биди и болтают.

- Это школа одного из духовных братьев Прабхупады, - сообщает мне Ачьютананда. - А здесь, через дорогу, наша собственность.

Наш *рикша-валла* останавливается возле расчищенного участка земли площадью в три акра, на котором происходят какие-то раскопки. Крошечные мулы носят мешки с песком из карьера к тому месту, где находится котлован. Мальчики наполняют маленькие плетёные корзины песком, используя в качестве совков глиняные чашки. Женщины с кувшинами на головах ходят за водой к колодцу и обратно.

- Здесь Судама, - говорит Ачьютананда. - Он наблюдает за строительством.

Наш *рикша-валла* ждёт нас. Мы подходим к середине поля, где трое преданных наблюдают за рытьём длинной канавы. Двое индийских рабочих измеряют расстояние верёвкой и пытаются определить, соответствует ли канава прямой линии. Под тамалом стоят примитивные кирпичные хижинки и длинный стол, а на земле тлеют остатки коровьего навоза.

Преданные выражают почтение, мы кланяемся в ответ. Я узнаю Судаму по старым временам в храме Сан-Франциско. Другие представ-

ляются как Локанатх и Хришикеш. Они тоже из Калифорнии.

- Я слышал, что ты здесь, - радостно кивает Судама. Его голубые глаза широко открыты, а лицо залито румянцем. - Когда ты приехал?

- Позавчера, - говорю я.

- И как тебе Вриндаван?

- Трансцендентно вдохновляющий, Прабху.

Судама выглядит озадаченным.

- В любом случае, добро пожаловать в Рамана-рети, - говорит он. - Как ты, наверное, знаешь, Рамана-рети означает «приятные пески». Здесь не так много песка, но если пройти около километра в сторону реки, окажешься на старом речном дне.

- Я слышал, что Кришна и Баларама любили играть здесь.

- Верно. Именно поэтому Шрила Прабхупада решил построить здесь Кришна-Баларам-мандир. Сейчас мы только начали постройку временного здания для преданных и рабочих. Затем сможем начать строительство самого храма.

- Как ты думаешь, сколько времени это займёт?

- Три или четыре года, если повезёт. Преданный из Амстердама уже сделал чертежи. Они просто фантастика. И ещё Прабхупада хочет, чтобы здесь стояла международная гостиница и *гурукула*.

Я наблюдаю, как рабочие носят на головах вёдра к бамбуковым стропилам. Мальчик нагружает крошечных осликов мешками с песком, и те тянут его к старой бадье, где замешивается цемент.

- Если работать такими темпами, понадобится не четыре года, а сорок лет, - говорю я.

- Хочешь верь, хочешь не верь. Но то, чего нам не хватает в оборудовании, мы компенсируем рабочими руками. На следующей неделе мы возьмём ещё дюжину рабочих.

- Всё же проблемы есть, - говорит Локанатх. - Если человек замешивает бетон, он не будет забивать гвозди, и наоборот. Если человек подметает, он не станет делать ничего другого. Повар будет только готовить. Погонщик ослов будет только ухаживать за ослами. Нужен человек для каждой работы, даже если эта работа состоит в том, чтобы налить вам стакан воды.

- Это просто сводит с ума, - говорит Судама.

- Существует кастовая система внутри каст, - говорит Хришикеш. - Все они шудры, но внутри этой касты есть сотни подразделений. Это очень запутывает и выводит из себя.

- Представляю.

- Кроме того, - жалуется Судама, - люди постоянно пытаются об-

мануть тебя, потому что ты иностранец.

- Мне приходится всё время стоять над рабочими, - злится Локанатх. - А иначе они положат слишком много песка в бетономешалку, своруют инструмент или забьют четыре гвоздя там, где их должно быть шесть, а остальные стащат. Но мы продвигаемся вперёд. Примерно раз в неделю Шрила Прабхупада приходит, чтобы проверить, как идёт дело.

Судамы предлагает нам немного аюрведического травяного чая, и мы садимся в тени под тамалом поговорить.

- Считается, что во всём Вриндаване осталось только три дерева тамала, - говорит Судамы. - Одно находится ниже по Ямуне, люди говорят, что с этого дерева Кришна спрыгнул в реку, когда боролся с Калией. Другое где-то в лесу. Это - третье.

- Расскажи ему о быке, - просит Аччютананда.

- О да, - смеётся Судамы. - Во Вриндаване это уже стало легендой. Когда мы впервые пришли сюда, под этим тамалом жил очень злой бык. Говорили, что он убийца садху. Бык думал, что эта земля принадлежит только ему, и не пускал на эту сторону дороги ни одно живое существо. Как ты, наверное, знаешь, Шрила Прабхупада наказал нам каждый день проводить санкиртану от храма Радха-Дамодары до Рамана-рети. Когда мы первый раз пришли сюда с киртаном, звеня цимбалами, бык пришёл в ярость. Он стал бить копытами по земле и напал на нас, так что пришлось спасаться бегством.

- Он чуть не забодал Локанатха, - говорит Хришикеш.

- Каждое утро в течение семи дней мы противостояли быку санкиртаной, - продолжает Судамы. - Затем бык исчез и больше никогда не возвращался. Люди, живущие рядом, говорят, что это чудо.

Неожиданно подходят двое индийских брахмачари и кланяются. Они представляются как Гопал и Рамананда. Им обоим примерно по восемнадцать, и они родом из провинции Бихар.

- Это посредники между нами и рабочими, - представляет ребят Судамы. - Они переводят для нас, потому что большая часть рабочих ни слова не понимает по-английски, а мы не знаем хинди.

- Мы читали вашу статью о Нью-Вриндаване в «На пути к Богу», - улыбается мне Рамананда. - Когда вы поедете назад, можно мы с вами?

Я объясняю, что проезд стоит очень дорого и трудно получить визы, но парни говорят о поездке в Америку так, будто это Непал.

Нам наливают ещё чаю, и Судамы рассказывает о трудностях передачи имущества в собственность ИСККОН. Покупать землю в Индии, где она пользуется таким спросом, очень сложное дело.

Владение землёй усложняется непредвиденными обстоятельствами,

о которых на Западе и не слыхивали. Если местный мировой судья Акбара Великого разрешал определённой семье жить на земельной собственности, то эта семья могла заявлять о своих правах на неё.

- В Индии семьи живут на одной и той же земле сотни лет, - говорит Судама, - и чрезвычайно трудно заставить кого-то съехать, даже если у вас на руках законный документ. Если земля необитаема, люди начинают селиться там нелегально, и вы должны найти им другое место, прежде чем выгнать их оттуда.

И даже тогда они требуют астрономические суммы денег. А затем начинается обычная бюрократическая волокита. И также в ваших собственных интересах с самого начала жить с соседями в хороших отношениях, по очевидным причинам.

Через некоторое время мы с Ачютанандой желаем всем удачи и уходим. Рикша везёт нас обратно через старое речное русло. По дороге становится очевидным, почему место называется Рамана-рети. Широкая полоса мелкого, сероватого песка тянется вдоль реки. Здесь растёт всего несколько папай и финиковых пальм.

Я ловлю себя на том, что представляю, как Кришна и Баларама играют здесь, бегают и борются, передразнивают павлинов и играют в двапараяужный футбол. Мне интересно, было ли здесь в те дни столько же песка, как сейчас. Пять тысяч лет - долгий срок. За такие огромные периоды времени земная

поверхность сильно меняется, особенно вокруг реки. Даже чатры и гхаты, построенные всего сто или двести лет назад, остаются высокими и сухими. На протяжении веков эта местность покрывалась песком, когда река меняла своё направление.

Мы едем на рикше, сколько позволяет парикрамская дорога. Затем идём не спеша в сторону Кеши-гхата, мимо храма Мадана-мохана и Имлитала, возвращаясь в храм Радха-Дамодары. Храм встречает нас шквалом суматошной активности. Преданные погружают одеяла и матрасы в рикши и складывают багаж рядом с воротами.

- Что происходит? - спрашиваю я Шьямасундару.

- Мы только что получили подтверждение, - говорит он. - Мы переезжаем во дворец Махараджа Бхаратпура у Кеши-гхата. Какая удача! Здесь больше свободных комнат не осталось.

На крыше храма Радха-Дамодары преданные красят и украшают комнату Гурудаса, в неё переедет Шрила Прабхупада. Шум во дворе беспокоит Прабхупаду, когда он работает; и он переезжает наверх.

Я упаковываю свои вещи, чтобы успеть заселиться в комнату до наступления ночи. Все считают это настоящим подарком - получить приглашение в мусульманский дворец, возвышающийся над тем самым местом, где Кришна отдыхал после того, как победил Кеши.

- Прабхупада обещает, что демоны сомнения тех, кто там живёт, будут убиты, - говорит мне Малати.

Глава 12

Дворец у Кеши-гхата

В Лакшми-рани-кундже, дворце Махараджа Бхаратпура, обитает Божество Лакшми-мохана Тхакура. Во дворец можно войти только через главные ворота, которые выходят на улицу рядом с храмом Югал-кишора. Внутри располагаются верхние и нижние комнаты, выходящие окнами во двор, представляющий собой квадрат пятнадцать на пятнадцать метров с мраморным полом и открытой крышей. В центре растёт манговое дерево. Расположенные

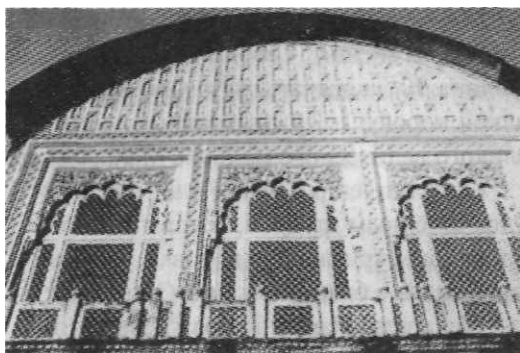
над двором арки и балконы украшают великолепные узоры: вьющиеся лианы и лотосы, вырезанные из коричневого песчаника в матхурском стиле восемнадцатого века. Из комнат, выходящих на запад, открывается вид на Ямуну и Кеши-гхат.

На полтора метра выше первого этажа возвышается главный алтарь из трёх куполов. Этот алтарь не используется. Божество Лакшми-мохана Тхакура находится в маленькой комнатке рядом с комнатой пуджари. Дворцовый храм считается закрытым, но Божествам проводится постоянное поклонение.

Во дворце живёт пожилой мужчина, который одновременно является и сторожем, и пуджари. Днём он играет на *фисгармонии* и поёт Харе Кришна. Его голос и дрожащее гудение фисгармонии отражаются от каменных стен подобно элегии для махараджей минувших веков. Его одинокое пение поднимается над старым, безлюдным дворцом, в котором некогда бурлила жизнь.

Те махараджи больше никогда не будут ходить по этой планете. Хотя их потомки носят титул царей, они ничем не отличаются от обычных граждан. Когда британцы ушли из Индии, они оставили после себя не менее 560 царств. Благодаря политике невмешательства британцев махараджи правили так же, как в средневековье, но всё равно в современном мире они целиком зависят от британцев. В течение последних двадцати пяти лет, с момента принятия независимости, они борются за своё существование с центральным правительством, которое считает их действующим на нервы анахронизмом.

Сейчас вместо того, чтобы управлять тысячами подданных, махараджи едва ли могут позволить себе нанять достаточно слуг, чтобы поддерживать свои огромные поместья. Кусочек по кусочку центральное правительство урезало их

наследства, разоряя махараджей податями и вынуждая их продавать часть имущества, чтобы уплатить налоги за оставшуюся собственность. Поэтому Махарадж Бхаратпура не только хочет, чтобы мы использовали дворец Кеши-гхата; ему очень хотелось бы продать его нам.

Большую часть утра я вычищаю и привожу в порядок свою комнату. У меня своя собственная комната на первом этаже, а Ачйотананда разместился в комнате по соседству. Сюда также въехали другие неженатые преданные: Двиджа Хари, Видура, Притху Свами, Шеша и Премананда, Ведавьяса, Яшоданандана, Кулашекхар, Парамахамса,

Гуру-крипа, Паривраджакачарья и вновь прибывшие Кришнадас, Шивананда и Парикшит. Наверху живут семейные пары, грихастхи: Гурудас и Ямуна, Шьямасундара и Малати, Вайкунтханатх и Шарадия.

Из своей комнаты я могу смотреть на Ямуну; внизу под окном находится Кеши-гхат и лысые постаменты, оставшиеся от чатров, в тени которых некогда сидели святые, читая шастры. Теперь в течение дня эти постаменты используют хатха-йоги, выполняя свои упражнения и моясь.

Днём мы с Ачйотанандой спускаемся к гхату. Один из йогов предлагает нам катышек бханга размером с мячик для гольфа, сделанный из растёртой в пасту конопли, сахара, имбиря и других специй.

- Если ты съешь это, ты умрёшь, - предупреждает Ачйотананда.

Я наблюдаю, как йог раскатывает шарик между ладоней, а затем проглатывает его целиком, намочив в воде Ямуны.

Мы нанимаем лодку до другого берега, где вода чище и не такая глубокая. Здесь мы омываемся, погружаясь в воду три раза, как полагается. Я вспоминаю, как Шрила Прабхупада предупреждал, что не следует омываться в священных водах, чтобы освободиться от плохой кармы, а затем продолжать накапливать её ещё больше, подобно слону, который катается в пыли, чтобы высушить себя после купания, и в результате становится ещё грязнее, чем был до этого.

Мы возвращаемся на лодке к дворцу. Как только мы входим, Шьямасундара спешит сообщить нам, что эксцентричный преданный из Лондона, Кулашекхар, ввязался в драку на рынке. Один мальчик стукнул палкой корову, и Кулашекхар обрушил на него весь справедливый гнев великого ведического монарха Махараджа Парикшита.

С наступлением века Кали Махарадж Парикшит неожиданно столкнулся с чёрным шудрой, который избивал корову и быка. У быка были переломаны три ноги, а корова дрожала от страха. Корова представляет мать-землю, а бык - религию. Они священны и достойны защиты.

Махарадж Парикшит разгневался и решил убить шудру, но тот стал просить пощады. Тогда сострадательный монарх сохранил ему жизнь и приговорил обитать в греховных местах. Шудра был олицетворением Кали, и его появление означало окончание Двапара-юги и начало Кали-юги.

- Кулашекхар отобрал у мальчика палку и дал пощёчину, - сообщает нам Шьямасундара. - Люди, которые видели это, пришли в ярость, и повсюду распространяется весть о том, что один из членов нашего общества напал на ребёнка. Шриле Прабхупаде уже доложили об этом.

- Какие-то ответные действия были?

- Нет. Но мы должны быть осторожны. Смотрите, где вы идёте.

Держитесь главных дорог, и если вам нужно куда-то идти вечером, берите рикшу, и не ходите по одному.

- А что сказал Шрила Прабхупада?

- Он сказал, что мы должны повторять Харе Кришна и ни о чём не беспокоиться. Он говорит, что если мы полагаемся на Кришну, Кришна защитит нас.

Я боялся, что случится нечто подобное. Бриджабаси добродушный народ, но подобный инцидент мог спровоцировать их.

- Где Кулашекхар? - спрашиваю я.

- В своей комнате, - говорит Шьямасундара. - Он заперся изнутри и не собирается выходить.

- Почему бы не отправить его в Дели? - предлагаю я. - По крайней мере, на какое-то время, пока всё не утихнет.

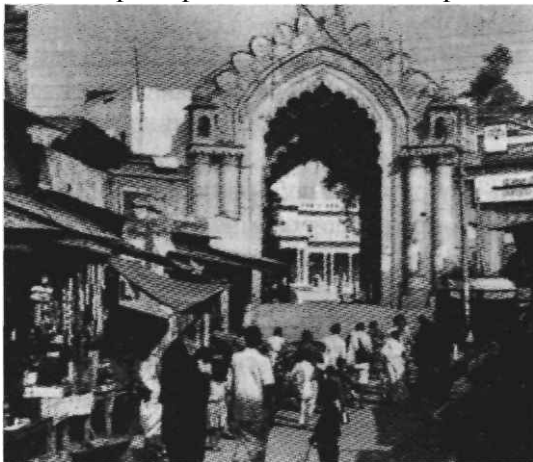
- Я попытаюсь, - говорит Шьямасундара и идёт к комнате Кулашекхара, чтобы убедить его уехать.

Уже 16.30, время вечерней лекции Шрилы Прабхупады. Мы с Ачьютанандой надеваем чистые одежды, наносим тилаку и отправляемся в храм Радха-Дамодары.

Когда мы проходим мимо храма Югал-кишора, над булыжной мостовой пролетают камни и приземляются у наших ног. Полдюжины студентов колледжа стоят в квартале от нас. Похоже, что камни брошены с крыши. Студенты не могли бросить их так, чтобы мы этого не заметили. Неожиданно рядом с нами падает ещё несколько камней. Я оглядываю крыши, но никого не вижу.

- Давай-ка уходить отсюда, - говорю я Ачьютананде.

Мы ршиорачиваемся и илом обратно к дворцу.

- *Дум-маро-дум*, - кричит один из парней.

- ЦРУ! - выкрикивает другой.

Мы еле сдерживаемся, чтобы не броситься бежать, не желая выглядеть запуганными. Всё равно эффект тот же самый: мы напуганы.

Но если мы будем отсиживаться во дворце, мы пропустим лекцию Прабхупады. Разве он не

советовал нам продолжать исполнять свои обязанности и полагаться на защиту Кришны?

- Давай пойдём к реке и срежем, - предлагаю я.

- Хорошая идея, - говорит Ачьютананда. - Сейчас там никого нет.

Мы поворачиваем и быстро, переходя на бег, заходим за угол Кеши-гхата. Затем мы идём мимо арок и через извивающиеся проходы над ступеньками гхата. Я вижу, что течение становится быстрым и сильным. Никакой предохранительной ограды нет. В Индии никто никогда не устанавливает предостерегающих знаков. Похоже, что отношение ко всему этому такое: «Следи за собой сам».

Мы сворачиваем от реки возле Чир-гхата, затем идём к храму Шахджи. Я начинаю чувствовать себя гораздо уютнее, когда вижу, что жизнь на Лой-базаре идёт своим чередом, как обычно. Мы быстро проходим мимо прокажённых и храма Мирабаи, затем пробираемся в храм Радха-Дамодары. По моим часам наша быстрая прогулка заняла восемь минут.

Мы входим в новую квартиру Шрилы Прабхупады наверху, кланяемся и рассказываем ему о брошенных в нас камнях. Он спокойно сидит, слушая нас с закрытыми глазами, а затем медленно открывает их и пристально осматривает каждого из нас.

- Всё это уловки майи, - говорит он. - Она пытается отвлечь вас от сознания Кришны. Мы нападаем на майю нашей проповедью, а она пытается помешать нам. Поэтому продолжайте выполнять свои обязанности и верьте, что Кришна защитит вас.

- Опасно только ходить туда и обратно, - иду я на попятную.

- Тогда можешь жить здесь, - предлагает он мне. - Прадьюмна и Шрута-кирти живут в соседней комнате. Ты можешь жить с ними или в моей комнате внизу.

Мне стыдно. Переехать обратно в храм Радха-Дамодары было бы трусостью. Очевидно, что все преданные не смогут спрятаться за спиной духовного учителя.

- Всё в порядке, Шрила Прабхупада. Не думаю, что опасность настоящая. Просто пара хулиганов, и всё.

- Ачча! Уже пора давать лекцию.

Мы следуем за ним на задний двор. Народу собралось ещё больше прежнего, благодаря большому наплыву преданных, приехавших вчера.

Шрила Прабхупада поёт вводные молитвы, и Прадьюмна читает из «Нектара преданности» об основных взаимоотношениях, которые можно установить с Кришной.

- Есть пять основных *рас*, - говорит Прабхупада. - Раса означает сок, или вкус, которым мы наслаждаемся в любом деле. Что бы вы ни делали, вам нужен вкус, чтобы продолжать. Существует двенадцать рас, из которых пять являются основными, а семь - второстепенными. Кришна готов ответить взаимностью на любую из них. Какую расу вы испытываете к Кришне, такой расой Он отвечает, это Его позиция. Путана хотела убить Кришну, но ей позволили занять положение его матери и накормить Его молоком. Кришна вместе с отравленным молоком высосал её жизненную силу. Каким бы ни было намерение Путаны, раз она пришла к Кришне как мать, Он принял её.

Мы можем выбрать роль врага Кришны, но Он никому не враг. Гопи пришли к Кришне из любви, и благодаря этой любви они очистились. Кришна подобен солнцу, которое выпаривает воду из мочи. Солнце не оскверняется, но моча очищается. Поэтому просто попытайтесь так или иначе обратиться к Кришне, и ваша жизнь увенчается успехом. Не имеет значения, обратитесь ли вы к Нему из-за камы или *кродхи*, вожделения или гнева. Как только вы переключаете своё внимание на Кришну, это становится любовью. Она может быть извращённой, подобно любви Камсы, но это не так важно.

Камса очень боялся Кришну и постоянно ждал, что Он вот-вот придёт убить его. Так в каком-то смысле он был в сознании Кришны, хотя и хотел убить Бога. Но Кришна был так добр, что удостоил Камсу освобождения. Это особая милость. Если ум всегда занят мыслями о Кришне, чувства будут заняты служением Ему, ведь именно ум является центром чувств и всей деятельности человека.

Духовное тело проявится тогда, когда мы очистимся от материализма. Духовные чувства существуют, но они покрыты материальными энергиями. Изначально у живого существа есть духовные руки, ноги - всё. Если душа не имеет рук и ног, то откуда бы взялись *эти* руки и ноги?

Поэтому у души есть форма, которую мы в настоящее время не видим. Значит, я не вижу вас, а вы не видите меня. Отец умирает, и вы со скорбью говорите: «Мой отец ушёл». Куда ушёл? Тело лежит перед вами, но вы говорите, что он ушёл. Это означает, что ушло что-то другое. То, что ушло, никогда не было видимым. Мы просто видели внешнее,

физическое покрытие. Мы даже не видим друг друга. Если я не могу видеть *вас*, неотъемлемую частичку Бога, как я могу надеяться увидеть Бога? Вы не можете увидеть Кришну с помощью этих грубых чувств. Чувства необходимо очистить.

Всё, что вы сейчас видите - иллюзия, обман зрения. В Бхагавад-гите сказано, что мудрец не смотрит, а видит одними глазами и собаку, и брахмана. Он относится к ним равно, потому что не смотрит на внешнее покрытие. Внутри брахмана и собаки он чувствует душу, духовное существо. Таково видение на уровне Брахмана, и с него начинается преданное служение. Не думайте, что можно служить Богу с помощью грубых чувств. Кришна - Сверхдуша. Ему нельзя служить материей; Ему надлежит служить душой.

Кришна не открывает Себя каждому. Это невозможно. Вы не можете служить Кришне, если вы непреданный. От преданного Кришна примет всё, что бы он ни предлагал, будь то цветок или немного воды. Препятствий к служению Кришне не существует. Если вы хотите поклоняться полубогам, необходимо так много принадлежностей, но любить Кришну может даже самый бедный человек в любом уголке мира.

Тем не менее, мы не можем приблизиться к Кришне с материальным сознанием; поэтому сознание необходимо изменить. Вы не можете войти в огонь, не будучи огнём. Не будучи Брахманом, вы не можете приблизиться к Брахману. *Хришикена хришикеша Севаном*. Чувства необходимо очистить, заняв их Кришной. Если вы сидите рядом с огнём, вы становитесь всё горячее, горячее, горячее. В огне железный прут накаляется докрасна и затем становится огнём. Подобно этому, если вы постоянно соприкасаетесь с Кришной, вы кришнаизируетесь. Большое спасибо.

После лекции мы поднимаемся за Шрилой Прабхупадой в его комнату на крыше. Приходит множество индийцев, и он разговаривает с ними на хинди. В середине беседы гаснет свет, и люди начинают шарахаться в темноте, кто-то обо что-то спотыкается, пока, наконец, не приходит Шьямасундара с фонариком и несколькими свечами. Перебой с электричеством в Индии - обычное дело, особенно во Вриндаване в месяц Картика, когда из-за наплыва паломников сильно возрастает потребление электроэнергии. Обычно проблема устраняется в течение тридцати минут, но иногда электричество не включают всю ночь.

Сияние свечей переносит нас назад, в эпоху Госвами. Наверное, они тоже сидели на этом же самом месте и читали шастры при свете свечей и растущей луны месяца Картика. Завтра ночью наступает раса- пурнима,

ночь полнолуния танца раса. Весь Вриндаван соберётся, чтобы посмотреть танец Кришны с гопи в исполнении актёров.

На даршан
пришло больше
гостей из Индии и
Шриле Прабхупаде
приходится говорить
на хинди. Мы с
Ачьютанандой
решаем вернуться в
Кеши-гхат. Луна
только начинает
подниматься, и
поэтому её сияние
ещё не заливает
тёмные узкие улочки.

В полумраке мы замечаем велорикшу. Ачьютананда подзывает его, и мы садимся в коляску. Рикша-валла оборачивается, чтобы спросить, куда ехать. В этот момент свет фонарика с проезжающей мимо тонги высвечивает его лицо. Моя челюсть медленно опускается. У него клыки как у Дракулы.

, - О Боже! Кришна! Рама! - восклицаю я.

Коляска с грохотом катит по тёмной мощёной улице мимо храма Шахджи и прокажённых.

- Ты видел его лицо? - спрашиваю я Ачьютананду.

- Клыки! - охает Ачьютананда, поражённый не меньше моего.

- Минимум пять сантиметров в длину, - говорю я.

- Может быть, он ракшас. Они ведь существуют.

- Рикша-валла - ракшас? Куда он нас везёт?

- Во дворец, я надеюсь.

Я замечаю, что вглядываюсь в тёмные очертания крыш, высматривая возможно затаившихся там метателей камней. Почему чарующая атмосфера Вриндавана превратилась вдруг в кошмар? Может быть, мы чем-то обидели святую дхаму?

Когда мы достигаем Кеши-гхата, снова зажигается свет. Я вижу в тусклом свете отблеск клыков, когда рикша-валла поворачивается, чтобы взять свои деньги. Кажется, что его верхняя губа застыла в вечном рычании, а клыки опускаются сантиметра на два ниже губы.

- Ужас! - выдыхает Ачьютананда.

Рикша исчезает в ночи.

Малати приготовила большую кастрюлю горячего молока с бананами и мёдом. Мы садимся во дворе дворца, пьём молоко и обсуждаем события этого беспокойного дня. Потом ложимся спать.

В своей комнате я выглядываю в окно и смотрю на Кеши-гхат. Теперь дорожка лунного света пересекает Ямуну. Летучие мыши слетают с дворцовых парапетов, вычерчивая в воздухе замысловатые круги. Кажется, что песок на противоположном берегу сияет, и время от времени я слышу, как в воде плещутся черепахи. Несмотря на многочисленные преимущества дворца, я уже скучаю по открытой крыше храма Радха-Дамодары, где я мог изучать созвездия и наблюдать, как они перемещаются по небосводу. Но этим вечером я не смог бы долго наблюдать за ними. Повторяя мантру на своих красных чётках, я засыпаю, не закончив даже круга.

Глава 13

Сады раса-лилы

После мангала-арати Шрила Прабхупада вызывает меня наверх. Он сидит за новым столом, который украшен букетами бархатцев. Перед ним лежит диктофон и книги, которые он использует для перевода Шримад-Бхагаватам. Из-за частых отключений электричества вместо диктофона он теперь пользуется кассетным магнитофоном на батарейках, а одна из девушек распечатывает его диктовку на печатной машинке.

Я кланяюсь и сажусь на пол перед ним. Он жуёт веточку нима и время от времени выплёвывает обломки в сосуд рядом со столом.

- Ну, как тебе Вриндаван? - спрашивает он.

- Очень вдохновляет, Шрила Прабхупада.

- И ты повторяешь шестнадцать кругов?

- Да.

- Теперь ты не чувствуешь беспокойств?

- Да. Святая дхама очень сильно очищает.

- Очень важно не совершать оскорблений, когда ты находишься в обители Кришны, - говорит он.

Мне нечего ответить. Недавно он несколько раз говорил об оскорбительном поведении, и я чувствую, что его слова адресованы лично мне. Это естественное состояние падшего живого существа - чувствовать себя виноватым.

- Это очень серьёзно, - он возвращается к тому же. - Святая дхама - это особое место. Если преданный совершает здесь оскорбления, то на что ещё ему надеяться?

Он бросает нимовую веточку в стоящую в углу урну и пристально смотрит на меня. Выдержать его взгляд невозможно. Я опускаю голову и смотрю в пол.

- Этот парень, Локанатх, - я слышал, он курит ганджу.

О нет! Локанатх - это один из американских юношей, который неотлучно находится в Рамана-рети вместе с Судамой. Мы познакомились с ними вчера утром. А мне казалось, он серьёзно увлечён строительством. Я поднимаю глаза от пола. Взгляд Шрилы Прабхупады непоколебим. На его лбу сияет свежая белая тилака, как всегда совершенной формы.

- Я не знаю, - говорю я. - Впервые слышу об этом.

- Я думаю, он попал под влияние этих шиваитов, - говорит он. - Они живут рядом с Рамана-рети и выращивают ганджу.

- Мы были там вчера, - вспоминаю я. - Я не видел, чтобы там кто-то курил.

- Ты можешь видеть или не видеть, но это происходит.

Я чувствую облегчение, когда заходит Шьямасундара. Обычно он разбирается с такими проблемами.

- Этот парень Локанатх курит ганджу? - спрашивает Прабхупада.

Шьямасундара выглядит удивлённым. Он трясёт головой, как бы пытаясь проснуться после глубокого сна.

- Он?

- Если этого не прекратить, наш проект будет загублен, - настаивает Прабхупада.

- Я разужнаю, Шрила Прабхупада, - обещает Шьямасундара. - Насколько я понимаю, Локанатх выполняет очень ценное служение. Он профессиональный каменщик и, пожалуй, единственный, кто знает, что он там делает.

- Может быть так, но если он не следует регулирующим принципам, что мы можем поделать?

- Ребята находятся там в определённой изоляции, - оправдывается Шьямасундара. - Им нужно больше общаться с вами.

- Они должны каждое утро приходить на мои лекции, - говорит Прабхупада. - Это самое важное, что они должны делать. А иначе работа, работа, работа... Чем они отличаются от карми?

Шьямасундара нервно раскачивается взад и вперёд. Его лицо становится бледным. Я задаюсь вопросом, как Шрила Прабхупада узнал о гандже и шиваитах. Во Вриндаване очень мало шиваитов по сравнению с другими местами Индии. Нищенствующие шиваиты редко следуют брахманическим правилам чистоты. Они никогда не моются, посыпают

себя пеплом, носят трезубцы и ходят вокруг кремационных гхатов, как вампиры. В Варанаси их можно увидеть повсюду, особенно рядом с гхатами, где они сидят, выпуская огромные клубы дыма ганджи и чараса из глиняных чиллумов, примитивных курительных трубок в форме воронки. «Бон Шанкар!» - кричат они, когда закуривают трубку, посвящая своё курение Шиве, божеству, покровительствующему Варанаси, повелителю привидений и ракшасов. Прабхупада сказал, что подобные курильщики ганджи не являются настоящими преданными Господа Шивы, потому что они пытаются подражать своему господину, а не служить ему. «Прежде чем подражать Господу Шиве, курая ганджу, - однажды сказал Прабхупада, - выпейте океан яда, как он. Не смо - жете». Шьямасундара прекращает нервно раскачиваться. Его нахмуренные брови указывают на то, что он не знает простого решения.

- Я сообщу Судаме, - наконец выдавил из себя он. - Им придётся приезжать на рикше.

- Почему нет? - спрашивает Шрила Прабхупада, - нужно всего несколько пайсов.

- Но что мне делать с Локанатхом?

- Тебе решать. Но эти глупости не могут продолжаться. И нам нужны какие-то гарантии, а не просто обещания бросить курить.

- Он может рассердиться, если я буду давить на него, - высказывает своё опасение Шьямасундара. - Я сначала поговорю с Судамой.

- Если ему не нравятся наши принципы, он может отправляться куда-нибудь в другое место. Пусть он там устанавливает свои собственные принципы. И ещё. Что там насчёт этого парня, Кулашекхара? Если то, что он сделал, было неоправданно, он должен как-то возместить нанесённый ущерб.

- Он дал мальчику пощёчину прямо посреди Лой-базара, - говорит Шьямасундара. - Нам нужно будет найти мальчика. Потом...

- Подожди, - останавливает его Прабхупада. - Мальчик не был ранен?

- Нет. Это была просто пощёчина. Но реакция была очень негативной. Вчера в нас бросали камнями рядом с Кеши-гхатом.

- Нет, я думаю, это была какая-то другая провокация. Зачем им нападать на наших людей? Каждый сам за свои поступки отвечает.

- Ну, мы для них иностранцы и потому нас сваливают в одну кучу.

- Поэтому курение ганджи должно прекратиться. Жена Цезаря должна быть вне подозрений. Поскольку мы преданные, всё, что мы делаем, отражается на движении Господа Чайтаньи Махапрабху. Поэтому мы должны очень тщательно избегать делать глупости.

- Да, Шрила Прабхупада, - обещает Шьямасундара. - Я буду стараться изо всех сил.

- Так, Хаягрива, что ты сейчас редактируешь?

Я поднимаю глаза и вижу, что он улыбается. Его настроение изменилось так же быстро, как он сменил тему разговора. В одно мгновение - удар молнии; в следующее - роза.

- Ну, я пока работаю над Шестой песнью Шримад-Бхагаватам, - говорю я. - Осталось пройти восемьдесят страниц рукописи.

- Может, напишешь статью по «Шикшаштаке» Чайтаньи Махапрабху, поделишься своим пониманием?

- Боюсь, моё понимание не очень глубоко, Шрила Прабхупада. Я знаю только то, что вы мне рассказывали.

«Шикшаштака» - это единственное произведение, которое Господь Чайтанья Махапрабху оставил после Себя. В юности Господь славился как великий учёный; Он побудил Госвами написать множество книг о бхакти-йоге, но Сам записал всего лишь восемь стихов, считая, что больше писать нет необходимости. Как «Нагорная проповедь», «Шикшаштака» содержит основное послание великого учителя.

- Я дал несколько объяснений в «Учении Господа Чайтаньи», - говорит Прабхупада. - Дай более развёрнутые объяснения, и мы опубликуем твою статью в «На пути к Богу».

- Начинаю тут же, - я, и правда, готов приступить к работе немедленно.

Шрила Прабхупада встаёт:

- Ну, теперь время идти на утреннюю прогулку.

Сегодня утром Шрила Прабхупада не идёт к реке в сторону храма Мадана-мохана, как обычно. Вместо этого, чтобы отметить наступление раса-пурнимы, он сворачивает к Сева-кунджу. Мы пришли туда, где Кришна танцевал с гопи. Наступило полнолуние, и распустились цветы маллика. Когда Кришна заметил красоту луны, красноватой, как кункума, Он вспомнил мольбы гопи о том, чтобы Он стал их мужем, и заиграл на флейте. Её звук был таким зовущим, что гопи тут же выбежали к Нему.

Сейчас эти сады окружены высокой каменной стеной. Мы проходим вслед за Шрилой Прабхупадой туда, где находится маленький храм раса-лилы, известный как Ранга-махал. Настенные фрески изображают Господа Кришну, массирующего стопы Радхарани.

- Это место называется Сева-кундж, - говорит Шрила Прабхупада. - «Сева» означает «служение», и именно здесь Кришна совершал служение Радхе. Гопи не знали, что Кришна Бог. Они просто считали

Его самым красивым юношей во Вриндаване и своим возлюбленным. А иначе как они могли принимать от Него служение?

Когда Кришна наслаждался танцем раса с гопи, Ему было всего восемь лет, и многие гопи уже были замужем, потому что в те времена девушки очень рано выходили замуж. Но всё равно их манила красота Кришны, и когда они слышали, как Он играет на Своей флейте, их желание подарить Ему счастье стало непреодолимым.

Мы обходим вокруг садов, и Прабхупада показывает на маленький водоём.

- Кришна создал этот пруд, топнув ногой, чтобы утолить жажду Лалиты, одной из гопи. Кришна - муж каждого, потому что Он верховный наслаждающийся. В духовном небе, на Голоке Вриндаване, любовные игры Кришны и гопи происходят вечно. Они отражаются здесь, в материальном мире в сексуальных играх между юношами и девушками. Это извращённое отражение омерзительно. Подражать расалиле Кришны, пусть даже во сне, подобно яду.

Шрила Прабхупада поворачивается и идёт дальше. Вдоль тропинки тянутся ряды кустарников, и обезьяны носятся вокруг белых и фиолетовых бугенвиллий. Эти сады - их территория. Когда на ночь ворота закрываются, они остаются единственными свидетелями танца раса, который, как говорят, проходит здесь. Однако Прабхупада высмеивает это поверье.

- Выдумки. И кто их только сочиняет, - сердится Шрила Прабху - пада. - Кришна танцевал здесь пять тысяч лет назад. В шастрах нет никаких свидетельств того, что Он танцует здесь каждую ночь. Вечно танец раса происходит в духовном мире, но не здесь. А подобные сказки сочиняют глупые люди и сахаджи.

Мы заканчиваем обход сада и семенем за Прабхупадой мимо храма Шахджи к Майтхун-кунджу в Нидхуване. Эти сады, также обнесённые высокой стеной, окружают целый городской квартал. Стаи обезьян носятся, как угорелые. Принести сюда пищу означает подвергнуть себя нападению. Вырезанные над аркой деревянные обезьяны предупреждают паломников о том, что их здесь ожидает.

Говорят, что сюда Рупа и Санатана Госвами привели императора Акбара с завязанными глазами. Император получил мистический опыт и был так впечатлён, что поддержал строительство первых больших храмов Госвами: Мадана-мохана и Говиндаджи. И именно здесь Харидас Свами обнаружил Божество Банки-бихари, возможно, самое популярное сегодня Божество во Вриндаване. Кришна отдыхал здесь вместе с Радхой после танца раса, и Радха игриво выхватила у Него флейту.

На маленьком алтаре в открытой беседке находится Божество Радхи, играющей на флейте. Ей прислуживают Лалита и Вишакха, главные гопи. Перед самадхи Харидаса Госвами выложен мраморный пол в клеточку. Я спрашиваю Шрилу Прабхупаду, танцевал ли Кришна и здесь тоже.

- Нет, - говорит он. - Радха и Кришна отдыхали здесь, и всё.

Ничего больше не говоря, он заканчивает прогулку в саду.

* * *

Шрила Прабхупада продолжает давать утренние лекции на заднем дворе храма Радха-Дамодары. Прадьюмна читает из «Нектара преданности»:

Великих преданных сравнивают с акулами в огромном океане нектара, не обращающими никакого внимания на всевозможные реки освобождения. Имперсоналисты, увлечённые идеей слияния со Всевышним, подобны рекам, текущим к океану и вливающимся в него...

- Не имеет значения, в каком направлении течёт река, - говорит Прабхупада, - потому что, в конечном счёте, она впадает в океан. И это освобождение. *Майявади* очень любят эту аналогию. Но чтобы аналогия была обоснованной, все её элементы должны согласовываться между собой. Реки впадают в океан, это факт, но, опять же, вода испаряется под палящими лучами солнца и превращается в облака, а затем снова падает вниз. Океан нектара служения Кришне приносит неземное наслаждение. Джива Госвами сравнивает растворение в Брахмане с зелёной птицей, которая садится на зелёное дерево. На первый взгляд кажется, что птица перестаёт существовать. Подобно этому кажется, что маленькое духовное живое существо сливается с духовным небом, но его индивидуальность по-прежнему сохраняется. Эта частичка Брахмана вечна, *санатана*. Её нельзя разрезать на куски. Не может быть и речи о слиянии, утрате этой индивидуальности. Индивидуальность остаётся. Во второй главе Бхагавад-гиты Кришна объясняет, что все эти цари и воины жили в прошлом, существуют в настоящем и будут существовать в будущем. Поэтому слиться не означает потерять индивидуальность. Попав однажды в духовный мир, мы не захотим возвращаться назад. Мы останемся с Кришной, чтобы больше никогда не покидать Его, танцевать и играть с Ним или служить Ему в качестве дерева, растения, воды, коров, земли, мальчиков-пастушков, отца, матери или гопи. Когда наступит этот день, и вы вернётесь к Кришне, вы обретёте вечную жизнь.

Преданному всё равно, кем быть, главное - жить во Вриндаване. «Не важно кем - просто позвольте мне жить здесь», - молит преданный.

Любовь к Богу - словно бескрайний океан, и Рупа Госвами говорит, что мы должны нырнуть в этот океан нектара и никогда не возвращаться в реки. Иногда в океане возникают водовороты, которые сравниваются с аргументами логиков. Рупа Госвами предупреждает, что мы не должны поддаваться доводам карми, гьяни и йогов. Пусть они занимаются своими собственными делами. Мы выражаем им почтение, но не принимаем их путь. Мы должны утвердиться в бхакти. Это то, что нам рекомендуется.

Корова слушает лекцию, закрыв глаза, пока покой не нарушает огромная обезьяна-самец, он неожиданно прыгает с мангового дерева на

землю, с визгом скачет вокруг нас, а затем запрыгивает обратно.

- Хат! Хат! - кричит Шрила Прабхупада, и обезьяна перепрыгивает на крышу и скрывается из виду. Слушатели смеются.

Прабхушна продолжает чтение:

Автор «Бхакти-расамрита-синдху» Шрила Рупа Госвами в своём смирении уверяет, что лишь пытается распространить сознание Кришны по всему миру... ради блага страждущего человечества.

- Да. Наше главное занятие - служить *ачарьям*: Чайтанье Махапрабху и Его непосредственным ученикам, Рупе Госвами и их ученикам. Наше Общество пытается создать международный союз вайшнавов, не обращая внимания на касту, вероисповедание и цвет их кожи. Став преданным Кришны и усвоив Его учение, человек может проповедовать другим. Люди не должны думать, что мы обращаем их в индуизм. Вы не найдёте слова «индус» ни в Бхагавад-гите, ни в Шримад-Бхагаватам. Это

более позднее изобретение. Наша система - *варнашрама-дхарма*. Она применима повсюду. Её создал Бог, так же как Он создал солнце. Солнце можно увидеть повсюду. Оно не принадлежит ни Америке, ни Индии. В нашем обществе есть юноши и девушки из Европы и Азии, из христианских и мусульманских семей, но здесь они становятся слугами Кришны. В этом - сознание Кришны. Большое спасибо.

Мы почитаем обеденный прасад во дворце на Кеши-гхате. После я ложусь, чтобы немного вздремнуть, и мне снится сон, если такое видение можно назвать сном, - женщина, одетая в сияющие драгоценные камни. Её отвратительное лицо испещрено бородавками, у неё длинный нос, густые лохматые рыжие волосы, и длинные, ярко-красные ногти, искривлённые в сторону ладоней. Она извивается как змея, поднимается с земли и падает обратно, как будто исполняет какой-то колдовской танец. Она произвольно меняет свою форму: в одно мгновение она огромная, а в другое - совсем маленькая. «Хи-хи-хи-хи», - смеётся она, как ведьма, размешивающая котёл, полный жаб и крыльев летучих мышей. Она увеличивается до гигантских размеров. Её драгоценные камни сверкают красным, синим и зелёным цветом, и она раскачивается взад и вперёд, нагоняя ужас на всю вселенную. «Хи-хи-хи! ПУТАНА!» - вопит она. И я просыпаюсь.

Путана!

Я долгое время лежу на спине, разглядывая потолок. Какой страшный сон, и всё же какой удивительный! Ведьма Путана была первой из многочисленных демонов, посланных Камсой убить младенца Кришну. С помощью чёрной магии она убила немало детей. Как только Камса узнал, что Кришна находится в Гокуле, он послал туда Путану, чтобы она расправилась с Ним.

Путана превратилась в прекрасную молодую кормилицу и подошла к Кришне, чтобы дать Ему отравленную грудь. «Этот ребёнок так могуществен, что может разрушить целую вселенную», - подумала она. Тем не менее, она взяла Кришну к себе на колени и положила свой смазанный ядом сосок Ему в рот. Кришна, закрыв глаза, схватил её грудь и высосал у неё молоко вместе с жизненным воздухом.

«Пусти! Пусти!» - кричала Путана. Её густые рыжие волосы разметались, когда она приняла свой настоящий облик огромной демоницы высотой в двадцать километров и замертво рухнула на землю. Её тело повалило деревья и сотрясло небо и землю. Шум привёл в ужас всех обитателей Гокулы. Зубы Путаны были подобны вспаханым дорогам,

ноздри - горным пещерам, груди - невысоким холмам, глазницы - колодцам, а бедра - двум берегам реки. Её руки походили на тяжёлые мосты, а живот - на высохшее озеро.

Этот сон кладёт конец моей дрёме. Я сажусь на край кровати и смотрю через окно на реку. Удивительно, как во время сна в уме возникают такие яркие образы. Они как будто лежат спрятанные где-то, просто ожидая своего часа, а затем неожиданно появляются.

Сегодня вечером я буду на ногах допоздна. Я встаю с постели и переодеваюсь в чистое дхоти и курту. Пришло время возвращаться в храм Радха-Дамодары. На сегодня запланирована церемония посвящения в санньясу, и сегодня вечером восходит полная луна. Празднование раса-лилы будет длиться до поздней ночи.

Глава 14

Танец

Приехав из Южной Индии на прошлой неделе, Гуру-крипа понятия не имел, что ему предложат принять санньясу. Когда Прабхупада услышал о его успешной проповеди среди майявади и шиваитов в Мадрасе и Бангалоре, он сказал:

- Теперь, санньяси, ты должен продолжать эту замечательную проповедь.

- Но Шрила Прабхупада, я не санньяси, - отвечал Гуру-крипа. - Я всего лишь брахмачари.

- Что? Ты не санньяси? Тогда ты должен немедленно принять санньясу.

Как только Шрила Прабхупада

объявил об этом, двое брахмачари из Америки, Парамахамса и Паривраджакачарья, стали умолять о том, чтобы им дали посвящение в санньясу на той же церемонии. Перспектива вечного безбрачия их совсем не пугала.

- Я посоветуюсь с преданными, - сказал им Прабхупада.

Однако преданные возражали.

- Каждый хочет получить санньясу, чтобы выделиться, - сказал Гурудас. - Чем больше появляется санньяси, тем менее важным становится это положение.

- Шрила Прабхупада, эти ребята ещё ничего не сделали, - протестовал Шьямасундара. - Пусть они проявят себя. Они получили инициацию только в прошлом году. Мы даже толком не знаем, кто они такие.

Но Парамахамса и Паривраджакачарья были полны решимости. Они пошли к Прабхупаде и сказали:

- Мы собираемся во Вьетнам, и нам нужна санньяса.

- Да, там война, - сказал Прабхупада. - Вы должны быть санньяси, чтобы проповедовать там.

Так всё было устроено. Мы собираемся во дворе храма Радха-Дамодары на церемонию инициации. Трое американцев собираются принять отречение - это событие привлекает большую толпу индийцев. Многие преданные, не найдя во дворе места чтобы сесть, наблюдают за происходящим с крыши. Во Вриндаване церемония посвящения в санньясу всегда является событием, особенно во время праздничной раса-пурнимы. Люди всегда собираются, чтобы выразить почтение новым отрешённым и пожелать им удачи в их духовном путешествии.

Шрила Прабхупада произносит небольшую речь об отречении. Затем он поворачивается к тем, кто получает санньясу.

- Эти американские юноши трудятся для Кришны, - говорит он. - Не ради общества, государства или чего-то ещё. В словаре написано, что Кришна - это индуистский Бог. Но эти юноши трудятся не для индуистского Бога. Они трудятся для Кришны. Кришна не индуистский, не чей-либо ещё. Кришна - это Верховная Божественная Личность. Юноши поняли это и трудятся для Кришны безо всяких мотивов. И не только здесь, но по всему миру. Почему? Сознание Кришны дремлет в сердце каждого. Мы просто должны слушать Бхагавад-гиту и Шримад-Бхагаватам от представителя Кришны, чтобы пробудить это сознание. Слушание о Кришне от преданного Кришны доставляет огромное удовольствие слуху и сердцу.

Праххупада наблюдает, как Аччютананда Свами руководит церемонией. Обряд начинается. Аччютананда зажигает жертвенный огонь и поёт санскритские мантры. В огонь льётся топлёное масло, а мы бросаем в него сезамовые зёрна и ячмень и повторяем:

- *Ванде 'хам шри-гурох шри-юта-пада-камалам шри-гурун ваишна-вами ча*. Я в глубоком почтении склоняюсь к лотосоподобным стопам моего духовного учителя и всех вайшнавов.

Мы также выражаем почтение всем главным учителям в ученической преемственности. В конце каждой молитвы собравшиеся в унисон повторяют слово «сваха». В огонь льётся и бросается ещё больше ги, сезамовых зёрен, ячменя и щепок. Языки пламени взлетают высоко в воздух. Затем троим санньяси и другим участникам ягьи раздаются бананы, которые нужно положить в огонь. Как только обезьяны видят их, они устремляются с деревьев вниз. Они успевают стащить полдюжины бананов, прежде чем мы успеваем их прогнать.

Огненное жертвоприношение заканчивается, и индийцы выходят вперёд, чтобы выразить почтение новым санньяси, коснувшись их стоп. Затем они почитают прасад - крошечные ломтики бананов.

Аччютананда говорит мне, что он будет удивлён, если Парамахамса и Паривраджакачарья продержатся хотя бы год.

- Их отношение полностью неправильное, - говорит он. - Ну, Гурукрипу, по крайней мере, назначил Шрила Праххупада, но эти двое - самозванцы, просто хотят уважения и маха-прасада.

- Если честно, я не понимаю, как двадцатилетний юноша может на всю жизнь отречься от секса, - удивляюсь я. - У них недостаточно знаний для этого.

- Два года назад я сам был на грани падения, - говорит Аччютананда.

- Дану?

- Но Кришна спас меня.

- Ты действительно вдохновляешь, Махарадж, - говорю я. - Как тебе это удалось?

- Я медитировал на то, что человеческое тело - это мешок, наполненный испражнениями, гноем, кровью, мочой и желчью.

- Ямуначарья гордился бы тобой, - смеюсь я, - но иногда этот метод не работает.

- Есть также система йоговских упражнений, - говорит он. - Также холодный душ. И ещё важна диета. Нужно избегать жирной пищи и продуктов с высоким содержанием протеина.

- Научишь?

- Только не сейчас. Это всё равно не поможет, если ум находится не

там, где надо. Секрет в том, чтобы с помощью мантры думать о Кришне. Без этого ничто не поможет. А теперь пойдём поищем, где показывают эти танцы раса.

* * *

В ночь полнолуния, знаменующую окончание месяца Шарат (сентябрь - октябрь) и начало месяца Картика (октябрь - ноябрь), жители Вриндавана празднуют танец Кришны с девушками-пастушками Враджа. Танцы и театральные пьесы исполняются в различных храмах и пандалах. Иногда даже приезжают труппы профессиональных танцоров из Бенгалии или Ориссы. Однако главным зрелищем является маха-раса-лила в исполнении местных мальчиков. Иногда приезжают труппы, полностью состоящие из девушек. Чтобы не было ни малейшей примеси эротики, мужчины и женщины никогда не смешиваются.

Мы едем на рикше до похожего на дворец храма Радха-Мадхавы из коричневого песчаника, построенного Махараджем Джайпура. Храм был закончен в 1917 году после тридцати лет работы. Это самый богатый и величественный храм во Вриндаване. Внешние арки украшены филигранными узорами — лотосами, лианами, чакрами. В этом храме Божествам золотистой Радхи и чёрного Мадхавы (Кришны) поклоняются в соответствии с учением Нимбарка-сампрадаи. Шестнадцать мраморных колонн кремового цвета придают храму массивность. Мрамор над тремя алтарями покрыт красочными расписными узорами из цветов и лиан. Многие узоры срисованы со стен Тадж-Махала.

Под огромными нимовыми деревьями перед главным входом храма расположена сцена. Храмовые своды служат фоном для постановки. Фосфоресцирующие голубые лампы освещают сцену, а арки, обрамляющие балконы, сияют мягким золотистым светом. Это подходящая атмосфера для бесконечного танца Кришны в духовном царстве.

Сегодня выступают мальчики возраста шести - одиннадцати лет. Я потрясён нарядами и гримом актёров. Должно быть, они провели немало часов, наряжаясь и нанося грим. Их лица раскрашены каджалом, а вокруг глаз нарисованы яркие белые точки. Кришна в короне из павлиньих перьев красивее всех. Он выглядит бесподобно. Жёлтые шёлковые одежды, на лодыжках звенят колокольчики, а подошвы стоп окрашены яркой кункумой, на руках - золотые браслеты, а в ушах - изумрудные серёжки в форме акул - я смотрю на всё это великолепие как замороженный. Его лотосоподобные глаза подведены каджалом, а губы и язык покраснели от сока бетеля. На шее - гирлянды из бархатцев и миниатюрных роз.

Гопи одеты в яркие шёлковые сари с богатой золотой вышивкой. Их глаза подведены каджалом и обрамлены искусными узорами.' Их стройные тела украшены браслетами, ножными колокольчиками, серёжками, носовыми кольцами и ожерельями.

Слева перед сценой шестеро музыкантов играют на *табле*, мриданге, цимбалах, фисгармонии, скрипке и *шаранги*, струнном инструменте, который издаёт запоминающийся, неземной звук. Главный вокалист похож на торговца чаем, но в исполнении *бхаджанов* он - виртуоз.

Всего актёров около двадцати. Кришна абсолютен, а потому Он, Его имя, игры, образ и даже изваяние или изображение - суть одно. Хотя ни один человек никогда *не сможет* стать Кришной или слиться с Ним, мальчик, играющий Его роль, одухотворился благодаря общению с Господом.

Сам по себе сюжет представления довольно прост: Шри Кришна просит Майю-деви, богиню материальной энергии, помочь Ему в танце раса. Майя-деви с удовольствием соглашается и делает это различными способами: она создаёт подходящую атмосферу, в то время как Кришна распространяет Себя во множество форм, чтобы танцевать с каждой гопи. Любовь и привязанность каждой гопи увеличивается, так как каждая думает, что Кришна танцует только с ней одной.

Затем Камадева, бог любви, спорит с Нарадой Муни. Он говорит, что может превзойти в искусстве любви любого, даже Самого Кришну. Однако когда Камадева приходит во Вриндаван и видит Господа, он понимает, что Кришна не обычный соперник, но всё равно вызывает Кришну на состязание в садах раса-лилы.

Когда гопи слышат флейту Господа Кришны, они бегут на встречу с Ним, но Он просит, чтобы они возвращались домой и служили своим семьям. Гопи отказываются, ибо они считают Кришну своим возлюбленным. Затем Кришна начинает танцевать, и каждая гопи думает, что Он принадлежит только ей. Их любовь выражается в их *мудрах*: неумовимых движениях глаз и рук, вскинутых бровей, улыбках и позах.

Пока они так танцуют, появляется Камадева, вытаскивает лук и

стрелы, чтобы выстрелить в Кришну, но Господу достаточно бросить взгляд в Его сторону, и Камадева падает без сознания. Затем жена Камадевы, Ратхи-деви, уносит поверженного бога любви со сцены. Танец продолжается. Через некоторое время Кришна исчезает, чтобы усмирить гордыню гопи.

Гопи почти сходят с ума от разлуки с Кришной. Они вспоминают Его игры: как Он убивает ведьму Путану, и как Он проявляет Свою любовь к Нанде Махараджу и мальчикам-пастушкам. Они катаются по сцене в скорби. Тем временем Кришна выказывает Радхарани особое внимание, украшает Ей лицо кункумой и заплетает волосы в косу. Радхарани думает, что Кришна любит только Её, и чтобы исцелить Её от гордости, Кришна исчезает. А Радхарани и гопи терзаются в разлуке.

Когда их гордость, наконец, сокрушена, Он появляется вновь. Гопи выражают свою радость ещё более восторженным танцем. Затем Кришна исполняет танец царя павлинов. Он распускает огромный веер из павлиньих перьев и танцует на коленях, кружась, как дервиш. Он подпрыгивает высоко в воздух и выписывает круг за кругом, перья летят за ним следом, и кажется, что земное притяжение перестаёт действовать по Его божественной воле. Этот энергичный танец заставляет аудиторию аплодировать стоя.

Мальчики танцуют на протяжении пяти часов. Их босые стопы отбивают ритм в унисон музыке, а ножные колокольчики позванивают, когда они, взявшись за руки, танцуют вокруг Кришны. Большинство мальчиков ещё не достигли подросткового возраста. Постановка оживляет воспоминания о детстве, о тех чистых днях, о веселье, не омрачённом пробудившимся половым влечением. Как счастливы мы были тогда! Какая удача - быть способным вечно оставаться детьми, как Кумары! В этом возрасте неизвестны тревоги желаний и сожалений. Беспокойство принадлежит этому странному миру взрослых. Трогательная игра мальчиков пробуждает в зрителях возвышенные духовные эмоции.

Танец продолжается до часа ночи. Затем Радхе и Кришне, восседающим на цветочном троне, предлагают арати. На некоторое время мальчики стали воплощением Господа. После арати раздают прасад.

Люди начинают садиться в рикши и расходиться по домам. Мы с Ачьютанандой берём рикшу до Кеши-гхата. Храмы и магазины быстро пролетают мимо, как во сне. Здания выглядят, как переливающиеся в лунном свете театральные декорации.

- Ну что ты об этом думаешь, Хая? - спрашивает Ачьютананда.

- Они были наделены могуществом, - восторгаюсь я. - Они были Кришной.

- Кто это сказал?

- Прабхупада сказал, что даже мысль о Кришне неотлична от Кришны. Тот мальчик, игравший Кришну, был больше, чем мысль.

К счастью, дворцовые ворота были оставлены открытыми. Но нам приходится долго колотить по внутренней двери, прежде чем старый смотритель открывает её. Все преданные спят. Мы были единственными, кто ходил смотреть танец.

На пороге комнаты я оборачиваюсь и прошу Ачютананду не будить меня на мангала-арати, которое начнется менее чем через три часа.

- Я *должен* немного поспать, - умоляю я его.

Но, уже лёжа в кровати, обнаруживаю, что спать мне совсем не хочется. Я смотрю в окно на лунный свет над Ямуной и по-прежнему слышу в ночной тишине звон ножных колокольчиков, такой же ошутимый, как моё собственное сердцебиение.

Глава 15 Парикрама

Ачютананда ждёт до восхода солнца, чтобы разбудить меня, и затем предлагает пойти на парикраму.

- Сегодня четырнадцать километров, - говорит он. - Нам нужно торопиться, чтобы успеть к началу лекции Прабхупады. Возьми с собой фотоаппарат.

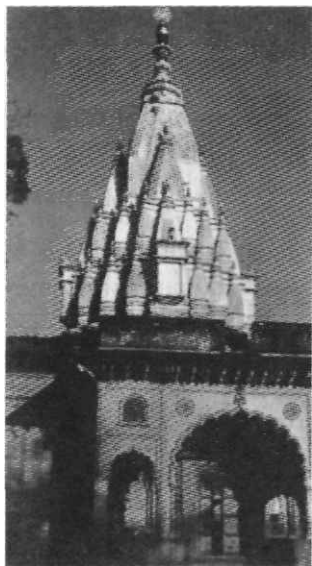
Мы начинаем прогулку, проходя быстрым шагом через небольшую площадь, где нищие просят милостыню у паломников, идущих к Кешигхату. В Судама-кутире построили храм и дхармашалу, здесь живут брахмачари и

останавливаются на ночлег гости. Сейчас здесь в полном разгаре энергичный киртан. Какой-то мальчик танцует в центре комнаты, воздев руки к небу, как Господь Чайтанья. Ещё один играет на мриданге, другой стучит в цимбалы, третий мальчик бьёт в гонг, а пожилой мужчина играет на фисгармонии.

- Джай Рам, Сита Рам, Сита Рам, Сита Рам, - поют прихожане.

Мужчины просят нас тоже танцевать, и мы присоединяемся к ним.

Лицо танцующего мальчика светится блаженством.

- Джай Сита Рам, Сита Рам, Сита Рам.

Это удивительный, спонтанный танец, и люди не хотят, чтобы мы уходили. Несколько человек следуют за нами во двор, где вокруг баньяна сидят *бабаджи* и пьют чай. Они просят меня сфотографировать их. Когда я объясняю, что недостаточно света, они выглядят озадаченными. Аччютананда объясняет им тоже самое на хинди, но по каким-то причинам послание до них не доходит, и мне приходится их фотографировать.

Мы продолжаем идти на юг по мощёным улицам. Проходим мимо прижавшихся друг к другу зданий. Над кухнями, где кипятится вода для чая, поднимается дым с горящего коровьего навоза. Стандартный завтрак бедняков во Вриндаване состоит из чая,

нескольких ломтиков хлеба, который они макают в чай, и *бхаджи*. турецкого горошка со специями.

Мы подходим к Тикарирадж-гхату. Ворота из коричневого песчаника ведут к храму Тикарирани Радха-Кришны, главная башня которого украшена не менее чем восемнадцатью шпилями. Строительство храма было завершено в 1871 году царицей Бихари по имени Индраджит Кунвер.

Рядом с ним стоит маленький храм божества реки Ямуны и храм Рамы, который называется Каушалендра. Здесь также находится сад Вринда-ватика. Под огромным баньяном рядом с Чайтанья-кутир-ашрамом сидят пожилые вдовы и повторяют джапу. Изнутри доносятся звуки киртана.

Парикрамская дорога отворачивает от берега реки и тянется мимо полей. Несмотря на песчаную почву, вокруг в изобилии цветут гибискусы. В храме Ади-бхадра-Нараяны нас угощают бхаджи. Мы

кушаем, делаем несколько снимков и оставляем небольшое пожертвование у стоп Божества.

Ребёнок у колонки под сенью нимовых деревьев от удивления перестаёт качать воду и во все глаза смотрит на нас.

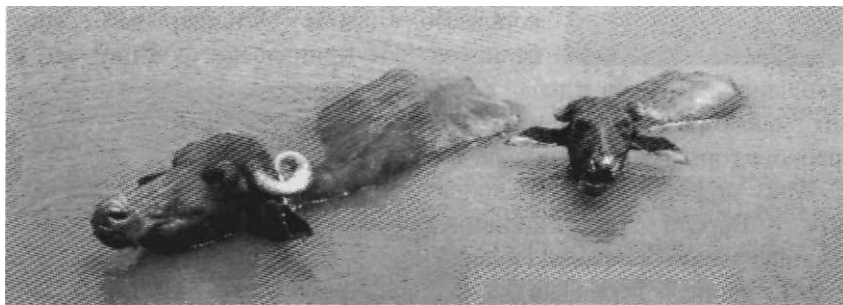
«Мяу, мяу, мяу», - кричат, словно кошки, павлины. Я никогда не видел так много павлинов.

- С утра они более активны, - говорит Ачютананда.

- А когда раскрывают хвосты?

- Перед сезоном дождей, когда из туч разносятся удары грома. И ещё когда спариваются. Самцы исполняют небольшой танец и распускают хвост.

Я пытаюсь сфотографировать группу из четырёх павлинов, но они убегают, как застенчивые знаменитости. Мы продолжаем свой путь, минуя финиковые пальмы и пруд, из которого торчат носы чёрных буйволов.

- Буйволы большую часть времени прохлаждаются в воде, - объясняет Ачютананда. - На их коже нет пор, и вся влага выделяется в молоко. Коровы находятся в гуне благости, а буйволы - в гуне страсти. Их молоко жирное, густое, очень вкусное, но плохо переваривается.

- Похоже, что здесь они любимые рабочие животные.

- Они очень полезны. Во Вриндаване их навозом, как и коровьим, топят.

Мое внимание привлекает рощица из маленьких деревьев с крошечными цветами в форме звёздочек.

- Это париджата, - просвещает меня Ачютананда. - Очень ароматные цветы.

- А там что за деревья?

- Гуава.

Так вот она какая, я с умилением смотрю на сочные спелые плоды. Мне хочется сорвать несколько штук, но в Индии за вами постоянно следят, по меньшей мере, три пары глаз. Мы проходим мимо.

Возле храма Джаганнатха-дева пожилой мужчина спешит сообщить нам, что под баньяном, в тени которого стоит храм, сидел Сам Господь Чайтанья Махапрабху.

- Иногда люди сочиняют легенды и открывают новоявленные места полончества, - говорит Ачьютананда. - Как, например, в Чир-гхате. Главные места были установлены Господом Чайтаньей и Госвами.

- Ну, этому дереву может быть и есть пятьсот лет, - соглашаюсь я, - но когда говорят о деревьях, которым пять тысяч лет...

- Суть в том, что это дерево одухотворилось благодаря прикосновению Кришны, - говорит Ачьютананда. - Согласно «Брахма-самхите», во Вриндаване нет прошлого, настоящего и будущего.

Мы продолжаем идти мимо рощиц гуавы и подходим к деревянному храму Ханумана с яркой-синей отделкой и пёстрыми красочными рисунками над дверью. Пуджари предлагает божеству светильник с топлёным маслом. Я делаю несколько снимков, и мы идём дальше мимо множества маленьких ферм. Мужчины вспахивают поля на быках и буйволах. Здесь песок вдоль парикрамы очень мелкий в отличие от обработанной почвы, обогащенной тоннами коровьего навоза. По периметру наделов в изобилии растут кусты вербены.

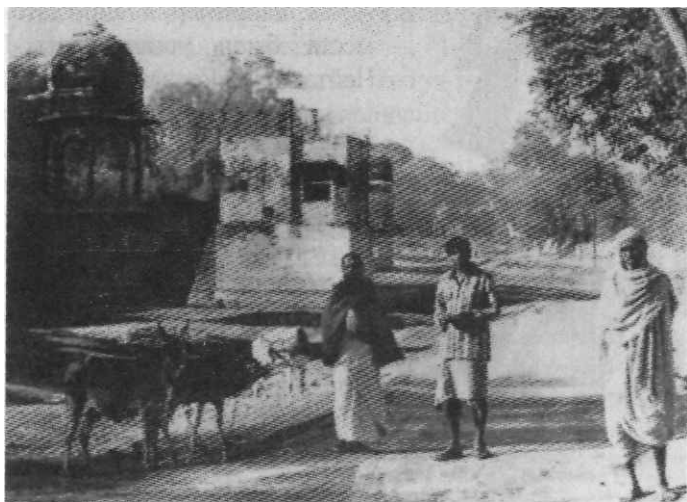
В конце большого поля стоит шестиметровое божество Ханумана. Он несёт с Гималаев гору с лечебными травами, чтобы оживить Лакшмана. У подножия божества сидят несколько брахмачари и поют:

- Рама Рагхава, Рама Рагхава, Рама Рагхава, ракша мам! Кришна Кешава, Кришна Кешава, Кришна Кешава, пахи мам!

Перед тем как я делаю снимки, двое из них бегут в хижину, чтобы переодеться в чистые дхоти и причесать волосы.

- Хануман очень популярен, - говорит Ачьютананда. - Вот почему здесь терпят обезьян.

В этом месте дорога парикрамы поворачивает с юга на запад. Мы пересекаем широкое кукурузное поле и выходим к дороге из Вриндавана в Матхуру. Затем мы проходим мимо Хануман-ашрама, где мужчины тщательно просеивают рис через сита. Мальчики с посохами загоняют стадо белых коров в гошалу. Поднятая стадом пыль клубится в утреннем воздухе.

- Это похоже на сцену из «Источника», - говорю я. - Так, наверное, было и во времена Кришны.

- Большая часть Враджи до сих пор живёт сельской жизнью, - говорит Ачьютананда. - Махаван, Талаван, Нандаграм, Кхадираван, Камаван, Бахулаван, Мадхуван. Там везде по-прежнему тихо и красиво.

Мы подходим к Рамана-рети. Вместо того чтобы пойти на строительную площадку, мы идём по парикраме на север, в сторону реки. Павлины сидят на старых стенах, наслаждаясь тенью больших деревьев ашваттха. Листья этого дерева имеют форму сердца.

- Деревья ним и ашваттха приносят удачу, - показывает Ачьютананда. - А когда они растут вместе, как здесь, они сверхблагоприятны.

Мы идём между стенами из глины. Дорога парикрамы опять песчаная. Затем она меняет направление, поворачивая в этот раз на восток, и идёт параллельно реке.

Самой реки пока не видно, но древние чатры над остатками гхатов говорят нам о том, что столетия назад она здесь протекала. Повсюду в изобилии растут розовые и фиолетовые гибискусы. Баньяны нависают над старыми каменными стенами, огораживающими сады просторных поместий. Листва у деревьев густая и тенистая. Вместо маленьких ферм здесь стоят большие особняки, превращенные в ашрамы и гостиницы.

Мох, растущий на стенах, создаёт впечатление, что за последние сто лет здесь ничего не изменилось. Кажется, сейчас появится двухколёсная бричка, из которой выйдет английская леди в безупречно белом платье, в сопровождении слуг и с зонтиком в руке. Но нет, только индианки набирают воду из колонки и громкими криками гоняют птиц с манговых деревьев, чтобы они не склевали все плоды, и шелестит у

обочины высокая пампасная трава с похожими на перья кисточками наверху.

Мы проходим мимо ещё нескольких божеств Ханумана, стоящих в бетонных храмах размером не больше шкафа. Божества намазаны оранжевым синдуром, а стены покрыты красными отпечатками ладоней, испачканных синдуром.

- Люди говорят, что когда они натирают Ханумана синдуром, ему это очень нравится, и он исполняет их желания, - говорит Ачьютананда. Он единственный, кого они мажут синдуром, за исключением коров в день *Гонаштами*. Белые коровы, покрытые отпечатками ладоней, смазанных синдуром, очень благоприятны.

В воздухе стоит густой мятный аромат туласи. Он смешивается с обрывками дыма от горящего коровьего навоза. Боковые тропинки отходят от парикрамы в густые подлески, где прячутся кобры. Перед своими хижинами сидят бородатые садху и декламируют санскритские шлоки. Рядом с построенными из глины и соломы жилищами святых стоят коровы, привязанные к столбикам.

Мы кланяемся святым со словами:

- *Намо брахманъя девая го брахмана хитая ча джагад хитая криш-
ная говиндая намо намаха.* Я в глубоком почтении склоняюсь перед
Господом Кришной, благожелателем коров, брахманов и всех живых
существ.

Мы подходим к холму Двадашадитья, холму двенадцати солнц, самому высокому месту во всём Вриндаване. Красный песчаник храма Мадана-мохана мягко сияет в утреннем свете. Здесь вдоль парикрамы стоит около десятка хорошо сохранившихся чатр. На них разложены коровьи лепешки, сохнувшие на солнце. Некоторые чатры теперь служат домом для нелегальных поселенцев, которые растянули под ними свои чарпои. Под куполами чатр выют гнёзда павлины и попугаи. Между парикрамой и рекой стоят маленькие домики из глины и соломы с разбитыми перед ними садиками, которые затопляются во время сезона дождей. Люди омываются водой из колонок или в реке. Впереди торопливо идут женщины, неся на головах плетёные корзины с

хворостом. Пожилые садху с искрящимися глазами проходят мимо быстрыми шагами. Одна женщина сидит на корточках и молотком дробит кирпичи. Над храмами разносятся звуки фисгармонии и голоса детей, поющих мантры.

- Харе Кришна, Харе Рама, - кричат нам школьники.

В тени кустов бугенвиллии стоят Шива-линги. Мягкий утренний ветерок развевает листья пальм. Паломники набиваются в лодки, чтобы переплыть на противоположный берег, где река чище и не такая глубокая. Возле Калия-гхата мы кланяемся Божеству Кришны, сидящему под большим деревом кадамба. Говорят, что с его ветвей Кришна прыгнул в реку, чтобы станцевать на капюшонах Калии. Теперь река протекает примерно в пятидесяти метрах от дерева.

Наконец, мы достигаем нашей отправной точки - Кеши-гхата.

- Два часа и пять минут, - говорит Ачйотананда. - Совсем неплохо. Но нам нужно поспешить в храм Радха-Дамодары.

Мы приходим к середине лекции Шрилы Прабхупады. Сразу бросаются в глаза три *данды* новых санньяси, торчащие над собранием преданных. Данда - это посох, состоящий из четырёх бамбуковых шестов, завёрнутых в шафрановую ткань. Шесты означают, что мы посвящаем Кришне наши тело, ум, слова и поступки. В Гаудия-сампрадае санньяси должен повсюду носить данду с собой, куда бы он ни пошёл, на протяжении первых десяти лет, или пока он не достигнет возвышенного уровня *парамахамсы*. В течение этих лет он должен путешествовать и проповедовать.

Обезьяны, болтающиеся на ветвях мангового дерева, кричат громче обычного. Мы кланяемся Шриле Прабхупаде. Впереди сесть негде, и мы садимся сзади рядом с самадхи Рупы Госвами. Из уважения маленькие старушки перестали обходить двор во время лекций. Они стоят под деревьями позади двора и слушают, хотя ни слова не понимают по-английски.

- Духовные силы приходят милостью гуру и Кришны, - говорит Прабхупада. - Кришна находится внутри нас как *чайтья-гуру*, и когда мы станем серьёзными, Он приходит извне как духовный учитель. Нет разницы между *шикша-гуру*, *дикша-гуру* и Кришной. Кришна проявляет Себя внешне как шикша-гуру и дикша-гуру. Кришна существовал даже до сотворения мира, а затем лично дал наставления первому гуру, Брахме, когда других живых существ ещё не было. Другим Он давал наставления через Брахму. Но изначальный гуру - Кришна. Тот же самый Кришна стал гуру Арджуны. По заключению шаштр Кришна является изначальным гуру, гуру каждого. Любой, кто принимает авторитетность Бхагавад-гиты, также принимает незаметно Кришну своим гуру. Поэтому истинный духовный учитель представляет Кришну, говорит для Кришны и агитирует за Кришну. Кто может отрицать это? Это не сложно. Но если в моём сердце есть что-то ещё, тогда я попадусь на удочку какого-нибудь мошенника. Кришна находится в сердце каждого. Кришна всё понимает. От Него невозможно что-либо скрыть. Кришна и живое существо сидят рядом бок о бок, как две птицы на ветке дерева. Одна птица клюёт плоды на дереве, а другая наблюдает. Как только вы всерьёз захотите узнать о Кришне, Он почувствует. «Мой друг стал очень серьёзным. Найду-ка Я доя него настоящего гуру». Это двойная милость: милость Кришны и милость гуру. Кришна говорит: «Вот гуру, Мой представитель. Прими его прибежище, и ты обретёшь Меня».

После лекции мы собираемся в комнате Прабхупады на крыше. Трое новых санньяси сидят перед столиком Прабхупады. Они выглядят немного неуклюжими со своими высокими неловкими дандами в такой крохотной комнате.

Судам, Локанатх и Хришикеш тоже здесь. Очевидно, речь шла о курении Локанатха, и он вовсе не выглядит радостным.

- Шрила Прабхупада отправляет Локанатха в Хайдарабад, - говорит мне Шьямасундара. - Он хочет, чтобы Локанатх всё подготовил для его визита туда в следующем месяце.

Локанатху дают ещё одну возможность проявить себя в другой обстановке, вдали от влияния шиваитов. Прабхупада не обращает внимания на наши оскорбления. Может, ему всё равно? Нет. Он заботится о нас, как о заболевших детях, каковыми мы и являемся. Мы далеки от совершенства и едва ли достойны называться его сыновьями, но Прабхупада любит нас.

Он учил нас, что, подобно солдатам на поле битвы, мы рискуем быть сбитыми с ног, получить ранение или даже погибнуть. Когда падает наш товарищ, мы должны броситься ему на помощь, зная, что для генерала ценен каждый солдат. Как часто Шрила Прабхупада плакал, когда Майя-деви похищала одного из его воинов! Пусть же никогда не наступит тот день, когда мы станем радоваться, видя падение своего духовного брата, гордясь тем, что возвысились более, чем он, или стремясь захватить его положение.

Сейчас Прабхупада даёт специальный даршан для недавно прибывших учеников. Я повторяю джапу и обхожу вокруг самадхи Госвами. Прабхупада попросил, чтобы мы обходили их, по меньшей мере, три раза утром после его лекций. Многие западные преданные чувствуют себя довольно неловко, идя по грязной тропинке между самадхи. Временами кажется, что наши западные тела не были созданы ни для того, чтобы двигаться по узким проходам, ни для того, чтобы проходить под низкими сводами. Иногда я ударяюсь головой и локтями, пытаюсь следовать за маленькими старушками в храме Радха-Дамодары.

«Радхе Шьям, Радхе Шьям», - повторяют они, касаясь горшков с туласи, ступенек алтаря, стен самадхи. «Харе Кришна, Харе Рама», - повторяю я, идя вслед за ними. Некоторых жизнь согнула пополам, сгорбленные бабушки едва достигают моей талии. Но я больше не чувствую себя стеснённым или чем-то отличающимся от них. В конце концов, душа, эта крошечная искорка Кришны, в каждом живом существе одна и та же.

«Смиренный мудрец, обладающий истинным знанием, одинаково смотрит на учёного и благовоспитанного брахмана, корову, слона, собаку и неприкасаемого собакоеда».

Так Господь Кришна наставлял Арджуну на поле битвы.

Я трижды обхожу вокруг самадхи, затем заглядываю вниз на кухню к Ямуне и Пишиме. Они как раз заканчивают готовить завтрак.

- О, Хаягрива, мне нужно кое-что тебе рассказать, - говорит Ямуна. - Об этом знает только Гурудас. Я всё ещё не знаю, верить ли мне своим глазам.

- Что случилось?

- Ну, ты помнишь эту обезьяну, Халадхару?

Халадхара? Множество обезьяньих морд мелькает в моём уме. Для меня все обезьяны выглядят одинаково, так же как и люди, я полагаю, для них. Прожив так долго на крыше храма Радха-Дамодары, Ямуна познакомилась с кланом местных обезьян. В своё время они с

Гурудасом от души посмеялись, называя обезьян именами членов старой команды храма Сан-Франциско.

- Я совсем не помню Халадхару, - признаюсь я.

- Ну, она такая вялая, медлительная и шаркающая, - усмехается Ямуна. - Зато по часам приходит за прасадом.

Мне это ни о чём не говорит. Живые существа в святой дхаме ведут себя подобным образом - очень упорядоченно. Если вы в полдень подбросите в воздух лепёшку, то одна и та же птица будет каждый день в то же самое время прилетать, чтобы поймать её. Каждый день белые коровы заходят через внешние ворота храма Радха-Дамодары, обходят вокруг Божеств и затем выходят обратно, совершая парикраму, по которой вы можете сверять свои часы. Одна обезьяна каждое утро приходит во двор, садится на манговое дерево со сложенными ладонями и слушает лекцию Шрилы Прабхупады, а когда лекция заканчивается, она уходит. Говорят, что был один слон, который постился на каждый экадаши. Такие случаи обычны для Вриндавана.

- Нет, не помню, - я, правда, не могу её вспомнить, как ни стараюсь.

- Халадхара привыкла брать прасад в моей комнате каждый вторник и четверг, - говорит Ямуна, - в той самой комнате, где сейчас живёт Прабхупада. И вот, этим утром она походила вокруг, как обычно, и начала раскачиваться на прутьях оконной решётки и тараторить по-обезьяньи. Я как раз была у двери, принесла Шриле Прабхупаде горячее молоко. Он не видел меня, но я видела его, как он сидит внутри, опираясь на подушку, совершенно расслабленный, нога на ногу.

- Я представляю картину.

- Вот..., затем - о нет, Хаягрива, ты думаешь, что я спатила.

- Давай, - говорю я. - Ты не можешь сейчас остановиться и недорассказать.

- Ладно, только знай, что это правда. Неожиданно Шрила Прабхупада начал говорить с Халадхарой на чистейшем обезьяньем языке.

- Дану!

- Да! Это был язык, и Прабхупада разговаривал на нём с той же интонацией, в том же ритме, ну, как положено. И когда Халадхара услышала это, она обеими лапами схватилась за оконную решётку,

наострила уши и с удивлением уставилась на него. Затем - я клянусь! - между Шрилой Прабхупадой и Халадхарой состоялся разговор.

- Разговор?

- Разговор, - повторяет она. - Прабхупада так естественно говорил на обезьяньем языке! В общем, они там препирались некоторое время, а я стояла, боясь пошевелиться и прервать их. Я думала о Господе Чайтанье, разговаривающем с животными в лесу. Я знала, что была свидетелем чего-то уникального. Я даже чувствовала, что удостоилась особой привилегии. Затем произошла самая поразительная вещь.

- О?

- Халадхара ушла! Она никогда раньше не уходила без прасада. Это полностью противоречит её обезьяньей природе. «Шрила Прабхупада, - сказала я. - Я не могу верить тому, что только что видела. Что это было?» И Прабхупада ответил: «Я сказал ей, чтобы она уходила и больше меня не беспокоила».

Ямуна смеётся и качает головой, всё ещё удивляясь. Она снимает с огня горшок с *кичри*. Пишима не говорит по-английски, она просто

смотрит на меня, улыбается и продолжает раскатывать тесто для чапати.

- Не вздумай упоминать об этом при Шриле Прабхупаде, - говорит Ямуна. - Никому не говори ни слова. Преданные не будут знать, как к этому относиться. Особенно новички.

- А что можно подумать? Очевидно, что Прабхупада замечательный языковед.

- Пожалуйста. Обещай, что никому не расскажешь.

- Даже Аччютананде?

- Ну ладно, - уступает она. - Аччютананда поймёт.

Поднявшись на крышу, я тотчас же всё ему рассказываю. Я повторяю рассказ Ямуны слово за слово, но это его вовсе не удивляет.

- В прошлые юги это было обычным делом, - говорит он. - Обезьяны, медведи и другие животные постоянно разговаривали с людьми, и об этом никто никогда не задумывался. Господь Рамачандра разговаривал с обезьянами, а Господь Кришна - с медведями. Ещё Рама разговаривал с Джатаю, царём грифов. А Чайтанья Махапрабху просил оленей и тигров петь Харе Кришна.

- Твоя правда, - соглашаюсь я.

- Дети чувствуют это, разве нет? Они любят читать комиксы о говорящих животных. И эти комиксы сделаны по типу буддийских сказок, «Хитопадешы» и «Панча-тантры».

- Хаягрива! - кричит Гурудас с угла крыши. - Тебя зовут.

Я подхожу и смотрю вниз на улицу. В рикше сидит Вишакха. Как обычно, она держит свой фотоаппарат.

- Вы с Аччютанандой готовы? - спрашивает она. - Нам нужно выезжать сейчас, чтобы захватить ранний солнечный свет.

- Сейчас будем, - говорю я. Затем поворачиваюсь к Аччютананде: - Это Вишакха. Я забыл, что мы должны ехать фотографировать храмы и Божеств. Я надеюсь, ты не слишком устал.

- Я готов, - говорит он. - Куда едем?

- Так, в храмах Говиндаджи, Мадана-мохана, Имлитала и Радха-Мадхавы мы были, - говорю я.

- Что ж, осталось ещё 4996 других.

- Джай! Почему не начать с того, что внизу? - предлагаю я.

- Ты имеешь в виду сфотографировать Божества Радха-Дамодары? Пуджари завопят.

- Ну и пусть. Божествам нравится, когда Их фотографируют.

- Ладно, - говорит он. - Поручим это Вишакхе.

Мы спускаемся вниз, чтобы убедить Вишакху зайти внутрь и сфотографировать Их Светлостей Шри Шри Радха-Дамодару.

Глава 16

Обход храмов Вриндавана

Вишакха такой же профессионал, как и её муж - худой, молчаливый Ядубара. Похоже, она родилась с фотоаппаратом и плёнкой в руках. Обычно в таких семейных командах один из супругов в избытке обладает теми качествами, которых недостаёт другому. Но в случае Лдубары и Вишакхи это не так. То, что можно сказать об одном, применимо и к другому.

Они оба преданы Шриле Прабхупаде и Господу Кришне. Они представляют собой пару погружённых в себя, разумных, неразговорчивых, терпеливых, непроницаемых, стремящихся к совершенству людей. Если не считать едва заметных улыбок, на их лицах никогда не отражается и тени какой-либо эмоции. Это удивительно для Вриндавана, где человек постоянно подвергается испытаниям. В течение дня во Вриндаване фотограф сталкивается с гневом, ликованием, разочарованием и унынием, но если подобные эмоции и повлияют на Ядубару и Вишакху, их каменные лица никогда не позволят вам узнать об этом.

Пара историй с обезьянами иллюстрирует качества Вишакхи. Иногда самцы обезьян в храме Радха-Дамодары становятся очень агрессивными. Как-то раз Вишакха и Ямуна несли горшки со сладким рисом Прабхупаде, и один здоровый самец-обезьяна прыгнул прямо на них. Ямуна громко завизжала, бросила горшок и убежала. Но Вишакха закрыла свой горшок телом и, не издав ни звука, отнесла его Прабхупаде.

«Так можно узнать о двух характерах», - сказал Шрила Прабхупада и смеялся, смеялся без остановки.

В другой раз, во время вечернего даршана обезьяна схватила несколько бананов, которые принесли Прабхупаде и опрометью кинулась вон. По множеству причин никто никогда не пытается отбирать у обезьян краденное, но Вишакха неожиданно вскочила, выхватила у неё из лап бананы и закрыла их своим чадаром.

Прабхупада также был свидетелем этого беспрецедентного случая, но это было настолько из ряда вон выходящим событием, что он даже не стал комментировать.

Если Вишакха способна отобрать бананы у обезьяны, она уж точно сможет сфотографировать Божества Радха-Дамодары.

- Если я попытаюсь сделать это, пуджари могут ответить насилием, - говорю я Ачйотананде.

Он соглашается. Остаётся только Вишакха.

С непроницаемым лицом, как у президента Маунта Рушмора, Ви-

шакха поднимается по семи ступенькам к алтарю. В плохо освещенных нишах стоит не менее трёх пар Божеств: Божества, принадлежащие биографу Чайтаньи Махапрабху, Кришнадасу Кавираджу; копии изначальных Божеств Радха-Дамодары Дживы Госвами и Божества Джаядевы Госвами.

Эти Божества охраняют строгие смарта-брахманы, и фотографов сюда никогда не пускают.

Прежде чем пуджари успеваешь возразить, Вишакха делает пять снимков. Вспышка сверкает, как строб¹¹ в танцзале «Авалон».

- Никаких фото! Никаких фото! Нет! Нет! Нет! - кричит пуджари, размахивая руками. Храмовые госвами вскакивают на ноги, но слишком поздно. Вишакха уже выходит на улицу.

- Хорошие снимки? - спрашиваю я.

- Да, - говорит она, едва заметно улыбаясь. И всё. Всего лишь типичная улыбка Вишакхи-Ядубары с закрытыми губами.

- Великолепно! Мы можем поместить их в «На пути к Богу». Итак, куда дальше?

- К нашим соседям, - говорит Аччютананда. - В храм Радха-Шьямасундары.

¹¹ **Строб** - импульсная лампа со встроенным контроллером, которая мерцает каждые 1-1,2 секунды белым, жёлтым, синим, зелёным или красным светом. Строб - эффектное средство наружной рекламы и оформления фасадов зданий.

Мы проходим полквартала к храму, который основал Шьямананда Прабху, непосредственный ученик Господа Чайтанья Махапрабху.

Храмы Мадана-мохана, Говиндаджи и Радха-Гопинатхи, построенные из красного песчаника, являются тремя старейшими храмами во Вриндаване. Если ещё добавить к ним храмы Радха-раманы, Радха-Гокулананды, Радха-Дамодары и Радха-Шьямасундары, мы получим семь изначальных храмов Вриндавана. Все остальные вриндаванские храмы, которых бриджабаси насчитывают пять тысяч, произошли от них.

Как и храм Радха-Дамодары, храм Радха-Шьямасундары внешне выглядит очень скромно. Его двор чуть больше, чем в Радха-Дамодаре, а алтарь вместо трёх сводов имеет пять. Во дворе растёт туласи и стоит самадхи Шьямананды Прабху. Большинство его учеников были из Джаганнатха-Пури и Ориссы, о чём свидетельствуют таблички с именами жертвователей, написанными на языке ория.

- Говорится, что Шьямананда Прабху получил тилаку Шримати Радхарани в обмен на потерянный Ею ножной колокольчик, - сообщает нам Ачйотананда. - Чтобы спасти от мусульман изначальные Божества, преданные отвезли Их в Джайпур.

Фотографировать здесь нечего. Двери алтаря закрыты, и, похоже, никто не знает, когда они откроются.

- Давайте пойдём в храм Радха-раманы, - предлагает Ачйотананда. - Он более оживлённый.

Мальчики-рикши спорят, кто нас повезёт. Мы кладем конец их спору, отправляясь пешком. Идти до храма Радха-раманы совсем недалеко, он находится по дороге к Кеши-гхату.

Мы входим в храм через арку, ведущую с улицы внутрь. Новое здание храма для Радха-раманы было закончено в 1826 году Кундан Лал Шахом, тем же архитектором, который построил храм Шахджи.

Двухэтажное строение закрывает внешний двор от прямого солнечного света. Мы проходим во внутренний двор и видим храм Радха-раманы, втиснутый между двумя зданиями. Фасад построен из светло-коричневого песчаника, а главная арка украшена винтообразными узорами из лотосов.

Храм Радха-раманы был основан Гопалом Бхаттой Госвами, который встретился с Господом Чайтаньей Махапрабху, когда Тот путешествовал по Южной Индии близ Тиручираппали. Господь Чайтанья убедил отца Гопала Бхатты оставить поклонение Лакшми-Нараяне и принять поклонение Кришне. Гопал Бхатта хотел сопровождать Господа в Его странствиях, но Чайтанья Махапрабху велел мальчику идти во Вринда-

ван к Руле и Санатане Госвами. «Сначала побывай у священной реки Гандаки в Непале, - сказал ему Господь. - Там ты найдёшь шалаграми-шилу, этот камень - Сам Господь Нараяна. Возьми шилу во Вриндаван и жди Меня там».

Время шло, Гопал Бхатта служил шиле и ждал Гопода во Врадже, но Господь Чайтанья так и не пришёл. Гопал Бхатта долго плакал. В 1542 году, в ночь перед раса-пурнимой, Он с грустью думал о том, что мало того, что он потерял возможность видаться с Господом, его Божество оставалось небольшим чёрным камнем, которому он мог поклоняться лишь сандаловой пастой и листьями туласи, в то время как другие госвами наряжали своих Божеств в платья и короны. И той же ночью Гопал Бхатта во сне получил указание пойти к шкатулке, в которой он хранил шалаграм. Вместо своего камня он обнаружил одиннадцать шил и Божество Радха-раманы, которое сейчас стоит перед нами.

Это самопроявленное Божество всего сантиметров тридцать в высоту. Фигура Радха-раманы имеет прекрасные очертания, особенно изящны Его подбородок, рот и большие лотосоподобные глаза, чуть-чуть изогнутые вверх. Продолговатые лепестки Его глаз напоминают мне глаза непальского Будды. Радха-рамана стоит в позе *трибханга*, изогнув тело в трёх местах и скрестив ноги. Мы шутя называем эту позу знаменитой «торговой маркой» Господа Кришны. Это красивое сияющее чёрное Божество просто удивительно, особенно если учесть, что Оно нерукотворно.

Слева от Него на маленьком троне лежит серебряная корона для Радхарани. Поскольку Радха-рамана нерукотворен, преданные считают неуместным ставить рядом с Ним изваянное Божество Радхарани, хотя Божество есть Божество, не важно, самопроявленное Оно или сотворенное руками человека. Пуджари приготовили место для Радхарани на тот случай, если Она пожелает явиться. «Ищите в своём сердце», - отвечают они, когда их спрашивают о том, где Она.

На алтаре есть всё для удовольствия Господа: богато украшенные троны, подносы, павлины и слоны. Во дворе храма стоит самадхи Гопала Бхатты Госвами. Белая мраморная арка отмечает священное место, где проявилось Божество, а коробочка, в которой хранился шалаграм, подвешена на том же самом дереве, куда Гопал Бхатта Госвами впервые поместил её. Храм Радха-раманы наполнен жизнью, он не просто выставка, на которой зарабатывают деньги, показывая посетителям Божества и достопримечательности.

- Потомки изначальных пуджари по-прежнему очень сведущи в

вайшнавской философии, - рассказывает нам Ачйотананда. - Они замечательно ухаживают за храмом, проповедуют святое имя и распространяют прасад. И они очень уважают Шрилу Прабхупаду.

- Прабхупада приходит сюда?

- О да. Они часто приглашают его на свои программы, и он всегда приходит.

Связь между храмом Радха-раманы и ИСККОН уходит корнями в прошлое. Гопал Бхатта Госвами был одним из великих ачарьев сампрадаи Гаудия-вайшнавов, к которой принадлежит ИСККОН. Кажется, дедушка нынешнего пуджари был знаком с Бхактисиддхантой Сарасвати. Более того, книга Гопала Бхатты Госвами «Шри Хари-бхактивиласа», задуманная Санатаной Госвами, является для ИСККОН стандартным руководством по поклонению Божествам. В ней содержатся все необходимые мантры и описание того, как следует проводить праздники, а также множество других подробных наставлений о жизни в

преданном служении.

Священники в храме Радха-раманы оказывают нам тёплый приём и дают немного *чаранамриты*, ароматной розовой воды, которой омывали Божество. Отпив её с правой ладони, мы брызгаем оставшиеся капли на голову. Затем нам дают *чанори*, сладости в виде маленьких белых шариков. Я кланяюсь Божеству и повторяю мантру, которой нас научил Шрила Прабхупада в Сан-Франциско в 1967 году: *Говинда джай джай, Гопала джай джай, Радха-рамана Хари, Говинда джай джай*. Слава Говинде, слава мальчику-пастушку Гопалу, слава Господу Хари, наслаждающемуся Радхой, слава Говинде. Вот Он, Радха-рамана, Кришна, возлюбленный Радхарани!

Пуджари охотно разрешают нам сфотографировать Божество. Как и Шрила Прабхупада, они придают большое значение распространению славы Кришны всеми возможными способами, включая современные.

Господь сегодня очень нарядный, на Нём свежая гирлянда, и священники счастливы поделиться с нами Его красотой.

Мы снова кланяемся Шри Радха-раману, затем идём к стоящему рядом храму Радха-Гопинатхи, который имеет один общий двор с храмом Махапрабху.

Первоначально храм Радха-Гопинатхи был построен в 1589 году под руководством Мадху Пандита, самадхи которого находится во дворе. Божество Гопинатхаджи явилось Парамананде Бхаттачарье, гуру Мадху Пандита. В эпоху Аурангзеба Божество перевезли в Джайпур. Храм из красного песчаника, который изначально стоял здесь, по своему стилю и размерам был аналогичен храму Мадана-мохана и состоял из трёх башен. Существующая сейчас пирамидальная башня из красного песчаника была построена в 1821 году Нанда-кумар-гхошем, который также сделал новый пристрой к храму Мадана-мохана. Все три изначальных башни были снесены вместе с крышей. Ворота, которые служили входом во двор, обвалились сто лет назад.

- Есть одна интересная история, связанная с Божеством Гопинатхи, - рассказывает нам Ачйотананда. - Оказывается, Шримати Джахнави-деви, жена Нитьянанды Прабху, постоянно приходила сюда на даршан. Однажды вечером, в присутствии всех собравшихся вайшнавов Божество Гопинатхи спрыгнуло с алтаря, увело Джахнави к Себе в альков и закрыло занавеску. Когда шторы открылись, Джахнави-деви там не было, а Шри Гопинатха стоял на алтаре как обычно.

- Наверное, она действительно была великой преданной, - говорит Вишакха.

- Это как минимум. В играх Кришны она приходит как Ананга-манджари.

Мы идём через двор к храму Махапрабху. Божество Чайтаны Махапрабху высотой около двух метров называется Шри Амия Нимай Гауранга. Пуджари дружелюбны и предлагают нам отведать прасад - пряный турецкий горошек.

Затем мы идём по улице к храму Радха-Гокулананды, который стоит напротив храма Радха-Вамши-гопала, где Шрила Прабхупада жил с 1954 по 1962 годы. Храм Радха-Гокулананды был основан Локанатхом Госвами, самадхи которого находится здесь. Здесь также стоят самадхи Нароттама даса Тхакура и Вишванатхи Чакраварти Тхакура, написавшего прекрасные молитвы «Гурваштака», которые поются каждое утро в честь духовного учителя.

Здесь поклоняются следующим Божествам: Радха Виноде, Божествам Локанатха Госвами; Радха-Виджае Вишванатхи Чакраварти Тхакура

и Божеству Шри Чайтаньи Нароттама даса Тхакура. С точки зрения архитектуры этот храм не очень впечатляет, но его духовная значимость воодушевляет нас.

- Сейчас мы можем поехать на рикшах до храма Банки-бихари, - предлагает Ачьютананда. - Он с другой стороны Лой-базара.

Появляются два мальчика-рикши, будто вызванные при помощи телепатии. Мы с Ачьютанандой втискиваемся в одну рикшу, а Вишакха с фотооборудованием - в другую. Мальчики едут наперегонки по запруженным улицам Лой-базара.

Храм Банки-бихари, построенный в 1874 году, возможно, является самым популярным храмом во Вриндаване. О его Божестве ходит множество историй, и изображения Банки-бихари можно увидеть по всему Вриндавану - в магазинах, в чайных лавках, над дверными проёмами. Банки-бихари чёрного цвета и стоит в позе трибханга. Имя «Банки-бихари» означает «Кришна, верховный наслаждающийся». Когда Он так стоит, широко открыв глаза и держа у Своих губ флейту, Он действительно выглядит счастливым. Кажется, что Его ноги, которые видны сквозь прозрачное дхоти, вот-вот увлекут Его в танце на улицу.

Банки-бихари также является самопроявленным Божеством. Харидас Свами (1441-1537), великий музыкант, служивший при дворе Акбара, однажды увидел сон, Божество Кришны обратилось к нему с просьбой выкопать Его в Нидхуване со дна Вишакха-кунды. Когда Харидас отправился проводить раскопки, он нашёл Банки-бихари.

Харидаса Свами¹² из Нимбарка-сампрадаи описывали как верного последователя Чайтаньи Махапрабху. Говорят, что когда он нашёл камень чинтамани, превращающий всё, чего он коснется, в золото, Харидас Свами выбросил его в Ямуну. Речной песок мгновенно стал золотым, а Свами приобрёл славу отшельника.

Однажды воры украли шалаграма-шилу Харидаса Свами, думая, что это чинтамани, но позднее выкинули, обнаружив, что с материальной точки зрения камень бесполезен. Харидас отправился на поиски шалаграма, и тот заговорил с ним из-под куста, чтобы обнаружить своё местонахождение. С этого дня Харидас чудесным образом каждое утро стал получать по золотой монете. Он использовал деньги на служение Божеству, а всё, что оставалось, тратил на зерно, чтобы кормить рыб, павлинов и обезьян.

- Однажды Банки-бихари сошёл с алтаря, чтобы уйти из храма вслед за великим преданным, - рассказывает нам Ачьютананда. - С тех

¹² Не путать с намачарьей Харидасом Тхакуром.

пор во время даршана занавес открывается всего на несколько секунд и быстро закрывается, чтобы Божество не сделало этого снова.

Храм Банки-бихари напоминает мне банк в маленьком американском городке - может быть, «Банки» это и означает? И башенные часы, висящие на фасаде, усиливают это ощущение. Скорее всего, это уместное сравнение, поскольку популярность Банки-бихари сделала храм очень богатым. Как следствие, Божество имеет роскошные украшения, а Его одежды меняются несколько раз в день.

Отсюда Ачютананда ведёт нас через два квартала к храму Радха-Валлабхи, построенному в начале семнадцатого века во время правления Джхангир. Аурангзеб разрушил всё и здесь, но большая часть храма восстановлена. Сейчас храм является всего лишь памятником и стоит заброшенный в конце большого двора. Божество перевезли в стоящий по соседству новый храм Радха-Валлабхи, который с точки зрения архитектуры совершенно недостоин своего предшественника.

Изначальный храм Радха-Валлабхи был построен из такого же красного песчаника, что и храм Мадана-мохана. Он удачно сочетает в своей архитектуре индуистский и мусульманский стили. Многие резные узоры похожи на узоры храма Говиндаджи. Снаружи он украшен аналогичными горизонтальными линиями, на куполе шпиль, потолок сводчатый. Только у храма Говиндаджи купол круглый, а у храма Радха-Валлабхи - продолговатый. Вдоль каждой стены тянутся ряды из семи разнообразных арок в мавританском стиле, вверху и внизу, всего их двадцать восемь.

Строительство этого храма финансировал один бенгалец по имени Сундара дас, который был казначеем Дели и учеником Враджа Чанда. Поскольку Шри Хари-вамша, основатель школы Радха-Валлабхи, был отцом Враджа Чанда, этот храм назван «Хари-вамша-мандиром». Храмом Банки-бихари также управляют потомки Хари-вамши.

Когда Хари-вамша решил отречься от мира, он отправился во Вриндаван, но по пути повстречал брахмана, который отдал ему в дар двух своих дочерей, настояв на том, чтобы он женился на них в силу божественного повеления, полученного им во время транса. Этот брахман также дал Хари-вамше Божество Кришны, которое звали Радха-Валлабха. Поскольку Божества Радхарани рядом с Ним не было, Хари-вамша поместил на алтарь корону для Неё.

Некоторое время спустя Хари-вамша оставил сампрадаю Мадхвачарьи и основал свою собственную школу, подчёркивая преданность Радхарани. Он написал поэму из 170 санскритских двустихий, озаглавленную Радха-судха-нидхи. Материалисты считают эту поэму

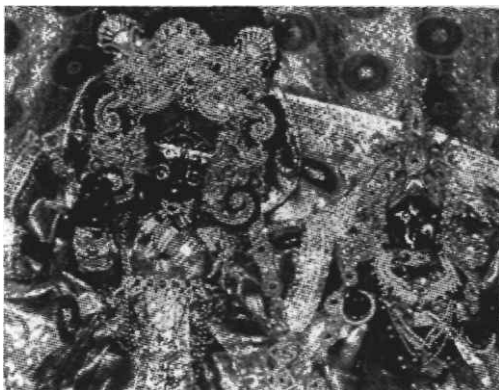
эротической, но это гимн во славу Радхарани.

Самадхи Хари-вамши находится во дворе нового храма Радха-Валлабхи. Рядом стоит маленький храм Радха-Кришны, выполненный в викторианском стиле. Пожилые мужчины сидят здесь кружком, играют на цимбалах и поют.

- Если мы подождём, то сможем услышать несколько классических бхаджанов, - обещает нам Ачйотананда. - Этот храм славится своими певцами и музыкантами.

- Давайте перейдём через улицу, - предлагаю я.

- Это храм Радха-Дживан-Валлабхи, - говорит Ачйотананда. - Все называют его «Калькутским храмом».

Построенный в прошлом веке, храм Радха-Дживан-Валлабхи похож на храм Банки-бихари и также напоминает американский банк девятнадцатого века. Это двухэтажное прямоугольное здание из светло-коричневого песчаника. Его маленький дворик окружают пятнадцать

верхних и шесть нижних арок. Вокруг крыши тянутся маленькие балконы с замысловатой резьбой. В стене из коричневого песчаника вырезаны два изящных решётчатых окна. Мраморные ступеньки ведут к алтарю с тремя сводами, на котором стоят прекрасные Божества Радха-Дживан-Валлабхи: золотистая Радхарани и чёрный Кришна.

Мы сворачиваем за угол и к своему удивлению обнаруживаем маленький древний храм Господа Нрисимхи, воплощения Кришны в форме получеловека-полульва.

Вырезанное из камня Божество ярко раскрашено. Его львиный лик не выглядит таким ужасающим, как у традиционно свирепого Нрисимхи.

Желая сделать своё материальное тело бессмертным, демон Хираньякашипу совершал суровые аскезы, и Брахма благословил его. Поскольку никто, кроме Кришны, не может даровать бессмертие, Хираньякашипу пришлось довольствоваться косвенными благословениями. Брахма пообещал Хираньякашипу, что тот не погибнет от рукотворного оружия; что его не убьёт ни человек, ни животное; он не умрёт ни днём и ни ночью, ни внутри помещения, ни вне, ни на земле, ни в воде, ни в воздухе. Демон, уверившись в своей неуязвимости,

попытался убить собственного сына Прахлада за то, что мальчик был предан Кришне. Но Кришна защитил Прахлада.

- Почему ты не боишься меня? - спросил Хираньякашипу сына.

- Мой дорогой отец, - сказал Прахлад. - Источником моей силы, так же как твоей и всех остальных, является Верховный Господь.

- Ну и где этот твой Бог? - спросил демон. - Может быть, Он в этой колонне?

- Да, мой дорогой отец. Он здесь. Он повсюду.

Хираньякашипу в гнев разрубил колонну мечом, и из неё появился Господь Нрисимхадев. Завязалась жестокая битва, и когда солнце стало клониться к закату (не днём и не ночью, а в сумерки), Он схватил демона и вытащил его на порог дворца (не внутри помещения и не снаружи), положил к Себе на колени (не земля, не вода и не воздух) и голыми

руками (безоружным) разорвал его. Так Господь, которого невозможно перехитрить, убил демона, защитил Своего преданного и исполнил обещание Брахмы.

Мы склоняемся перед Божеством и поём *тава кара камала варе...* «О мой Господь, Твои руки прекрасны, как цветок лотоса, но Своими длинными ногтями Ты разорвал на части похожего на осу Хираньякашипу. О Господь вселенной, кланяюсь Тебе».

Затем Ачьютананда предлагает посетить Гопишвара-мандир.

- Храм Шивы?

- Верно. Во Врадже есть всего четыре храма Шивы. В Матхуре находится храм Бхутешвары Махадева, ему около двухсот лет. В Каме есть храм Камешвары, и ещё один Шива-мандир на Говардхане, он называется Чакралешвар.

Вайшнавы поклоняются Богу только в образе Вишну, Нараяны или Кришны. Господа Шиву они считают величайшим из полубогов, а также разрушительным аспектом Бога, проявляющимся в материальном мире, но не совершенным Богом. Поклоняясь Господу Шиве как Всевышнему, шиваиты заблуждаются.

Во время приёма в лондонском Конвей-холле в 1969 году Шрила Прабхупада вступил в спор с шиваитами. Он настаивал на том, что

Господа Шиву следует почитать как великого преданного Господа Вишну, а не поклоняться ему как Верховному Господу. «Шива полубог, - сказал Прабхупада, - а в Бхагавад-гите поклонение полубогам не одобряется. Просто поклоняйтесь Кришне. Тогда все полубоги, включая Шиву, тоже будут довольны».

Считается, что Шива-линге в храме Гопишвары пять тысяч лет, её установил Ваджранабха, правнук Кришны. Ваджранабха был другом прославленного Махараджа Парикшита, внука Арджуны.

Во время правления Махараджа Парикшита в Хастинапуре и Индрапрастхе Ваджранабха отправился во Вриндаван и основал там много храмов. Став коронованным царём Матхуры, Ваджранабха построил храм на месте рождения Кришны.

Нынешний храм Гопишвары был построен около ста лет назад Махараджем Гвалиора. Основание здания представляет собой ровный квадрат девять на девять метров. Вокруг центрального квадратного алтаря, на котором стоит божество, тянется коридор с мраморным полом в клеточку.

Перед божеством стоит белый мраморный Нанди (бык Шивы), Ганеша (сын Шивы, чья отрубленная голова была заменена головой слона) и Парвати (супруга Шивы). В центре алтаря стоит сияющее серебряное божество, голова Шивы в натуральную величину. Кобра раздувает свой капюшон над его головой. Я спрашиваю пуджари, где сама линга, и он сообщает мне, что лингой считается голова.

Когда Господь Кришна проводил танец раса, Он покрыл всю область Вриндавана йога-майей, чтобы греховные глаза не могли увидеть этот священный танец. Ни одно существо с *пуруша-абхиманом*, мужским сознанием наслаждающегося, не было допущено туда.

Войти могли только женщины. Господь Шива и Парвати пришли, но на танец пустили только Парвати. Все четыре входа охранялись йогамайей, и Шиве не дали пройти. Когда Шива спросил, что он может сделать, чтобы пройти, ему посоветовали молиться реке Ямуне, чтобы она превратила его в женщину.

Ямуна снабдила его украшениями и сари, и Господь Шива вернулся наряженным в прекрасную женщину. Он принял облик гопи, и ему разрешили войти. Он выглядел великолепно, и Господь Кришна назвал его «Гопишвара», «лучшая из гопи».

Радхарани долго смеялась, ведь Она узнала Шиву, даже в таком чудном наряде. Хотя Шиву не допустили к танцу, он получил замечательное служение - стал сторожем садов раса-лилы. И лишь с его позволения можно получить даршан танца раса, излечившись от пуруша-абхимана, настроения наслаждающегося.

- Я слышал, что после омовения в Манаса-сароваре Шива на самом деле стал гопи, - говорю я Ачйотананде, - а не просто переоделся в гопи.

- Существуют разные мнения, - говорит Ачйотананда. - Самое распространенное таково, что Шива просто переоделся в гопи, но его выдала кобра вокруг шеи.

Перед храмом сидят трое представителей свиты Шивы: мужчины с длинными бородами и спутанными волосами. Их лица и руки измазаны пеплом от ганджи из чиллумов, а из земли торчат длинные трезубцы. Один из них раскатывает бханг на разделочной доске, как будто это тесто. Это тесто, однако, чёрно-зелёного цвета и очень забористое.

Они просят у нас милостыню, и я даю каждому из них по полрупии. Один из них вытаскивает из маленького мешочка глиняный чиллум и предлагает нам закурить, на что мы отвечаем отказом.

Он всё равно раскуривает трубку, не нуждаясь для этого в особом предлоге, и они передают чиллум по кругу, говоря «Бон Шанкар!», в точности как пьяницы говорят «Ваше здоровье!» Они касаются чиллумом лба и делают длинную затяжку. Дым ганджи вырывается из их ноздрей и заполняет воздух.

Начинают собираться дети.

- *Дум-маро-дум*, - говорит один из них.

Затем другие дети подхватывают:

- *Дум-маро-дум! Дум-маро-дум!*

- Нам лучше уйти, - говорит Ачйотананда, - а то как бы нам не стать жертвами общения.

Уже середина дня, и улицы Вриндавана начинают накаляться. Владельцы магазинов закрывают двери на пару часов и лениво расхаживают рядом, попивая чай, или ложатся вздремнуть, таща свои чарпои в тень деревьев или зданий. Я начинаю чувствовать себя уставшим, просто глядя на них.

- Ну, что теперь? - спрашиваю я.

- Что ж, завтра мы просто *обязаны* пойти на Радха-кунду, - говорит Ачьютананда. - Это самый благоприятный день в году. Все священные реки Индии придут туда.

- Джай!

- И потом ещё есть множество мест в Матхуре.

- Звучит здорово.

- А на следующей неделе Говардхана-пуджа. Все идут на парикраму вокруг Говардхана. Паломники идут отовсюду.

-Харибол!

Мы берём рикшу обратно до Кеши-гхата. Перед дворцом Двиджа Хари пытается управлять раздачей прасада. Сотни нищих, прокажённых и паломников собрались, чтобы получить бесплатное кичри и яблоко, и Двиджа Хари изо всех сил старается заставить их дожидаться своей очереди и рассаживаться после того, как они получили свою порцию.

- Эй, народ, слушайте сюда. Вы ничего не получите, пока не выстроитесь в очередь и не перестанете толкаться...

Во дворце царит блаженная тишина. Я спешу в свою комнату, но прежде чем я успеваю рухнуть на кровать, ко мне вбегает Ачьютананда.

- Скорей! Посмотри в окно! - говорит он. - Ты не поверишь.

Мне приходится посмотреть дважды, чтобы убедиться в том, что мои глаза не врут. По водам священной Ямуны в направлении Аллахабада плывёт почта из почтового отделения Вриндавана, тысячи писем устремляются вниз по течению.

- Боже мой! Что случилось?

- Какой-то почтальон принял санньясу, - шутит Ачьютананда.

Я размышляю о значении тысяч посланий, плывущих по священной реке. Куда они плывут? Чтобы затеряться в песках? Чтобы их съели рыбы и черепахи? Возможно, несколько писем выловят из реки любопытные ребяташки, слишком юные, чтобы даже прочесть их.

- Там плывут мои письма домой, - вздыхаю я.

Я молюсь про себя, чтобы богиня Ямуна поскорее предала их забвению. Находясь в святой дхаме, человек не должен беспокоиться о связи с внешним миром.

Глава 17

Паломничество по Враджа-мандале

Ни одна другая религия не может провозгласить святую землю такой же всеобъемлющей и непостижимой, как Враджа-бхуми, царство Кришны. Сто лет назад британский сборщик налогов округа Матхуры, Ф.С. Гроуз, верный католик, писал: «Почти каждое место традиционно связано с каким-нибудь событием в жизни Кришны или Радхи»¹³.

Существует много разногласий по поводу расположения мест, где проходили игры Кришны. Гроуз предполагает, что до прибытия Рупы и Санатаны Госвами святые места не были местами паломничества. В той же книге он пишет: «До конца шестнадцатого века... здесь были только небольшие деревушки, разбросанные тут и там посреди девственных лесов. Вайшнавская культура появилась и развилась здесь до своего нынешнего состояния под влиянием Рупы и Санатаны...»

Однако учёный Альберуни (973-1048), который вошёл в Индию вслед за Махмудом Газневи, писал, что Матхура «была переполнена брахманами, и её почитали как место рождения Васудевы, которого затем перенесли в соседнее селение под названием Нандагола»¹⁴. Сто лет спустя Лакшмидхара (1100-1160), министр царя Гахадавалы Говинда-чандры, описал двадцать пять мест как известные места паломничества, включая Говардхан, Нандаграм, Вриндаван, Бхандираван, Радха-кунду и Калия-гхат.

Когда через четыреста лет Рупа Госвами писал «Матхура-махатмью», пятнадцать из перечисленных Лакшмидхарой мест уже было невозможно обнаружить. Рупа Госвами перечислил семьдесят святых мест и установил, что область Матхуры занимает площадь в 250 кв. километров, а Вриндаван - 50 кв. километров. Санатана и Джива Госвами также утверждали, что во времена Кришны область Матхуры и Вриндавана была гораздо больше.

Матхура и Вриндаван во времена Кришны должны были занимать обширную территорию, потому что в Шримад-Бхагаватам говорится, что Акруре пришлось целый день, от восхода до заката, вести колесницу, запряжённую «лошадями, быстрыми как ветер», чтобы доехать от Матхуры до Вриндавана, расстояние между которыми сегодня составляет всего десять километров. В Шримад-Бхагаватам также говорится, что

¹³ Матхура: краткая история округа.

¹⁴ Более распространённые названия места - Нандаграм и Гокула.

местность здесь была гористой. Река Ямуна текла рядом с холмом Говардхан, который находился в самом Вриндаване. И к тому же Матхура и Вриндаван находились на противоположных берегах реки.

Нараяна Бхатта, современник Госвами, утверждал, что часто люди устанавливали фальшивые святые места по различным религиозным и материальным соображениям. Каких-то 250 лет назад Нарахари Чакраварти, описывая паломничество Шриниваса Ачарьи, перечислил не менее 334 святых мест. Сегодня невозможно обнаружить даже малейших следов большинства из них.

Шрила Прабхупада сказал, что святая дхама раскрывает нам себя по мере нашего продвижения в сознании Кришны. Во Врадже нет ничего материального. Она бросает вызов картографам. Её невозможно ни измерить с помощью землемера и угломера, ни ограничить широтой и длиной. Великий Рупа Госвами описывал Враджу как лотос: когда он полностью распускается, различные места игр Кришны кажутся удалёнными друг от друга. Но после захода солнца лотос сжимается и места сближаются, чтобы способствовать встрече Радхи и Кришны. Таково геодезическое видение чистого преданного.

Лотос Враджа-мандалы напоминает планету Голоку в духовном небе. Её священные места - леса, рощи, пруды, колодцы, холмы и храмы - нужно посещать в строго определённом порядке. Однако сегодня это сложно сделать. Из-за бурного роста населения в двадцатом веке географические пункты имеют не такие чёткие границы, как это было раньше.

Одни деревни и города сливаются с другими, и паломникам порой трудно понять, где заканчивается одно селение и начинается другое.

Дорожные знаки в Индии - редкость, и потому лотос Враджи так просто не распознать. Тем не менее, он здесь, хотя разгадать его также сложно, как головоломку, требующую найти сто восемь зелёных птиц на зелёном дереве. Сходу вы замечаете только пять или шесть птиц. Затем находите ещё три или четыре. «Сто восемь?» - недоумеваете вы и продолжаете искать, всматриваясь в картину. Так же и с мириадами лепестков лотоса святой дхамы.

Паломники могут купить небольшие путеводители на хинди, которые помогут им в пути. В подобных книгах обычно перечисляются пять холмов, одиннадцать знаменитых камней, четыре озера, восемьдесят четыре пруда, двенадцать колодцев, двенадцать *ванов* (лесов) и двадцать четыре *упаваны* (рощи).

Двенадцать ванов - это Мадхуван, Талаван, Кумудаван, Бахулаван, Камаван, Кхадираван, Вриндаван, Бхадраван, Бхандираван, Биллаван,

Лохаван и Махаван. Двадцать четыре упаваны - это Гокула, Говардхан, Варшана, Нандаграм, Санкет, Парамадра, Аринг, Сессай, Мат, Учхаграм, Келаван, Шри-кунда, Гандхарваван, Парсоли, Билчху, Бачхаван, Адибадри, Карала, Агьокх, Пишая, Кокилаваи, Дадхиграм, Котаван и Равал.

К сожалению, некоторые из названий с течением времени были изменены. Мадхуван стал Махоли, Талаван стал Тараси, Бахулаван - Батхи, Кхадираван - Каола и так далее. Однако не стоит из-за этого унывать. Эти места обладают абсолютной природой Господа Кришны. Если паломник сможет посетить хотя бы одно из них в правильном настроении, он получит такое же благо, как если бы он посетил их все. Фактически, вся область Вриндавана и Матхуры обладает таким духовным могуществом, что всего лишь одно желание отправиться туда дарует человеку освобождение. «Если человек решит: «Пойду жить в Матхуру», просто благодаря таким мыслям он освободится из круговорота *самсары*» (Матхура-махатмья).

Обычно двенадцать ванов ассоциируются с играми Кришны, а двадцать четыре упаваны - с играми Радхарани. Все традиционные места детских игр Кришны находятся в Махаване, который также является Гокулой. Гокула также считается угаваной, поэтому налицо очевидное наложение. Например, местом детских игр одновременно является и Махаван, и Гокула. Махаван - это ван, а Гокула - упавана, и всё же это одно и то же место.

У Кришны есть четыре обители - Матхура, Махаван, Говардхан и Нандаграм, а у Радхарани - Вриндаван, Равал, Радха-кунда и Варшана.

В 1553 году, до тотальной вырубki лесов в течение последних двух веков, Нараяна Бхатта перечислил 133 вана: 91 на правом берегу Ямуны и 42 на левом. Он также привёл имена Божеств, управляющих каждым из лесов: Баларама управляет Махаваном, Гопинатха - Камаваном, Дамодара - Талаваном, Кешава - Кумудаваном, Хаягрива - Бхадраваном, Джанардана - Билваваном, Яшоданандана - Нандаграмом, и так далее. Безграничность - это одно из качеств Кришны. Когда человек начинает исследовать святую дхаму, он созерцает всё возрастающую безграничность, подобно лотосу с бесчисленными лепестками. «Вриндаван представляет собой нечто гораздо большее чем то, что видит глаз», - сказал Шрила Прабхупада. И вскоре паломник и правда обнаруживает это.

По традиции паломничество по Враджа-мандале начинается с Матхуры. Согласно «Хари-вамша-пуране», Матхура имеет форму полумесяца, и Вишрама-гхат - её центр. Периметр Матхуры составляет двадцать

Утро на Ямуне

Кеши-гхат

Радха-Гокудананда

Радха-Дамодара

Калня-Кришна

Радха-Мадан-мохан

Шивалингам

Вамши Гопишвара

Калня-гхат

Гопишвара Махадева

Нрисимхадева

восемь километров, хотя иногда говорится, что это шестнадцать километров, а парикрама вокруг неё равна приблизительно пятнадцати километрам. В ведической истории Матхура прославилась как место рождения Ведавьясы (возле Кришна-Ганга-тирхти) и как место, где Бали Махарадж совершал жертвоприношение, чтобы подчинить себе вселенную (у Бали-тирхти). Здесь Дурваса Муни спасся от *сударшана-чакры* Господа, когда попросил прощения у Амбариши Махараджа за нанесённое оскорбление. Когда в 1512 году Господь Чайтанья Махапрабху вошёл в Матхуру, Он потерял сознание от переполнявших Его чувств. Затем Он омылся в Вишрама-гхате и посетил храм в Джанма-бхуми, который стоит на том самом месте, где родился Кришна.

Само название мест на санскрите рассказывает об играх Кришны, об особенностях местности и о занятиях жителей, населявших её в прошлом. Гокула означает «стадо коров». Говардхан означает «тот, кто заботится о коровах». Мат означает «ведро молока». Дадхиграм означает «деревня, где делают йогурт». У Враджи есть два значения: «стадо» и «идти», которые имеют отношение к приходу и уходу пастухов. Матхура, от корневого слова матх, означает «сбивать масло». В поэтических описаниях Матхуры часто фигурируют маслобойки.

«Враджа-бхуми, страна многочисленных пастбищ и здоровых людей, богата молоком и наполнена звуками маслобоек. Почва там всегда влажная от молочной пены, а стержень маслобойки, который вращают молочницы, весело звенит в ведре» (Хари-вамша-пурана).

Парикрама по Враджа-мандале протяженностью в 150 километров начинается у Вишрама-гхата, «места отдыха», где Кришна отдыхал после того, как убил Камсу. Сегодня Вишрама-гхат переполнен торговцами, чьи магазинчики религиозной атрибутики растянулись почти до самой реки. Здесь нет ни одного храма, который представлял бы хоть какой-то интерес с архитектурной или духовной точки зрения. Рядом находится естественный водный канал, который называется Камса-кхара. Говорят, что он образовался после того, как здесь протащили гигантское тело Камсы. «Когда тело Камсы тащили к реке для сожжения, оно было таким тяжёлым, что в земле образовался канал, словно прорытый водой» (Вишну-пурана). Здесь также отдыхал Господь Вараха после того, как поднял Землю из преисподней. Затем Он поведал богине Земли «Ади-Вараха-пурану».

Мусульмане, понимая значение Вишрама-гхата, построили здесь дыбу, на которой подвешивали индуистских паломников и делали им обрезание. Кешава Кашмири (который дискутировал с Чайтаньей Махапрабху) вышел из уединения в Кашмире, чтобы повести тысячи

учеников к Вишрама-гхату. Они быстро захватили дыбу и разрушили её, а обломки выбросили в реку. Когда на них напали правительственные войска, последователи Кешавы Кашмири, имея численное превосходство, убили большинство мусульманских солдат, а оставшихся в живых загнали в Ямуну, где те и утонули.

От Вишрама-гхата паломник идёт около пяти километров на юго-запад, к Мадхувану, где теперь находится деревня Махоли. Парикрама по Мадхувану составляет пять километров. Именно здесь Шатругна, брат Рамы, убил демона Лавану, сына Мадху, и основал древний город Мадху-Пури. Здесь в маленьком храме ещё со времён Трета-юги находится изваяние Шатругны.

На Дхрува-тиле в Сатъя-югу Дхрува Махарадж обрёл даршан Вишну.

Из Мадхувана дорога тянется на юго-запад к Талавану, «пальмовой роще», на месте которой в настоящее время находится деревня Тараси, расположенная примерно в десяти километрах от Матхуры. Парикрама через Талаван равна шести километрам. Здесь жил коварный осёл Дхенукасура, который никому не позволял лакомиться вкусными плодами из этой рощи. Однажды Кришна и Баларама по просьбе мальчиков-пастушков отправились в Талаван за фруктами. Баларама начал трясти пачьмы, но Дхенукасуре это не понравилось, и он бросился на Балараму и стал лягать Его в грудь задними ногами.

Сначала Баларама ничего не сказал, но когда демон совсем обнаглел и принялся за мальчиков, Баларама одной рукой схватил его за ноги, раскрутил и забросил на верхушку самой большой пальмы. Демон вращался с такой силой, что вызвал ураган, который повалил множество пальм.

Тогда на подмогу Дхенукасуре пришли его друзья-ослы, они решили напасть на Кришну и Балараму. Но братья не дали Себя и друзей в обиду. Они хватали злодеев за задние ноги, раскручивали и забрасывали на пальмы. Так Их Светлости сотворили в Талаване неповторимую панораму: множество разноцветных ослов, висящих на верхушках пальм. Появились полубоги с высших планет и стали бить в барабаны и петь хвалебные гимны.

Сегодня паломник не найдёт здесь ни одной пальмы, только храм Баларама и маленькую кунду, названную в честь Баларама Санкаршаной. На одиннадцатый день светлой половины месяца Бхадра (июнь-июль) здесь проводится праздник в честь победы Баларама над Дхенукасурой.

Далее тропа паломников поворачивает на северо-запад к расположенному рядом Кумудавану, «месту, где растёт множество водяных лилий». Это самый маленький из двенадцати ванов, парикрама по нему

составляет всего полтора километра. Согласно «Вараха-пуране», много лет назад здесь совершал аскезы Господь Капила. На берегах Падма-кунды стоит маленький храм Господа Капилы. Тому, кто омоется здесь, откроются истины всех священных писаний.

Направляясь на северо-запад, паломник дойдёт до Бахулавана, который находится в одиннадцати километрах от Матхуры. Парикрама по нему составляет шесть с половиной километров. Здесь королева Бахула попала в лапы тигра. Бахула обратилась с мольбой к тигру, чтобы он сохранил ей жизнь на несколько минут, и она могла сходить накормить своего маленького телёнка, и тигр согласился. Когда Бахула вернулась, как и обещала, тигр превратился в Самого Господа Кришну. Кришна низошёл, чтобы просто испытать правдивость Бахулы. Господь был так доволен ею, что в следующей жизни Он сделал её одной из Своих жён. Сегодня в Бахулаване расположен город Батхи. Здесь есть одна маленькая святыня, которая называется Бахула Гае, а также две кунды - Санкаршана-кунда и Кришна-кунда.

Примерно в двадцати пяти километрах на запад от Матхуры расположены Радха-кунда и Шьяма-кунда. Многие гаудия-вайшнавцы считают это место самым священным во всей вселенной. В «Упадешамрите» Рупа Госвами подчёркивает важность этих кунд. Во времена Господа Чайтаньи они были маленькими, неглубокими прудами посреди рисового поля.

Поблизости Кришна убил Ариштасуру, демона-быка. Об этой игре напоминает город Аринг, некогда носивший название Ариштаграм. Убив Ариштасуру, Кришна создал Шьяма-кунду, а Радхарани сотворила Радха-кунду. В наши дни благодаря тому, что Чайтанья Махапрабху провозгласил святость этих кунд, здесь появилась деревня под названием Радха-кунда. Её население почти полностью состоит из обосновавшихся здесь бенгальских паломников.

Всего в трёх километрах от Радха-кунды, по пути к городу Говардхану, находится Кусума-саровар, «озеро цветов», искусственный водоём площадью сто сорок квадратных метров, на берегах которого стоят величественные кенотафы¹⁵, чатры и гхаты. Купол главного кенотафа расписан сценами игр Кришны на Говардхане. Однажды на Кусума-сароваре Радхарани и другие гопи собирали цветы, перед тем как

¹⁵ **Кенотаф** - (от греч. kenotaphion, буквально пустая могила), могила, не содержащая погребения. Создавались в Египте, Греции, Риме, Азии и других краях в случаях, когда умершего на чужбине нельзя было похоронить.

отправиться на Радха-кунду на свидание с Кришной. Согласно «Сканда-пуране», здесь в форме травы обитает Уддхава, любимый кузен Кришны. За кенотафами стоит маленький храм с изваянием Уддхавы, появление которого датируется эпохой Господа Кришны.

Рядом с Кусума-сароварой находится Нарадаван, где Нарада Муни практиковал повторение особой мантры, чтобы попасть на аудиенцию к Радхе и Кришне. Через некоторое время Вринда-деви сообщила Нараде, что в своём нынешнем теле он не сможет увидеть Божественную Чету. Затем Вринда-деви отвела Нараду к северо-западному гхату Кусума-саровары. Нарада омылся там, и превратился в гопи. Так Нарада смог увидеть Радху и Кришну.

После того как Нарада получил даршан, Вринда-деви отвела его к юго-восточному гхату, где он омылся и снова обрёл свой мужской облик. Нарада был проклят на вечные странствия, не имея возможности задерживаться в одном месте дольше, чем требуется времени на подойку коровы. Но во Вриндаване, запредельной обители Господа Кришны, проклятия не действуют, и потому Нарада может сколько угодно жить здесь. Маленький храм Нарады Муни на Кусум-сароваре указывает на то место, где мудрец беспрепятственно работал над написанием «Бхакти-сутр» - своего знаменитого факта!а о бхакти-йоге.

Далее паломник приближается к самому известному месту во всей Врадхе - холму Говардхан. Парикрама вокруг Говардхана составляет около двадцати двух километров. Говардхан - это Сам Господь Кришна, проявившийся в образе холма, так же как Ананта-шеша проявляется как Чаранпари, Брахма - как Варшана, а Шива - как Нандишвара.

Те, кто ожидают обнаружить большой холм, будут удивлены. Самая высокая его точка достигает всего двадцати пяти метров в высоту. Говардхан представляет собой узкую цепь холмов, вздымающихся из

равнины вертикально вверх и тянувшихся на юго-запад на расстояние около восьми километров.

Говорят, что подобно тому, как Ямуна уменьшается в объёме, Говардхан каждый день уходит под землю на высоту горчичного зёрнышка. Самые высокие пики холма находятся в Анийоре и Джатипуре, где Кришна стоял, когда поднял холм кончиком мизинца левой руки.

Перед тем как начать парикраму вокруг Говардхана протяжённостью двадцать два километра, паломник сначала омовается в Манаси-Ганге, расположенной в городке Говардхан, и получает даршан Божества Харидева в одноимённом храме.

Однажды, когда Кришна и Баларама играли на берегах Ямуны, демон по имени Ватсасура принял облик телёнка и смешался со стадом. Зная, что этот демон намеревался убить Его, Кришна подкрался к нему сзади, схватил за хвост, с огромной силой раскрутил в воздухе и забросил на дерево. Ватсасура испустил дух. Кришна сказал Своим друзьям, что Он должен омыться в Ганге, чтобы очиститься: Ватсасура был демоном, но походил на телёнка. Не желая покидать Враджу, Кришна проявил Гангу из Своего ума и затем омылся в ней. Поэтому это озеро называется Манаси-Ганга, «проявленная из ума Ганга».

Когда Нанда Махарадж сообщил сыну, что отправляется к священной Ганге, чтобы совершить омовение, Кришна сказал, что ему не нужно идти так далеко, потому что Ганга проявилась во Врадже как Манаси-Ганга. Затем все они омылись в Манаси-Ганге и предложили озеру арати. Радха и Кришна также наслаждались здесь, плавая на лодке. Божество Манаси-Ганги обитает в храме на берегах озера.

Возле Чандра-саровары, «лунного озера», Господь Брахма присоединился к Кришне и гопи в их танце. Брахма так увлекся, что позабыл о скоротечности времени и допустил, чтобы ночь продолжалась шесть месяцев. Один день Господа Брахмы состоит из одной калпы — тысячи

циклов из четырёх юг, или 4 320 000 000 земных лет. И столько же времени длится его ночь. Поэтому танец в течение шести месяцев был для Брахмы всего лишь короткой прогулкой.

Господь Брахма постоянно обитает возле Брахма-кунды, расположенной за храмом Харидева. На восточной стороне живёт Индра; Ямарадж, бог смерти, живёт на южной стороне; Варуна, повелитель воды - на западной, а Кувера, повелитель богатств, - на северной. С четырёх сторон Говардхана живёт Ананта-шеша, это он выпил всю воду дождей, посланных Индрой, а остатки воды испарила Сударшана-чакра, диск Господа Кришны, жар которого словно тысячи солнц выпарил избытки воды. Это случилось возле Чакра-тиртхи, где находится Чакралешвар-мандир, храм Шивы, защитника обитателей Говардхана. Рядом - *бхаджан-кутир* Санатаны Госвами, маленькая хижина, где жил и поклонялся Господу Кришне Санатана. Отсюда он отправлялся на ежедневную парикраму.

Однажды Господь Кришна появился перед ним в облике пастушка и сказал: «Ты уже слишком стар, чтобы ходить на парикраму» и дал Санатане камень с холма Говардхан, на котором был отпечаток Его стопы. Этот камень по сей день хранится в храме Радха-Дамодары и его четырёхкратный обход приравнивается к обходу холма Говардхан.

Как-то раз из-за комаров Санатана решил уйти с Говардхана, но Господь Шива, переодетый в брахмана, появился перед ним и заверил, что комары больше его не побеспокоят. С того самого дня здесь нет ни одного комара. Одно это делает Говардхан уникальнейшим местом на планете.

Продолжая парикраму вокруг Говардхана, паломник достигает городка под названием Анийор. Здесь Кришна совершил пуджу холму Говардхан. Возле близлежащей Санкаршана-кунды Мадхавендра Пури обнаружил Божество Гопала. В настоящее время этому Божеству поклоняются в Натхадваре в Раджастане.

На Говардхана-пуджу тысячи паломников приезжают к холму, считая своим долгом пройти хотя бы часть парикрамы вокруг Говардхана. Поскольку холм является Самим Кришной, никому не разрешается идти в обуви. Для людей с нежными ступнями эти двадцать два километра - пытка. Более состоятельные паломники нанимают тонгу, когда их ноги выходят из строя. Восстановившись, они снова идут пешком некоторое время, а когда устают, берут другую тонгу. Иногда садху совершают *дандават-парикраму*, падая ничком на землю, как палка, «данда», затем они отмечают на песке линию, поднимаются, передвигаются вперёд на длину своего тела и снова падают ничком. Эта

процедура занимает от десяти дней до двух недель. Если в перерывах между поклонами повторять мантру, то это занимает гораздо больше времени. Иногда тот, кто совершает эту аскезу, несёт на шее корзину, в которой лежат 108 камней. Он вытаскивает из корзины один камень, кладёт его на землю и предлагает дандават, повторяет эту процедуру до тех пор, пока все камни не окажутся на земле. Затем он складывает их обратно в корзину, передвигается вперёд на длину своего тела и начинает всё сначала. Эта аскеза занимает около двух лет.

Направляясь на северо-запад от Говардхана, паломник достигает самой западной точки своего путешествия, Камавана, «леса любви». Камаван находится в шестидесяти километрах от Матхуры, а парикрама по нему составляет двадцать два километра. Здесь провели своё детство царевичи Пандавы - Юдхиштхира, Арджуна, Бхима, Накула и Сахадева. Из восьмидесяти четырёх кунд Камавана самой важной является Вималакунда. Господствующее божество Вриндавана, Вринда-деви, которая обитает здесь в храме Говинды, является другим проявлением богини Лакшми, вечной супруги Господа Вишну. Из любви к Вишну Лакшми принимает форму растения туласи, Вринды, и растёт у Его лотосоподобных стоп.

Когда Госвами впервые прибыли во Вриндаван, Рула Госвами обнаружил туласи на берегах Брахма-кунды. Он установил мурти Вринда-деви в маленьком храме рядом с храмом Говиндаджи. Это божество было увезено во время великого переселения Божеств в семнадцатом и восемнадцатом веках. Из-за разгула мусульман множество Божеств были перевезены из Вриндавана и Матхуры в безопасные места.

В предчувствии набегов Аурангзеба Божество храма Кешава-дева повезли в Мевар, но колесница Божества застряла в земле возле неприметной раджастанской деревушки Сиар, известной теперь как Натхадвар, и преданные поняли, что Господь пожелал остаться здесь. Подобно этому, Махарадж Джайпура забрал Гокуланатху и Гокулачандраму из Гокулы в Джайпур, где Они оставались до девятнадцатого века. Божество Маданамохана также было перевезено, а Бал Кишана увезли из Махавана в Сурат. Божество Вринда-деви повезли в Джайпур, но, достигнув Камавана, божество отказалось покидать святую дхаму. Оно остаётся здесь по сей день.

В пещере Люк-Люк мальчики-пастушки играли в жмурки, а возле пещеры Агхасуры - в прятки. Агхасура, младший брат Путаны и Бакасуры, затаил злобу на Кришну за то, что Тот наказал его родственников. И вот однажды, подстрекаемый Камсой и гонимый местью, Агхасура пришёл во Вриндаван. Он принял облик мистического змея,

растянулся на дороге, по которой мальчики обычно гнали коров на пастбище, затаился и стал ждать. Его тело достигало тринадцати километров в длину, а разинутая пасть разверзлась до облаков. Когда мальчики увидели Агхасуру, лежащего на дороге с раскрытой пастью, они сразу поняли, что он собирается всех съесть. Они стали переглядываться и спрашивать друг друга: «Смотрите-ка, какой огромный змей развалился на нашей тропе! Какой у него огромный язык! Наверное, он только и ждёт, чтобы проглотить нас вместе с коровами и телтами. Только поглядите на эти страшные зубы! Кто он, дракон или змея?»

Мальчики-пастушки были уверены в том, что Кришна спасёт их, и потому гурьбой зашли в пасть Агхасуры. Кришна тоже вошёл в глотку демона и начал увеличиваться в размерах. Агхасура стал задыхаться, его глаза вылезли из орбит и жизненный воздух, не найдя выхода, вырвался через верхушку черепа. Душа демона вышла наружу в виде ослепительной вспышки света, осветив все направления, и повисла высоко в небе. Когда Кришна и мальчики-пастушки вышли из пасти демона, этот сияющий свет слился с телом Кришны. Хотя Агхасура был грешником, он очистился благодаря прикосновению Господа, и ему было даровано освобождение.

«Преданным не нужно освобождения, которым

наградили Агхасуру, - сказал нам однажды Шрила Прабхупада, - потому что это монистическое освобождение имперсоналистов. Майявади считают, что высшее освобождение означает слияние с сиянием Господа, но преданным известно нечто лучшее. Преданные хотят сохранить свою индивидуальность, чтобы служить Кришне с любовью и преданностью. Для преданных освобождение имперсоналистов является адом. Даже в аду можно служить Кришне, но в иллюзорном безличном единстве нет ни любви, ни служения».

От пещеры Агхасуры в Камаване паломник поворачивает на восток к Варшане. Поскольку Радхарани явилась в Варшане, здесь в Её честь возведено множество храмов. Варшана находится в сорока восьми километрах к северо-западу от Матхуры. Парикрама по Варшане составляет всего семь километров. В Трета-югу Брахма обратился к Господу Кришне с просьбой благословить его, чтобы он стал землёй, по которой Господь будет ходить с гопи. Господь предложил Брахме принять облик холма Варшаны.

На вершине этого шестидесятиметрового холма стоит великолепный храм Ларили-лал, «дом возлюбленной», Радхарани. Этот холм кажется очень высоким, поскольку он отвесно возвышается над плоской равниной. Ларили-лал и соседние храмы, также посвященные Радхарани,

были построены в течение последних трёхсот лет. Каждый храм выглядит грандиознее своего предшественника. Они создают впечатляющую картину, когда паломник поднимается по сотням каменных ступенек, ведущих на вершину холма.

В противоположность этому город у основания холма - бедный и грязный. Тем не менее, развалины великолепных особняков свидетельствуют о его былой славе во времена Рупа-Рамы. До этого Варшана, если в ней вообще кто-то жил, была частью деревеньки Учхаграм. Рупа-Рама, брахман из Катара, был известен в начале восемнадцатого века своими глубокими познаниями. Он получал щедрые пожертвования от богатых махараджей, правителей Бхаратпура и Синдии, и тратил деньги на благоустройство Варшаны и Враджи. Это он построил город Варшану. Однако вскоре после завершения строительства город был разрушен без всякой надежды на восстановление. Его почти сровняли с землёй во время Махараттских войн в середине восемнадцатого века. Эти войны достигли своей кульминации в поражении индусов при Панипати в 1761 году. Отступая после этой битвы, джаты окопались в Варшане. Мусульмане быстро разбили их и разрушили величественные особняки в поисках спрятанных сокровищ.

Сегодня по этим развалинам лазают детишки. У многих жителей деревни голубые или зелёные глаза - наследство от завоевателей с севера.

В близлежащем Санкари-хоре, ущелье между холмами, Кришна и Его друзья-пастушки подкарауливали гопи, выжидая, когда те будут идти мимо с ведрами сливок и йогурта. Перекрыв узкую каменную

тропинку, мальчики потребовали заплатить дорожную пошлину, можно молоком.

- У нас нет денег, и молока лишнего нет, - возразила Радха.

- Ну а что у вас есть? - спросил Кришна.

- Мы бедные пастушки, - сказали гопи, втайне наслаждаясь шутками Кришны. - У нас есть только йогурт и сливки.

- Тогда вы можете заплатить ими.

- Но мы должны отнести их в деревню для жертвоприношения.

- Тогда идите другой дорогой. Это дорога - платная.

- С такими вёдрами больше ни по какой дороге не пройти!

- Тогда платите!

Терпению гопи пришёл конец, и они стали сталкивать мальчиков с дороги и пробиваться вперёд, а Кришна и Его друзья старались их не пропустить. Когда девушки одержали победу, Кришна из вредности выхватил из рук Радхи горшок йогурта и вылил Ей на голову. И пока Радха возмущалась такой несправедливостью, Он со Своими друзьями собрал йогурт, омывший Радхику, с камней и с удовольствием съел.

Каждый год здесь проходит праздник, во время которого разыгрывается эта лила. Сотни мужчин во главе с мальчиками, переодетыми в Кришну и Его друзей-пастушков, идут из Нандаграма, а навстречу им из Варшаны идут сотни женщин, которых возглавляют мальчики, переодетые в Радху и других гопи. Гопи пытаются пройти; мужчины перекрывают узкий каменный проход. Начинается большая толкотня, сопровождаемая криками и смехом. В конце концов мальчик, переодетый Кришной, выливает на голову Радхи горшок йогурта. Сотни горшков с йогуртом разбивают о камни, а йогурт съедают.

Здесь полно мест, где проходили забавные происшествия с Кришной и гопи. Однажды, когда Радхарани захотела увидеть танец павлинов, Господь Кришна нарядился павлином и стал танцевать для Неё. Эта игра изображена на прекрасной картине в Мор-кутире, нарисованной слепым гаудия-вайшнавом, которому она открылась. В Санкете, «месте свиданий», Кришна и Радха встречались втайне от других. Радха попросила, чтобы Кришна прославил Её. Кришна начал сравнивать Её с полной луной, но Радха, которая в мириады раз прекраснее луны, обиделась и ушла. Сколько Кришна ни искал Её, Он нигде не мог Её найти, а через некоторое время Радха появилась, переодевшись в Его одежды.

- Ты кто? - спросил Кришна. - Назови Себя.

- Я Кришна, - сказала Радха, - пастушок из Враджи.

- Глупости, - ответил Кришна, притворяясь, что разозлился. - Ты самозванец. Это Я - Кришна.

- Неужели? - усмехнулась Радха. - Если это так, то где Твоя любимая?

- Сейчас позову! - сказал Кришна и стал звать Радху. Она открылась, и Они оба весело рассмеялись. Затем Они отправились к подружкам Радхи, Лалите и Вишакхе, и попросили их определить, кто из Них настоящие Кришна и Радха.

От Варшаны паломник направляется на север, в Нандаграм, расположенный примерно в пятидесяти шести километрах к северо-западу от Матхуры. Парикрама по Нандаграму составляет шесть километров. Некоторые говорят, что изначально он назывался Нандиграм в честь Господа Шивы, Нандишвары, но вайшнавцы считают, что этот город был назван в честь Нанды Махараджа, приёмного отца Кришны.

У подножия холма Нандишвар находится Пан-саровара¹⁶, озеро, куда Кришна водил коров Нанды Махараджа, на водопой (пани). Радхарани любила готовить для Кришны на берегу этого озера. Она получила от Дурвасы Муни благословение, что пища, которую Она приготовит, освободит человека от всех болезней. Здесь также находится бхаджан-кутир Санатаны Госвами. Радхарани каждый день лично готовила для него сладкий рис, а Кришна, переодетый в обычного пастуха, относил его великому святому. Однажды Кришна рассказал Санатане, что в близлежащей пещере находятся Божества Кришны, Баларама, Нанды Махараджа и Мама Яшоды. Санатана пошёл туда, забрал Божества и установил Их в храме на вершине холма Нандишвар.

Сегодня вокруг Пан-саровары снуют сотни диких обезьян, они качаются на деревьях и воруют одежды у неосмотрительных прачек.

В Агьокхе Кришна подрисовывал анджаной (тушью) брови Радхи, в то время как Она отдыхала, лёжа на траве. В Ришае, «месте жажды», Кришна так хотел пить, что «чуть не помер», а Радха спасла Его, напоив водой.

Во дворе храма Нанды-Яшоды на вершине холма Нандишвар находится мурти Господа Шивы. Однажды Шива пришёл, чтобы навестить младенца Кришну, но Мама Яшода не пустила его, потому что боялась, что он может напугать малыша. Как только Шива ушёл, Кришна начал плакать и не переставал до тех пор, пока Шиву не вернули и не позволили ему жить во дворе. Каждый раз, когда Мама Яшода кормила Кришну, она отдавала

¹⁶ Согласно другим источникам озеро называется Павана-саровара.

остатки прасада Господу Шиве. В храме Нанды-Яшоды следуют этому обычаю и по сей день.

У подножия холма Нандишвар обитают Божества Нрисимхи, Варахи и Нараяны, которым служил приёмный отец Кришны, Нанда Махарадж. Интересно, что с виду храм мало чем отличается от обычного деревенского каменного дома.

Идя на восток, паломник подходит к Кхадиравану, «лесу акаций», расположенному в пятидесяти километрах к северо-западу от Матхуры. Парикрама по нему составляет около восьми километров. Затем паломник проходит через Кумараван и Джавакаван, где Кришна раскрашивал стопы Радхарани красным джаваком (природным красителем). Далее идут Кокилаван, «лес кукушек», и Чаран-пахар, роща, где Господь Кришна оставил на камне отпечаток Своей лотосоподобной стопы, «чаран». Здесь Господь играл на свирели и отдыхал после того, как закончился насланный Индрой дождь. Индра верхом на небесном слоне Айравате спустился сюда из рая, чтобы попросить у Господа прощения за свою дерзость. Он возносил молитвы, кланялся и упрасивал Господа простить ему историю с Говардханом.

Затем паломник проходит через Дадхиграм, где Кришна развлекался с гопи, в то время как Баларама ждал Его в Батхане. Затем идёт Котаван, самая северная точка лотоса Враджи. Направляясь на юг, к отправной точке, паломник проходит Сессай и подходит к Ямуне в Келаване. Следя вниз по течению реки, парикрама ведёт к Бихарвану и Чир-гхату, где Кришна украл одежды (чир) гопи, пока те купались. Рядом с Кешигхатом во Вриндаване находится другой Чир-гхат, который служит напоминанием об этой игре, но Джива Госвами считал подлинным местом, где проходила эта игра, именно гхат в Бихарване.

Следующая остановка - у Нанда-гхата. Здесь слуги Варуны, повелителя воды, схватили Нанду и утащили в пучину, обвинив в том, что он вошёл озеро в неподходящее время. Кришна и Баларама отправились в обитель Варуны за отцом, и владыка вод оказал Им самый почтительный приём. Затем он признался, что задержал Нанду Махараджа, только чтобы увидеть Верховного Господа. Варуна знал, что Кришна не бросит Своего отца в беде. «Мой дорогой Господь, - сказал Варуна, - я думаю, что Своим приходом Ты хотел даровать мне Свою милость. Пожалуйста, прости оскорбление, нанесённое моими слугами. Твой отец свободен и может вернуться домой вместе с Тобой».

Соседняя деревушка Бхаяграм получила своё название из-за страха (бхая), который почувствовали бриджабаси, узнав о том, что Нанда Махарадж был взят в плен.

Далее идёт Бачхаван, где на мальчиков напал демон Бакасура. Мальчики-пастушки вели коров на водопой к реке, как вдруг увидели, что на них надвигается большая цапля. Она была очень страшной и такой огромной, что на мгновение показалась им летящей горой. Пастушки задрожали от страха, а Бакасура, словно молния, кинулся на Кришну и проглотил Его. Но Кришна - Сам Господь, и от Его яркого сияния демон почувствовал в глотке нестерпимое жжение. Бакасура закашлялся и выплюнул Кришну обратно. Но вскоре, придя в себя, злобная цапля решила заклевать мальчиков. Кто бы не испугался её длинного крючковатого клюва, тонкого и заострённого на конце?! Но Кришна бесстрашно схватил демона за страшный клюв и разорвал надвое, так легко, как ребёнок разрывает травинку.

Небожители осыпали Господа дождём из ароматных камелий, а мальчики-пастушки поздравляли со славной победой.

Далее путь лежит на юг к двум деревушкам Васай, где гопи впервые были покорены (васай) любовью к Кришне. В Бхатронде Кришна проявил сострадание к жёнам брахманов.

«Дорогие друзья, пожалуйста, пойдите и попросите немного еды в тех домах брахманов, - сказал Кришна мальчикам-пастушкам. - Поскольку они не являются вайшнавами, они стремятся возвыситься на райские планеты. Они так заняты повторением ведических мантр, что даже не могут произнести Моего имени, хотя сама цель ведического знания - найти Меня. Поскольку их не привлекает Моё имя, вам лучше попросить у них пищу от имени Баларамы».

Гордые брахманы не захотели даже разговаривать с простыми пастушками. Когда мальчики вернулись с пустыми руками, Кришна предложил им обратиться к жёнам брахманов. «Их жёны всегда повторяют Мои имена, - сказал Он. - Пойдите и скажите им, что Кришна и Баларама голодны. Я уверен, они дадут вам всё, что вы попросите». Как только жёны брахманов услышали, что божественные братья голодны, они быстро приготовили пир и отнесли его Кришне, несмотря на возражения своих мужей. Они много слышали о Кришне с Баларамой и очень любили Их. Им всегда хотелось увидеть этих детей и накормить, и наконец-то их желание исполнилось.

Из Бхатронда пилигрим попадает в сам Вриндаван. Здесь он может неделями посещать храмы, гхаты, кунды и другие места игр Кришны.

Из Вриндавана паломник переплывает реку и попадает в Билваван (Шриван), который находится в шестнадцати километрах от Матхуры. Парикрама по нему составляет пять километров. Здесь находится храм

Лакшми, в напоминие о желании богини удачи, Лакшми, стать гопи. Ради этого она совершала здесь аскезы. Во времена Господа Кришны здесь росло множество деревьев билва, и Кришна любил устраивать в их тени пикники вместе со Своими друзьями.

Однажды ночью, когда Кришна и мальчики-пастушки спали, вспыхнул сильный пожар, который грозил уничтожить всех бриджабаси. Когда языки пламени приблизились к ним вплотную, бриджабаси обратившись к Господу с мольбой: «О дорогой Кришна! Спаси нас от этого опустошительного пожара! Ты наше единственное прибежище».

Всегда добрый к Своим преданным, Кришна без труда проглотил пламя.

Продолжая идти на юг вдоль восточного берега Ямуны, паломник попадает в Бхандираван. Он находится в тридцати километрах к северу от Матхуры, а парикрама по нему составляет шесть километров. Бхандир-купа - это колодец, который Кришна сделал, воткнув Свою флейту в землю, когда мальчики-пастушки почувствовали жажду.

Однажды днём, когда пастушки пасли коров в Бхандираване, в их компанию затесался самый сильный из демонов, Праламбасура, приняв облик мальчика-пастушка. Конечно же, Кришна распознал в нём демона, хотя не подал виду и принял Праламбасуру как друга.

Кришна предложил мальчикам разделить на две команды. Они начали бороться, и команда Баларама победила. Кришна и Его команда, в которой был Праламбасура, должны были катать победителей на

закорках. Праламбасуре досталось носить Балараму. Чтобы избежать встречи с Кришной, он решил затащить Балараму в чашу и там убить. Он бежал через Бхандираван с Баларамой на плечах, но неожиданно Баларама стал тяжёлым, как гора, и Праламбасура был вынужден принять свой истинный облик. Тело демона касалось облаков, глаза сверкали, как языки пламени, а во рту поблескивали острые зубы.

Баларама понял намерение Праламбасуры. Он крепко сжал шею демона коленями и стал бить его кулаком. Из рта Праламбасуры хлынула кровь, и он упал замертво. Под тяжестью его тела земля дрогнула. Мальчики-пастушки побежали посмотреть, что случилось, и обомлели, увидев истинный облик Праламбасуры. Они прославляли Балараму за Его силу и обнимали. Полубоги сыпали цветы. После этого Баларама отправился к Бхандир-купе, напился из колодца и лёг отдохнуть.

В Данголи Кришна потерял Свой посох (данг). Следуя дальше, паломник доберётся до деревни Пипароли, получившей своё название благодаря тенистым баньянам (пипала), которые тянутся вдоль южной дороги.

Парикрама по Лохавану, который находится всего в шести километрах восточнее Матхуры, составляет пять километров. Здесь Кришна убил демона Лохаджангхасуру и восемнадцать раз победил Джарасандху. Местный пруд называется Кришна-кунда, а также тут стоит храм Радха-Гопинатхи.

В восьми километрах к юго-востоку от Матхуры находится Равал. Некоторые считают, что именно Равал, а не Варшана, является местом, где появилась Радхарани. Некогда, после десяти тысяч лет аскез Сучандра и Калавати удостоились даршана Господа Брахмы. Брахма предложил им благословение, и Калавати попросила, чтобы супруга Господа Вишну стала их дочерью. Посоветовавшись с Вишну, Брахма объявил, что Радхарани, супруга Господа Кришны, станет их дочерью.

Когда наступила Двапара-юга, Сучандра и Калавати в облике Вришабхану и Киртиды стали родителями Радхарани. Подобно рождению Господа Кришны, появление Радхарани также было необычным. Однажды Вришабхану и Киртида отправились на Ямуну, где увидели ослепительный цветок лотоса, а в нём - сияющую малютку. Господь Брахма сообщил им, что этой девочкой была Радхарани, изначальная Лакшми, богиня удачи.

Мама Яшода узнала о новорождённой дочке Киртиды и пошла поздравить её. Она взяла с собой маленького Кришну. Когда Кришна подполз к колыбели Радхарани и подтянулся вверх, чтобы увидеть,

кто внутри, божественные супруги впервые увидели друг друга.

Затем паломник прибывает в Бандиграм, названный так в честь двух преданных слуг Мама Яшода, Банди и Ананди. Отсюда парикрама идёт на юг к Махавану (Гокуле), где Кришна провёл Свои детские годы.

Однажды Баларама с мальчишками стали ябедничать маме Яшод-де. Они сказали, что видели, как возле Брахманда-гхата Кришна ест речную глину. Мама Яшода побежала к реке спасать Кришну. Заглянув к Нему в рот, чтобы узнать, не ел ли Он грязь, она увидела там всё творение: луну, звёзды, планеты, горы, океаны, основные элементы, полубогов, три гуны материальной природы, десять направлений и бесконечность. Она также увидела саму себя и маленького Кришну, которого она кормит грудью, держа на коленях. Мама Яшода замерла от изумления, но беспокойство за сына было сильнее, и потому она подумала, будто ей всё привиделось, и стала вытереть Его перепачканное пылью лицо.

В Махаване также находится Чаураси-кхамбха, дом Нанды Махараджа, где Кришна провёл Свои ранние детские годы. Васудева перенёс сюда новорожденного Кришну из тюрьмы Камсы. Он пересёк Ямуну и вышел на западном берегу у Коло-гхата. На холме стоит небольшой храм, построенный в память об этом событии. Также на склонах холма стоят другие маленькие деревенские храмы, построенные из глины и соломы. Они указывают те места, где Кришна наказал демонов Путану и Тринаварту.

По приказу Камсы Тринаварта отправился во Вриндаван искать Кришну. Выследив, где находится дом Нанды, демон принял облик смерча, влетел в дом, схватил младенца Кришну и взмыл в небо. Следы он замёл пыльной бурей, от которой стало очень темно и страшно.

Яшода, потеряв Кришну из виду, заплакала, а Тринаварта уносил её ребёнка всё дальше и дальше. Тринаварта уже радовался удаче, как вдруг почувствовал, что ему всё тяжелее и тяжелее нести малыша. Кришна стал таким тяжёлым, что глаза демона вылезли из орбит, и он замертво рухнул на землю. От удара тело Тринаварты превратилось в лепёшку. Бриджабаси побежали на шум и с удивлением обнаружили целого и невредимого Кришну. Они подхватили Его на руки и принялись ласкать, от всей души благодаря Бога за чудесное спасение ребёнка.

Однажды, пока Мама Яшода сбивала масло, маленький Кришна перебил горшки с йогуртом и съел всё их содержимое. Он украл

масло и из горшков, подвешенных под потолком, часть съел Сам, а что не смог - раздал обезьянам. Он был таким непослушным, что Яшода попыталась связать Его верёвкой, но какой бы длины она ни была, Яшодe не хватало пяти сантиметров, чтобы завязать узел. Вспотев, Яшода, наконец, сумела привязать Господа к большой деревянной ступе, но Кришна и не думал прекращать своё озорство.

Волоча огромную ступу за Собой, Кришна выполз во двор и стал пробираться между двух деревьев арджуна, которые стояли на поляне.

В прошлой жизни эти деревья были братьями, Налакуварой и Манигровкой, сыновьями богатого полубога Куверы. Как и большинство сыновей богатых родителей, Налакувара и Манигрива пристрастились к вину и женщинам, и однажды, когда они обнажёнными развлекались с девушками на берегах Мандакини-Ганги, там появился мудрец Нарада.

Братья были настолько пьяны, что даже не попытались прикрыть свою наготу. Нарада почувствовал к ним сострадание и положил конец их ложному наслаждению, прокляв их стать деревьями и пребывать в таком виде до тех пор, пока Верховный Господь лично не освободит их. Так Налакувара и Манигрива жили деревьями, пока Нанда не построил рядом свой дом и не появился Кришна.

Зная обо всём этом, Кришна прополз между деревьями. Ступа застряла между ними, и Господь стал тянуть её вперёд. Тотчас же деревья повалились на землю, и из них появились два сияющих, словно огонь, полубога и начали возносить Кришне молитвы.

Бриджабаси бросились во двор. Несколько ребятишек рассказали им, как ступа застряла между деревьями, но большинство не поверило, что Кришна мог свалить их. Родители усадили Кришну себе на колени и благодарили небеса за то, что их малыш не пострадал.

Посетив Махаван, паломник по традиции завершает парикраму по Враджа-мандале, возвращаясь к Вишрама-гхату в Матхуре, чтобы омыться там и отдохнуть, как это сделал Сам Господь Кришна после того, как убил Камсу.

По завершении этой парикрамы протяжённостью в сто пятьдесят километров пилигрим, хочется надеяться, уничтожит демонов своих мирских желаний. Великолепен лотос Враджи! Пусть он всегда цветёт в сердцах преданных, куда бы их ни занесла судьба!

Глава 18

Радха-кунда

После завтрака Ачьютананда ведёт меня на Лой-базар покупать курты и *паджамы*. Магазины, где продаётся *кхади*, расположены рядом, всего их четыре. Когда их владельцы видят, что я раздумываю, в какой зайти, они начинают наперебой зазывать нас.

Мы снимаем обувь и заходим в маленький магазинчик, где кучами разложены тысячи рубашек, паджам, жилеток, дхоти и чадаров. Они изготовлены из домотканного материала (отсюда название «кхади»). Ганди, с прялкой в руках, побуждал народ начать гражданское неповиновение против британцев, вдохновляя людей производить ткань и одежду дома. Покупая в Индии товары домашнего изготовления, человек вместо британских фабрик поддерживает национальную промышленность.

Одежда кхади - шёлковая, хлопчатобумажная и шерстяная - очень прочная и красивая, сдержанных расцветок, главным образом белая, серая и коричневая. Ей присущи маленькие недостатки домотканой одежды, но только последний придира останется недоволен.

Владелец магазина, невысокий улыбчивый мужчина в очках с толстыми линзами и с торчащими зубами, радушно встречает нас, и предлагает сесть на безупречно белые хлопковые простыни, которыми покрыт пол.

- Чай? - спрашивает он.

- Мы не употребляем одурманивающие вещества, - объясняет Ачьютананда, - но от сладкого ласси не откажемся.

Один мальчик бегом отправляется к соседнему молочнику за глиняными кружками с этим вкусным, холодным, сладким напитком из йогурта. Хозяин магазина хлопает в ладоши и кричит другому мальчику принести курты и паджамы, чтобы я мог их осмотреть. Пока мы попиваем ласси, мальчик разворачивает одежду.

- Бхас! Достаточно! - наконец говорю я и выбираю первую попавшуюся под руку пару рубашек и паджам. Всё оставшееся утро мальчику придётся складывать одежду обратно. Белые хлопковые курты с длинным рукавом стоят всего одиннадцать рупий каждая, а штаны, также из белого домотканного хлопка - по семь, то есть меньше доллара. Кхади - это действительно выгодная покупка.

Когда мы выходим, нас подзывает мужчина из магазина напротив. Таких лавок во Вриндаване великое множество, они специализируются на изготовлении и продаже скульптур Радхи и Кришны высотой от

семнадцать до девяноста сантиметров. Божества изготавливают, следуя древней ведической традиции, из сплава восьми различных металлов. Большие или маленькие, все Они выглядят приблизительно одинаково: флейтист Кришна стоит в позе танцора, наклонив голову и скрестив одну ногу перед другой, а у Радхи левая рука опущена, а ладонь правой поднята в мудре благословения. Однажды установленные в храме в соответствии с ведическим ритуалом, эти статуи становятся *арча-виграхой*, воплощением Кришны.

- Я обещал привезти какие-нибудь мурти для Нью-Вриндавана, - говорю я Ачйотананде.

- Это лучший торговец, - говорит он. - Шрила Прабхупада рекомендовал покупать всё у него - его зовут Хари Прасад.

Услышав своё имя, Хари Прасад предлагает нам намаскар, покачивая головой от удовольствия. Это толстый брахман средних лет, и по его красному рту становится ясно, что его единственной страстью в жизни является жевание бетеля. А что ещё делать? День за днём, год за годом, как и любой другой на Лой-базаре или других бесчисленных рынках в Индии, он сидит в своей рыночной нише, изнывая от скуки.

Магазин оказался на Лой-базаре самым большим. Он переполнен сияющими золотом мурти. Хари Прасад просто *должен* быть в сознании Кришны.

Снова мальчик-подросток бежит за ласси. Но Хари Прасад на этом не останавливается. Он угощает нас раббри, восхитительно сладким сгущённым молоком, поданным на баньяновом листе. Показывая на портрет своего длиннобородого предка, он уверяет нас, что его семья изготавливала и продавала мурти на протяжении двухсот лет. И эта традиция будет продолжена - ему помогают сын и внук. Эта ниша всегда будет занята.

- Какого размера скульптуры тебе надо? - спрашивает Ачйотананда.

- Около сорока сантиметров в высоту, - говорю я, и он переводит.

Хари Прасад даёт указания, и его сын начинает выносить божества из задней комнаты. Статуи похожи, может, у них немного разные выражения на лицах. Каждое мурти без подставки весит около четырёх килограммов. Кришна немного больше, чем Радхарани. У статуй приклеенные глаза, в форме лепестков лотоса.

- Не уроните, - говорит Хари Прасад, когда я осматриваю глаза.

К счастью, выбор сделать не сложно. Я легко узнаю «своих».

- Вот они, - говорю я Ачйотананде.

- Хорошо. Если ты так твёрдо уверен, что это они, то это благоприятно. Это означает, что они выбирают тебя.

Хари Прасад, похоже, тоже доволен моим выбором.

- Ачча! - откладывает он мурти в сторону.

- Сколько? - спрашиваю я. -
Кидна?

- Сто семьдесят пять рупий, -
говорит он по-английски.

- Так много! - по правде
говоря, я удивлён, что он просит
так дёшево. - Может быть, немного
уступите?

Такой английский Хари
Прасад не понимает. Когда
Ачьютананда переводит, Хари
Прасад качает головой и начинает
жевать бетель. Затем он отвечает на
английском:

- Ну, хорошо. Для вас сто
шестьдесят.

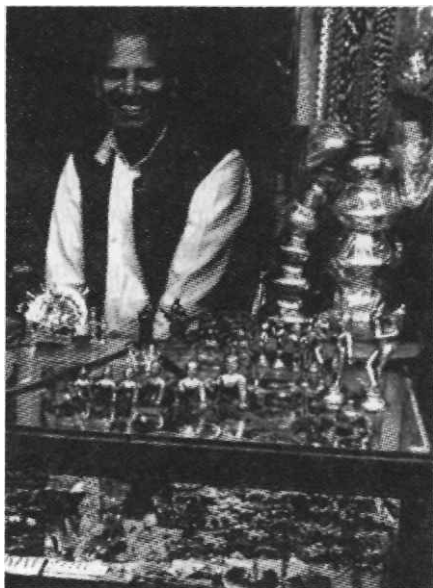
- Сто пятьдесят, - говорю я.

- Ачча! - говорит он, этот
конечная цена. Он знает, что надует меня на аксессуарах. Его настоящая
прибыль - от одежд и украшений. Ни один богатый человек не пожелает
одеть Господа и Его супругу ни во что другое, как в самые лучшие
наряды, и в этом Хари Прасад первый. Его сын открывает коробку за
коробкой с шёлковыми одеждами, вышитыми и украшенными *джари* -
золотой и серебряной филигранью, а Хари Прасад примеряет их на
Господа. Затем идут ножные браслеты из хрусталя и искусственного
жемчуга, пояса, браслеты для запястий и предплечий, броши, ожерелья,
серьги и, наконец, короны, увенчанные султанами и павлиньими
перьями. Эти изящно оформленные предметы сделаны вриндаванскими
умельцами, гордящимися своим мастерством. Когда всё находится на
своих местах, мои Радха и Кришна выглядят как настоящие царские
особы.

Сумма доходит до четырёхсот рупий, по индийским стандартам это
дорого - шестьдесят американских долларов. После обычных пререка-
ний я сбиваю цену до 350 рупий.

- Ещё ласси? - спрашивает Хари Прасад, одаривая нас малиновой
улыбкой.

- Конечно, - говорит Ачьютананда, и мальчик идёт за ласси, в то время
как его отец заворачивает покупки, а дедушка пересчитывает деньги.

Мы несём божества и наряды до храма Шахджи. Боясь уронить их, мы ловим рикшу до Кеши-гхата.

* * *

Во дворце мы готовимся к Радха-кунда-пудже, празднованию явления Радха-кунды и Шьяма-кунды. Для гаудия-вайшнавов Радха-кунда является самым священным местом во всём мире, и сегодня вечером наступает самое благоприятное время в году для омовения в ней. После восхода луны тысячи паломников соберутся в маленьком городке, чтобы искупаться в её священных водах.

Мы выезжаем ближе к вечеру: Аччютананда, я и супруги Дей, индийские друзья ИСККОН, в одном такси; Гурудас, Ямуна, Шьямасундара и Малати - в другом и брахмачари - Прадьюмна, Кулашекхар, Ведавыся и Уддхава - в третьем.

Радха-кунда находится примерно в двадцати двух километрах от Вриндавана и всего в двух километрах от холма Говардхан. К ней ведёт узкая дорога через равнину.

Мягкий ветерок колышет перистые верхушки пампасной травы, растущей вдоль дороги. Некоторые поля слишком сухие и песчаные для пахоты, и потому они остаются невозделанными. Везде, где есть водоснабжение - канал или пруд, люди выращивают пшеницу, люцерну и сахарный тростник. Люди здесь лишены удовольствий двадцатого века, и их маленькие грязные деревушки кажутся застывшими во времени. Быки и буйволы вспахивают поля, а мальчики собирают руками люцерну, чтобы покормить коров. Женщины наполняют кувшины из деревенских колодцев и несут их на голове. Никакой рёв двигателей или звуки радио не нарушают мирную атмосферу. Жизнь здесь продолжается так же, как она протекала во времена Кришны.

На полпути к Радха-кунде дорогу перекрывают сотни верблюдов. Верблюжата неуклюже скачут за своими матерями, которые обдирают листву с деревьев. Раджастанские пастухи настаивают, чтобы мы их сфотографировали.

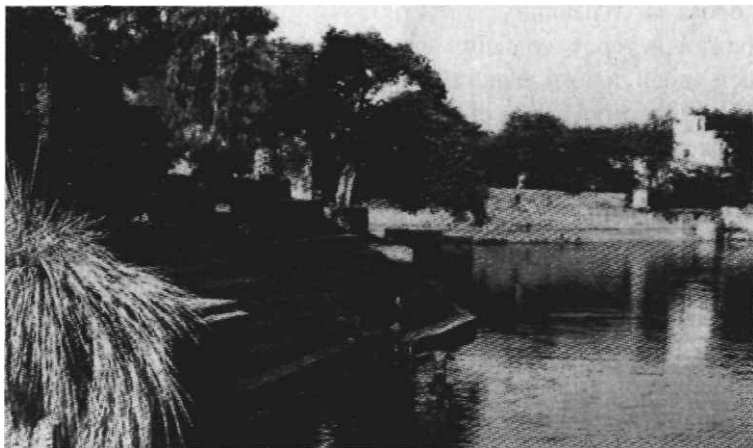
- Они идут в Хардвар, - говорит Аччютананда.
- Им придётся долго идти с этими верблюдами.
- В Раджастане засуха.

Мы продолжаем двигаться на запад, затем сворачиваем с главной дороги к Радха-кунде. Городок с населением в две тысячи человек сейчас наводнён тысячами паломников, и грязная деревенская дорога, проходящая мимо мастерских по ремонту велосипедов, сувенирных киосков и чайных лавок, так насыщена людским потоком, что нам приходится выйти из такси и идти пешком. На улице идёт шумная

торговля религиозной атрибутикой. Для бенгальского населения городка Радха-кунда - это величайший день в году: их самый значительный религиозный праздник.

Возможно, первые бенгальские переселенцы вдохновились прийти сюда, чтобы найти те духовные сокровища, которые описал в «Гитамале» Шрила Бхактивинода Тхакур:

«Берега Радха-кунды сделаны из миллиардов философских камней, каждый из них живой, обладает сознанием и может исполнить любые желания. Эту кунду окружают сотни садов и рощ неземной красоты, где деревья и лианы сделаны из кораллов и рубинов, а их плоды ~ бриллианты и жемчг. Там ветви на деревьях склоняются до земли под тяжестью миллионов восхитительных самоцветов. Мой маленький домик стоит в одной из рощ и называется Свананда-сукхада-кунджа. Живя здесь, я пою святое имя Кришны и с нетерпением жду того момента, когда смогу служить Ему и Его спутникам».

Просто само слушание о том, как появились Радха-кунда и Шьяма-кунда, очищает. После того как Кришна убил Ариштасуру, демона в облике свирепого быка, Радхарани и гопи сказали Ему, что Он должен омыться во всех святых местах, чтобы искупить грех гохатьи (убийства коровы). Поскольку Кришна не хотел покидать Радхарани, Он решил вызвать все священные реки во Врадж. Он ударил по земле пяткой, и в земле появилось углубление. В тот же миг пришли господствующие божества священных рек, и со всех сторон хлынули потоки воды, образовав пруд, известный как Шьяма-кунда.

Кришна сообщил гопи, что Ариштасура не был настоящим быком, но демоном в обличье быка; поэтому Радхарани и гопи также должны

омыться во всех священных реках, чтобы смыть с себя грех сочувствия демону. Услышав это, Радхарани сказала: «Если Кришна может сделать кунду, то и Я смогу».

Радха и тысячи гопи браслетами вырыли новый пруд, но воды в нём не было. Когда Кришна начал смеяться над ними, гопи растянулись в трёхкилометровую цепочку до Манаси-Ганги и стали носить оттуда воду. Тогда снова появились господствующие божества священных рек и стали просить у Кришны разрешения войти в кунду Радхарани. «Вы должны просить разрешения у Радхарани, а не у Меня, - сказал Кришна. - Только омывшись в кунде Радхи, Я смогу очиститься от греха гохатьи». Услышав эти слова, Радха засмеялась и позволила священным источникам наполнить своё озеро. Так появились два новых пруда, и Кришна с гопи стали в них плескаться. Эта история приводится в «Гопала Чампу» Шрилы Дживы Госвами.

После того как Чаитанья Махапрабху вновь отыскал эти кунды и провозгласил их святынями, Рагхунатха дас Госвами поселился на их берегах. В шестнадцатом веке эти кунды были лишь небольшими прямоугольными прудами площадью три на три метра. Рагхунатха расширил их, поскольку знал, что со временем сюда будет приходить много паломников, совершить омовение. Во время рытья этих кунд к Рагхунатхе во сне пришёл Юдхиштхира Махарадж. «Пожалуйста, не срубай деревья вокруг Шьяма-кунды, - попросил он. - Я и четверо „моих братьев Пандавов живём здесь и служим Господу в облике деревьев». Поскольку Рагхунатха оставил деревья, Шьяма-кунда имеет сейчас неправильную форму, в отличие от совершенно прямоугольной Радха-кунды.

Площадь каждой кунды составляет примерно 3500 кв. метров. Радха-кунда отделена от Шьяма-кунды подпорной стеной, которая возвышается над водой и образует своего рода перешеек. На нём воздвигнута небольшая изящная чатра, в тени которой находится установленная Бхактисиддхантой Сарасвати *падачина* Радхи и Кришны - отпечатки Их стоп, вырезанные в мраморе в соответствии с описаниями, приведёнными в шастрах. Как и его отец Бхактивинода Тхакур, Шрила Бхактисиддхант подчёркивал особое положение Радха-кунды. В их времена - пятьдесят или сто лет назад - деревни здесь не было, и кунды искрились кристально чистой водой.

Рагхунатха дас Госвами вырыл колодец, чтобы в кундах не мыли посуду и не стирали, но местные жители всё равно делают это. Из-за того, что они здесь моются и стирают, на поверхности озера плавает неприглядная зелёная плёнка. Огромные скользкие черепахи высыва-

ют головы из чёрно-зелёной грязи и затем снова исчезают. Здесь находятся самадхи Шри Рагхунатхи даса Госвами и Шри Рагхунатхи Бхатты Госвами, а также маленький храм Радха-Кришны, в котором стоят Божества, найденные Рагхунатхой дасом на дне кунды. Кроме бхаджан-кутира Бхактивиноды Тхакура, маленькой хижины, где великий святой поклонялся Господу, здесь также находится бхаджан-кутир Рагхунатхи даса.

Однажды, когда Рагхунатха дас был погружён в повторение святых имён, к Шьяма-кунде пришли тигры. Санатана Госвами к своему изумлению увидел Господа Кришну рядом с Рагхунатхой. Господь улыбался и охранял святого от тигров. Рагхунатха об этом не догадывался. Когда тигры ушли, Кришна тоже исчез. Тогда Санатана велел Рагхунатхе построить себе небольшой домик, чтобы Кришне не приходилось охранять его. Тот самый домик, или кутир, стоит здесь и поныне. Рядом с ним стоит кутир, в котором Кришнадас Кавирадж писал свою Чайтанья-чаритамриту, подробную биографию Господа Чайтаньи Махапрабху. В этом великом трансцендентном произведении он подчёркивал важность Радха-кунды:

«Из всех гопи Радхарани - самая любимая. Потому-то Её любимое озеро, известное как Радха-кунда, очень дорого Господу... Господь Кришна и Шримати Радхарани любили каждый день плескаться в водах этого озера и устраивать на его берегу танец раса. Господь Кришна дарует экстатическую любовь, подобную любви Шримати Радхарани, любому, кто омывается здесь хотя бы раз».

Когда мы пробираемся по узким улочкам, детишки предлагают нам маленькие кусочки серой глины со дна кунды. Эта глина используется для нанесения на тело имён Господа. Я покупаю один кусок за двадцать пять пайсов, и к нам устремляются другие торговцы, предлагая молитвенные чётки, статуэтки Радхи и Кришны, вырезанные из сандалового дерева, и цветные плакаты с изображениями Кришны и полубогов. Мы испытываем жажду, но не можем найти ничего пригодного для питья - ни бутылочной воды, ни фруктов, ни газировки, ни молока. В маленьких лавках вдоль дороги продаётся только чай. Мистер Дей не выдерживает и покупает чашечку.

- Прошу прощения, господа, - оправдывается он. - Чай - это единственное, от чего не могу отказаться. Я просто должен выпить его.

Ачйотананда говорит, что каждый год после парикрамы здесь остаётся кто-то из бенгальских паломников. Я удивляюсь, как им вообще удаётся выжить в этих местах, если принять во внимание нехватку

работы, жилья, еды, денег и элементарных жизненно необходимых вещей. Сейчас стоит приятная погода, но скоро наступят холодные декабрьские ночи, которые сменятся жарой мая и июня, когда Северо-Индийская равнина превращается в духовку.

Всходит луна. Мы пробираемся сквозь толпу к ступенькам гхата, затем спускаемся к воде.

- Ты окунёшься? - спрашиваю я Ачьютананду.

- Нет, - говорит он. — Шрила Прабхупада сказал нам чтить святость кунд, не омываясь в них.

Мы встаём на нижнюю ступеньку гхата и зачерпываем по три пригоршни воды, и с молитвами разбрызгиваем её над головой. Одним этим движением мы омылись во всех святых водах на планете.

Многие индийцы полностью погружаются в воду, закрывая глаза и зажимая носы. Большинство не заходит очень далеко, боясь столкнуться с черепахами или увязнуть в чёрном иле. Некоторые просто смотрят на зелёную пену на поверхности воды, разворачиваются и уходят. Может быть, Кришна допустил появление этой пены, чтобы отпугнуть материалистов? Чтобы защитить кунду от вторжения Кали-юги? Чтобы сюда не пришли рок-н-ролл, мотоциклы и радио? Или она появилась просто потому, что люди стирают здесь одежду и смывают плохую карму?

Трансцендентная реальность Радха-кунды и Шьяма-кунды открывается чистым преданным, таким как Шрила Бхактивинода Тхакур. Нам, обусловленным душам, нет. Поскольку в материальном мире всё наоборот, самое чистое в духовной вселенной выглядит непривлекательным в материальной. Истинная природа кунд остаётся невидимой для мирского взгляда. Мы видим их так же, как и этот мир: насколько позволяет наше понимание. С берега мы не можем постичь чудеса, таящиеся в них. Мы лишь можем мельком увидеть искажённые отражения и пену - остатки плохой кармы, оставленной здесь паломниками. Мы не обращаем внимания на то, каким чудесным образом кунды могут так быстро впитывать греховные реакции, подобно гигантской губке.

Ачьютананда показывает нам место, где сидел Господь Чайтанья после того, как обнаружил Радха-кунду. Чайтанья пришёл в Ариштаграм (сейчас Аринг), совершая парикраму по Враджа-мандале. Он спрашивал людей, где находится Радха-кунда, но они не знали. Поскольку Чайтанья был Господом Кришной, Он смог Сам вспомнить её точное местонахождение через 4500 лет. Однако люди посчитали Его сумасшедшим, когда Он омылся в неглубоких прудах посреди рисовых полей и объявил их

священными кундами.

- После омовения Господь молился здесь, - говорит Ачьютананда, останавливаясь перед баньяном, в тени которого находится маленькая святыня с изображением отпечатков стоп Господа.

Мы кланяемся этому святому месту и возвращаемся к такси. На обратном пути во Вриндаван мы тихо сидим и наслаждаемся необычным чувством свободы, родившимся от соприкосновения со священными озёрами.

Глава 19

Паломничество в Матхуре

На следующее утро мы с Ачьютанандой идём к стоянке тонг рядом с автовокзалом и выбираем упряжку с самой сильной лошадью. Извозчики всё ещё спят на сиденьях своих неустойчивых двухколёсных повозок, и нам приходится ждать, пока наш кучер проснется, умоется у колонки, выпьет немного чая и раскурит первую утреннюю биди спичками «Чеви». Перед тем как случайно зажечься, спички ломаются, вспыхивают и шипят. Множество дырочек, прожжённых в одежде кучера, свидетельствуют о большом количестве выкуренных биди и о риске использования спичек «Чеви».

И вот тоненькие ноги лошадки несут нас к Матхуре. Утром уличное движение на дороге небольшое: в основном, это пастухи, идущие в гошалы доить коров, и мальчики на велосипедах с привязанными к рулю бидонами.

Отъехав от города примерно на два километра, мы сворачиваем на грязную дорогу, идущую через широкое песчаное поле. В километре от нас посреди мелкого песка круто возвышается небольшой холм, поросший кустарником и кактусами, на вершине которого стоит заброшенный храм. Утреннее солнце, сияющее золотом сквозь дымчатые облака, окрашивает песок в ярко-оранжевый цвет.

Возвышаясь над равниной, пострадавший от непогоды и запущенный храм кажется одиноким и таинственным. Разваливающийся гхат, окружённый каменной стеной, некогда выходил к реке. Когда-то это был Акрура-гхат. Сейчас река протекает в полукилометре к востоку отсюда.

Наша тонга останавливается, и лошадь начинает общипывать кустарник. Мы подходим, чтобы посмотреть на храм поближе.

- Именно здесь Акруре было явлено видение, - говорит Ачьютананда.

Благочестивый Акрура, член династии Яду, был дядей Господа Кришны. Когда Камса узнал, что все демоны, которых он послал во Вриндаван, были убиты Кришной и Баларамой, он попросил Акруру привезти божественных братьев в Матхуру, чтобы Они посмотрели на красоты города и насладились поединками борцов. На самом деле Камса планировал натравить на Них огромного слона, как только Они войдут в город.

Хотя Камса раскрыл свой план, Акрура согласился поехать, потому что горел желанием увидеть Господа. Он слышал, что многие мудрецы обрели освобождение из пут материального мира, просто созерцая сияющие ногти на лотосоподобных стопах Кришны. Акрура знал, что Кришна был Верховным Господом, и Камса не представлял Ему реальной угрозы. Он с нетерпением ожидал, когда лотосоподобные стопы Кришны коснутся его головы, и в его сердце проснется божественная любовь.

«Кришна - Сверхдуша в моём сердце, - думал Акрура, - и Он знает, что я предан Ему, несмотря на то, что я выступаю в качестве посланника Его врага. Несомненно, Он обнимет меня и назовёт дядей. Как только Он прикаснётся ко мне, вся моя жизнь увенчается успехом».

По дороге Акрура утратил всякое ощущение времени. Как только он въехал во Вриндаван и увидел отпечатки стоп Кришны, он спрыгнул с колесницы и склонился перед ними в поклоне. Не веря своему счастью, Акрура снова и снова прижимался лицом к этим следам, целовал их и плакал, а затем, не в силах сдержать радости и счастья, стал кататься в этой святой пыли.

Шрила Прабхупада говорил нам, что то, как Акрура вошёл во Вриндаван, достойно подражания. Как только мы войдём во Вриндаван, мы должны, подобно ему, осыпать своё тело придорожной пылью, не заботясь о том, что подумают другие.

У дома Нанды Махараджа Акрура увидел Самих Кришну и Балараму, и так его самая заветная мечта исполнилась. Братья только вернулись домой с пастбища, темнокожий Кришна был в жёлтых одеждах, а лотосокий Баларама с кожей молочно-белого цвета - в синих. Оба Они сияли великолепием юности, Они уже успели помыться и Их сильные тела были умащены маслом, а лбы сандаловой пастой.

Акрура спрыгнул с колесницы, и, распростёршись в земном поклоне, коснулся лотосоподобных стоп Кришны. Его горло перехватило, и он не мог промолвить и слова, слёзы безудержным потоком полились из его глаз, и он потерял сознание от переполнявших его эмоций. Кришна наклонился, чтобы поднять дядю и заключить в Свои объятия. Баларама

тоже обнял Акруру, и затем, взяв его за руки, братья повели дядю в дом. Там ему был оказан достойный приём. Акруру накормили и одарили всевозможными подарками. После того как Акрура закончил трапезу, Баларама подал ему лист с орехами бетеля и другими освежающими приправами.

Акрура рассказал Кришне и Балараме, что Камса планировал убить Их. Братья только рассмеялись. Кришна даже пригласил Нанду Махараджа и всех мальчиков-пастушков сопровождать Его в Матхуру на церемонию дханур-яги.

Однако гопи известие об отъезде Кришны не обрадовало. Их лица почернели от тревоги, а их сердца бешено заколотились. Некоторые в тот же миг лишились чувств. Они собрались вместе и стали обвинять Кришну в вероломстве: как Он мог оставить их ради общества городских девушек?

Гопи рыдали от одной мысли, что Кришна может никогда не вернуться, и проклинали Акруру за то, что он увозит Его. Они винили пастухов и даже полубогов в своём горе. Они прорыдали всю ночь, думая о том, что больше никогда не увидят лотосоподобного лица Кришны и не смогут танцевать с Ним в рощах туласи в Сева-кундже.

Они должны были что-то предпринять, так как разлука была для них невыносимой. Утром, когда наступило время отъезда, гопи окружили колесницу и перекрыли дорогу. Кришна велел им не печалиться и обещал вернуться после того, как накажет злодеев. Затем Акрура повёл колесницу, и гопи последовали за ней в своих умах.

Колесница направилась прямо к берегу Ямуны. Кришна и Баларама омылись в реке, а затем устроились в тени баньяна на отдых. В это время Акрура пошёл совершить омовение. Когда Акрура стоял в воде и повторял мантру гаятри, он неожиданно увидел перед собой Кришну и Балараму. Удивлённый, он вернулся к баньяну и увидел, что братья по-прежнему отдыхали в колеснице. Ну конечно, ему показалось, что он видел Их в воде!

Акрура вернулся обратно, чтобы закончить омовение. И опять он увидел в воде Кришну и Балараму, но в этот раз Их окружали полубоги. Вдруг Кришна превратился в Махавишну, лежащего на кольцах

тысячеглавого змея Ананта-шеши. Шеша был белого цвета, как Баларама, а у Махавишну на голове сиял драгоценный шлем. Его тело украшали браслеты, самоцветы, золотые наплечники и ножные браслеты. В четырёх руках Он держал диск Сударшану, раковину, палицу и цветок лотоса. У Господа были тёмные глаза и необычайно прекрасный лик; бёдра, ноги и руки Господа были сильными и в то же время изящными, а руки и стопы - мягкими, как лепестки лотоса, пупок - глубоким, а живот отмечали три линии. Ногти на Его ногах сверкали. Он был крепкого телосложения, с широкими плечами и грудью. На груди у Него покоился брахманский шнур, а на шее - свежая гирлянда из благоухающих цветов. Молитвенно сложив ладони, перед Ним стояли Его близкие спутники: четверо Кумаров, Сунанда и Нанда, девять великих учёных мудрецов, Прахлада и Наряда, а также полубоги Брахма и Шива.

Поражённый увиденным, Акрура дрожащим голосом стал возносить молитвы. «Ты Высшая душа каждого, - говорил он, - но никто не знает Твоей запредельной формы. В материальном мире каждым управляют гулы благодати, страсти и невежества. И только Ты неподвластен им, о мой Господь. О Высшая Личность, Ты - основа всего сущего. Огонь - Твои уста, земля - стопы, солнце и луна - Твои глаза, небо - пупок, а стороны света - Твои уши. Пространство - это Твоя голова, полубоги - Твои руки, океаны и моря - Твой живот, ветер - Твоя жизненная сила, облака и растительность - Твои волосы, горы - Твои кости и ногти, дни и ночи - мигание Твоих глаз, прародители - Твои гениталии, а дожди - Твоё семя. Явившись в образе черепахи Курмы, Ты поддерживал огромную гору Мандару; в образе вепря Варахи Ты поднял Землю из океана Гарбходака; в облике льва Нрисимхи Ты спас Своего преданного Прахладу от злобного Хираньякашипу; в облике Хаягривы, крылатого коня, Ты убил демонов Мадху и Кайтабху; явившись в облике карлика Ваманы, Ты покрыл всю вселенную двумя шагами; придя в образе брахмана Парашурамы, Ты двадцать один раз наказал возгордившихся кшатриев; в облике совершенного царя, Господа Рамачандры, Ты победил Равану; в образе Будды Ты сбил с толку атеистов; а в образе Калки Ты караешь мясоедов-варваров Кали-юги. Ты источник Васудевы, Санкаршаны, Прадьюмны и Анируддхи. Мой дорогой Господь, каким-то образом я приблизился к Твоим лотосоподобным стопам и считаю, что это Твоя милость. Твой вечный запредельный облик исполнен знания, осознав Тебя, можно понять всё сущее. Твоё могущество неизмеримо, Ты - Высший Брахман, Верховная Личность, Владыка и Господин всех материальных энергий. О Васудева, место успокоения всего творения, о

Всевышний Господь, о Верховная Душа, пребывающая в сердце каждого, я смиренно склоняюсь перед Тобой. Прошу, защити меня».

Когда Акрура вышел из реки, Кришна улыбнулся и спросил, не видел ли он чего-нибудь необычного.

«Мой дорогой Господь, - сказал потрясённый Акрура. - Увидев Тебя, я увидел всё».

Именно здесь Акрура увидел в реке Маха-Вишну и вознёс эти молитвы. Его слова, наверное, всё ещё витают в воздухе над равниной. Теперь, спустя пять тысяч лет, река скрылась из виду. Остаются только пески, несколько кактусов и утренний ветерок, дующий с запада. Как одинок этот заброшенный храм! Попугаи и вороны безо всякого страха выют тут по углам свои гнёзда, а серые камни расшатаны и отшлифованы муссонными ветрами и дождями. Его главная башня метров десяти, простая и незатейливая, сужается к верху, устремляясь в бескрайнюю высь голубого неба.

Сделав пару снимков, я оборачиваюсь на какой-то звон, мне кажется, это звук колокольчиков коров. Точно. Сзади нас стоит маленький мальчик-пастушок, он смотрит на нас своими широко раскрытыми от удивления глазами. Какими необычными должны мы казаться ему здесь, в его владениях! Я жестом показываю ему, чтобы он встал рядом с коровами. Некоторые из них украшены гирляндами. Поражённый тем, что удостоивается внимания иностранца, мальчик встаёт рядом с ними. Когда я навожу объектив, на его лице появляется широкая улыбка.

Мы с Ачйотанандой возвращаемся к тонге. Лошадь пускается рысью через поле, взбрыкивая копытами и поднимая клубы пыли. Оглядываясь назад, я смотрю поверх парусиновой крыши и вижу, как изумлённый мальчик всё ещё смотрит нам вслед. Да, необычное выдалось утро, и ему будет о чём рассказать своей семье. Мы снова выезжаем на главную дорогу, ещё восемь километров - и мы на запруженных узких улочках Матхуры.

- Почему гопи так переживали, когда Кришна уехал в Матхуру? - спросил я однажды Шрилу Прабхупаду. - До неё всего десять километров от Вриндавана. Рукой подать. Можно же было съездить в гости, чтобы повидаться с Ним.

- В ведические времена девушек одних из дома не отпускали, - сказал Шрила Прабхупада. - Когда Кришна уехал из Вриндавана в Матхуру, для них это было всё равно, как если бы Он покинул вселенную. Гопи знали, что увидят Его теперь только в мире Вайкунтхи.

Наш кучер сворачивает на переполненную улицу, ведущую к Джанма-бхуми, месту рождения Кришны, где стоит не меньше четырёх храмов. Первый был построен около пяти тысяч лет назад Ваджранабхой, сыном Анируддхи, внука Господа Кришны. Второй - предположительно в 400 году н.э. могущественным Чандрагуптой Викрамадитьей. Для его возведения потребовалось двести лет тяжёлого труда самых квалифицированных рабочих на планете. Этот храм был разрушен Махмудом Газневи в 1018 году. Согласно санскритской надписи на каменной плите, обнаруженной в этом месте, третий храм был построен в 1150 году неким господином по имени Джаджа, при правлении царя Виджаяпалавадева. Похоже, что именно этот храм посетил Чайтанья Махапрабху в 1515 году. Но и он был разрушен. Это сделал Сикандар Лоди, который умер сразу же после этого в 1517 году.

Потом на месте прежнего храма появился величественный собор Кешава-дева, законченный в 1619 году Раджой Виршингхадевой Бунделой в период благоприятствующего правления Джахангира. Храм Кешава-дева достигал 75 метров в высоту, и во время праздника Дивали свет его огней можно было увидеть даже в Агре, которая находилась в пятидесяти шести километрах от Матхуры. Это привело в ярость Аурангзеба, и в 1669 году он приказал сровнять храм с землёй. Точно так же, как испанцы заставили ацтеков разобрать их пирамиды и использовали те же камни для строительства своих кафедральных соборов, Аурангзеб использовал песчаник храма Кешава-дева для возведения своей мечети.

Сегодня мечеть Аурангзеба является единственным сооружением в Джанма-бхуми. Обойдя мечеть, мы входим в маленькое подземное помещение, обнаруженное в начале 50-х годов двадцатого столетия. Считается, что именно здесь Господь Кришна явился в этот мир. Массивная дверь, ведущая из этого помещения на территорию мечети, была замаскирована, и мусульмане не смогли разрушить эту святыню. Когда Индия провозгласила независимость, среди индусов всё сильнее росло возмущение тем, что мечеть всё ещё стоит на месте рождения Кришны. Теперь даже идут разговоры о том, чтобы освободить от неё Джанма-бхуми, разрушив до основания, из-за чего время от времени вспыхивают мятежи.

В ближайшее время, под натиском протестов против мечети, нач-

нется строительство грандиозного храма Радха-Кришны, которое будут финансировать семейные кланы Бирлы и Далмия, а руководить проектом будет Хануман Прасад Поддер из Гита Пресс. Когда храм будет закончен, он будет выше мечети, что, несомненно, приведёт в бешенство душу Аурангзеба, где бы она ни скиталась.

Мы с Ачйотанандой покупаем гирлянды из бархатцев, и брахман-священник с мантрами предлагает их изображениям маленького Кришны. В подземелье, освещаемом только масляными светильниками, довольно темно. Один мальчик бросает большую горсть ладана на медную жаровню, и нас окутывают клубы дыма. Мы кланяемся, кладем несколько рупий в хунди и выходим.

Судя по красному песчанику, из которого построена мечеть, великолепный храм Кешава-дева должен был сиять в лучах утреннего солнца. Кажется, что этот песчаник излучает собственное сияние, подобно полупрозрачной бумаге, покрывающей китайский фонарик. Он переливается необычайными цветами, напоминающими тёплое свечение красного дерева. Песчаник, из которого построены храмы Говиндаджи и Мадана-мохана, гораздо темнее.

Путешественник Жан Батист Тавернье, который посетил храм Кешава-дева в 1650 году, писал:

«После храмов Джаганнатха-Пури и Бенареса самым важным является храм в Матхуре. ...Это одно из самых великолепных сооружений во всей Индии, место, которое в прошлом собирало самое большое число паломников. Этот храм таких огромных размеров, что хотя он стоит в низине, его можно увидеть на расстоянии пяти или шести коши [одна коша равняется шестнадцати километрам]. Это очень высокое и величественное сооружение. Камень, использованный при его строительстве, имеет красноватый оттенок; он был привезён из больших каменоломен близ Агры. Он откалывается подобно нашему сланцу, и вы можете сделать из него плиты пяти метров в длину и трёх в ширину и всего лишь пятнадцати сантиметров в толщину; его можно откалывать как угодно... а также из него можно делать замечательные колонны».

Затем наша тонга везёт нас к Ранга-бхуми, располагающемуся напротив главного почтового отделения. Это то самое место, где громадный слон Кувалайпида преградил Кришне вход на борцовскую арену. Слон угрожающе двигался на Кришну, чтобы растоптать, но Господь забежал сзади, схватил его за хвост и осадил. Затем Он забежал спереди и дал такого тумака, что у того подкосились также и передние ноги. Но

погонщик, восседающий на слоне, продолжал травить бедное животное, и тому пришлось снова встать на ноги. Разъярённый от ударов, слон снова набросился на Кришну, но Тот схватил его за хобот, повалил на землю, запрыгнул ему на спину и переломил хребет. Вслед за слоном на землю кубарем покатился погонщик. В назидание всем Кришна вырвал один из бивней слона, положил его Себе на плечо и так вышел на арену в сопровождении Баларамы и других мальчиков.

Когда Кришна появился на арене, люди увидели Его по-разному. Борцам показалось, что вспыхнула молния, простые люди подумали о том, что, наверное, красивее юноши они не видали. Для женщин Он был самым привлекательным мужчиной, олицетворённым Камадевой. Пастухи видели в Нём родственника и земляка, а родители - своего самого дорогого дитя. Собравшиеся цари-кшатрии видели в Нём могущественного правителя, а глупцы - простого мальчишку. Йогам Он явился как Высшая Душа. Члены династии Вришни с гордостью смотрели на Него как на самого славного из её потомков. Камса же знал, что Он - его погибель.

Жители Матхуры смотрели на прекрасный лик Кришны, будто пили райский напиток. Они мысленно обнимали Его и наслаждались ароматом и вкусом Его тела.

Затем было объявлено, что Кришне с Баларамой предстоит сразиться с лучшими борцами Камсы. Когда бойцы вышли на сцену, зал не мог сдержать криков ужаса. Перед сильными и крепкими, как скала, здоровыми мужчинами Кришна и Баларама казались хрупкими мальчиками. Но, несмотря на неравную силу, братья приняли вызов и вступили в бой. Кришна сражался с Чанурой, а Баларама - с Муштикой. Обе стороны демонстрировали большое искусство, применяя захваты, броски и удары, но зрителям не доставляло никакого удовольствия смотреть на этот поединок между заведомо неравными соперниками. Но как все были изумлены, когда Кришна повалил Чануру тремя сильнейшими ударами в голову. Он схватил почти бездыханного Чануру за руку, проволока через всю арену и бросил к ногам Камсы, словно тряпичную куклу. Муштику постигла подобная участь, и он также рухнул замертво, истекая кровью от могучих ударов Баларамы.

Камса приказал другим борцам выйти на арену, но все они нашли там свою смерть. Когда вперёд выступил боец по имени Кута, Баларама с улыбкой перевернул его левой рукой. Кришна легко расправился с Шалвой и Тошалой, разбив их головы босой стопой. Так Кришна и Баларама безо всякого оружия победили всех бойцов Камсы. Остальные в страхе разбежались. Раздалась барабанная дробь, возвещавшая победу

Кришны и Баларама в состязании. Для демонов этот звук был подобен погребальной песне.

Камса вскочил на ноги. Обезумев от ярости, он приказал отобрать у пастухов из Вриндавана все их товары. Он также распорядился немедленно казнить приёмного отца Кришны Нанду Махараджа, родного отца Кришны Васудеву и собственного отца Уграсену, а также выставить Кришну и Балараму из Матхуры.

Услышав эти жестокие распоряжения, Кришна прорвался через стражников Камсы и вскочил на его трон. Камса выхватил меч, но Кришна схватил демона за волосы, сбил с него корону и поволок на арену. Он швырнул его на песок, сел сверху и стал наносить удар за ударом. Так Камса встретил свою смерть.

Разделавшись с демоном, Кришна протащил его мертвое тело вокруг арены, как лев тащит свою жертву. Раздался одобрительный рёв зрителей.

Не прошло и минуты, как на Кришну набросились восемь братьев Камсы, но Баларама с лёгкостью завалил их бивнем Кувалайпиды. Больше на братьев никто нападать не осмелился. Кришна и Баларама праздновали победу. Полубоги и стали осыпать Их цветами.

Кришна освободил Своих родителей, Васудеву и Деваки, из темницы, где Камса держал их в заключении больше двадцати лет. Он также освободил отца Камсы, Уграсену, и вернул ему законный трон и правление великой империей династий Яду, Бходжа, Вришни и прочих. Под надзором Кришны и Баларама Матхура и всё остальное царство пережило великое возрождение, все были довольны.

Шрила Прабхупада говорит, что когда мы слушаем об играх Кришны, мы должны помнить, что Господь находится выше мирских представлений о добре и зле. Кришна даже нарушил Своё обещание и стал сражаться во время битвы на Курукшетре. Иногда Он советовал Арджуне действовать вопреки кодексу чести кшатриев. И благодаря Его мудрым подсказкам Пандавы одержали верх над Джаядратхой, Карной, Бхишмой и Дроной. Господь Сам устанавливает законы, и что бы Он ни делал - это принесёт благо всем. Кришна - всесовершенный Бог, превосходящий мирские понятия добра и зла. Он Верховный герой, справедливый правитель, который никогда не разочарует, Он тот, кто всегда празднует победу и в любви, и в войне.

После Ранга-бхуми мы как можно ближе подъезжаем к Вишрамагхату, где Кришна купался и отдыхал после поединка с Камсой. Движение на узких, переполненных улицах приводит к возникновению пробок, и мы говорим кучеру, что оставшуюся часть пути пройдем

пешком. Он кивает головой в знак согласия, радуясь короткому перерыву на чашку чая.

Улицы, ведущие к гхату, переполнены паломниками, приехавшими сюда на Картику. Нас окружают торговцы религиозной атрибутикой, каждый тычет нам чётки для джапы и кусочки глины с речных берегов для нанесения тилаки. Торговцы благовониями, мешочками для чёток, слоновой костью и сандаловым деревом пытаются своими криками завлечь нас к себе в магазины:

- Смотри, смотри, баба. Только посмотри. Никаких денег. Харе Кришна! Очень дёшево. Давай. Только посмотри и всё.

Магазинчики тянутся до самых ступенек гхата, где мальчишки дёргают всех посетителей за рукава и предлагают посмотреть за обувью, пока те будут омываться. Вдоль ступенек стоят нищие и гремят никелированными чашками. Перед ними сложены кучками монеты по пять и десять пайсов.

Когда мы спускаемся по каменным ступенькам, люди кричат, что надо снять обувь, что мы и делаем, но, не желая оставлять обувь мальчишкам, мы засовываем её в мою сумку из-под фотоаппарата. Лодочники машут нам со своих маленьких деревянных шлюпок, предлагая прокатиться по гхату.

- Я только намочу голову, - говорю я Аччютананде. - Ты нырнёшь?

- Нет. Я сделаю то же самое.

Я наклоняюсь и трижды окропляю голову водой, напоминая себе о своей недостойности и об очищающем действии реки. Я слышу, как за моей спиной смеются люди. Для них, должно быть, это привычная сцена. Посетителей гхатов обычно можно поделить на несколько типов: одни ныряют и даже пьют эту воду, как если бы это был чистый родник в Гималаях; другие ищут место почище, заходят в воду по пояс, закрывают глаза, зажимают нос, стискивают зубы, быстро окунаются три раза и выбегают обратно на берег; третьи же остаются на берегу. Они зачерпывают ладонью немного воды и выливают её себе на голову. Остаётся только гадать, очистились последние или осквернились.

Когда я оборачиваюсь, завершив своё ритуальное омовение, я вздрагиваю от вида стоящего передо мной человека. Его рука вытянута в мою сторону, а указательный палец показывает прямо на меня, находясь в пяти сантиметрах от моего носа. Он пристально смотрит мне в глаза, рассчитывая на то, что ему удастся меня загипнотизировать. В другой руке он держит кожаный чемодан и длинную острую иглу. На его лице топорщится тощая борода, а одет он в зелёное *лунги* в клеточку. Такое *лунги* носят только мусульмане. Наши взгляды встречаются, и мгнове-

ние мы пристально смотрим друг на друга. Что он может от меня потребовать?

- Я только посмотрю, баба, - говорит он.

- Ага, - говорю я. - На себя смотри.

Теперь его палец перемещается к моему уху. Так вот оно что! Хочет поковыряться в моих ушах своими иголками!

- Почистить, - просит он. - Просто почистить.

Я отступаю назад, закрывая уши руками.

- Я только посмотрю, баба, - пытается он схватить меня за ухо. Я отталкиваю его руку, но он не сдаётся:

- Только посмотрю. Не буду чистить. Никаких денег. Только посмотрю.

- Не надо смотреть, - говорю я. - Не надо чистить, не надо смотреть, не надо никаких денег, ничего не надо. *Чале джао*. Иди отсюда.

Он не уходит и снова пытается схватить меня за уши. Я разворачиваюсь и бегу назад к ступенькам гхата. Я уже видел раньше представителей этого союза ушных чистильщиков, надоедающих туристам на пляже в Джаганнатха-Пури. Похоже, они считают чистку ушей религиозным долгом, поскольку чистыми ушами лучше слышно Коран. Иногда какой-нибудь наивный иностранец или индеец соглашается, чтобы они ковыряли и царапали его уши, не подозревая, что могут остаться без барабанных перепонки.

- Я уж, было, подумал, что ты попался, - смеётся Аччютананда.

- Я раньше уже видел этих парней в действии, - говорю я. - Они могут быть очень агрессивными.

В ведической цивилизации уши считаются более важными, чем глаза. Через уши человек получает трансцендентное знание.

- Массаж, баба? Я делаю хороший раджастанский массаж. Всего пять рупий.

Я оборачиваюсь и вижу юношу, которому на вид около восемнадцати лет. В руках он держит полотенце и бутылку с горчичным маслом. На нём только чистое белое лунги, а его невинное золотистое лицо такое же круглое, как у херувима.

- Вот что тебе нужно, - кивает мне Аччютананда. - Предложи ему три рупии.

- Нельзя три, - говорит мальчик. - Хороший раджастанский массаж, пять.

- Хорошо, если мне понравится, то пять рупий, если нет, то три.

Естественно, никто не знает, что такое раджастанский массаж, так же как и кашмирский массаж или пенджабский массаж.

- Ачча, - говорит мальчик и разворачивает на песке полотенце. Его прохладные руки тотчас же оказывают расслабляющее действие. Собирается небольшая толпа. Массаж является индийским искусством, которое практикуют многие, но по-настоящему им владеют лишь единицы. Подобно чистильщикам ушей, массажисты предлагают свои услуги возле гхатов, в парках и на пляжах по всей Индии. Их можно узнать по их полотенцу и бутылкам с маслом. Многие из них - любители, которые могут больше навредить, чем принести пользу. Мне повезло. Наш мальчик где-то овладел этим искусством.

- Как тебя зовут? - спрашиваю я.

- Мадхусудан, - говорит он. Это имя Кришны, означающее «победитель демона Мадху».

- Харе Кришна, Мадхусудан Прабху.

- Харе Кришна, Харе Рама.

Когда горячее горчичное масло попадает мне на голову, мне кажется, что мои мозги поджариваются на огне. Мадхусудан ловко орудует своими маленькими руками. Моя шея хрустит, избавляясь, наконец, от спазма после поездки на тонге. Сначала Мадхусудан поглаживает мое тело, затем натирает, потом месит его, как тесто, потом полирует, щиплет, постукивает, бьёт и под конец просто мутузит. Моя спина хрустнула в трёх местах. Через тридцать минут все мои нервные окончания уже ни на что не реагируют.

Я даю мальчику пять рупий и ещё две «на чай». Это вызывает на его лице широкую улыбку. Он прячет деньги и быстро убегает, словно боится, что я передумаю.

Мы поднимаемся по ступенькам, но нам преграждает дорогу маленький тощий человек с красным тюрбаном на голове. Он ставит перед нами плетёную корзину, садится рядом на корточки и снимает крышку. Из неё, покачиваясь, выныривает кобра и расправляет свой капюшон. Мужчина начинает играть на *шене*, а кобра двигается в такт звуку. Я бросаю на ступеньки полрупии. Кобра выскальзывает из коробки, и люди

отпрыгивают назад. Мужчина поднимает кобру и кладёт себе на плечи, позволяя ей свернуться вокруг его шеи. Кажется, что эта сцена продолжается целую вечность.

Мы с Ачйотанандой хотим уйти и потихоньку двигаемся наверх. На верхних ступеньках гхата мы проходим мимо человека, сидящего на ложе из гвоздей. Рядом с ним мальчик стучит в барабан и заставляет танцевать обезьяну. Что за цирк! Иногда кажется, что Индия пародирует саму себя.

Когда мы подходим к тонге, выясняется, что кучер спит на сиденье, свернувшись калачиком. Мы будим его и возвращаемся во Вриндаван. Наше утреннее паломничество в Матхуру подошло к концу.

Глава 20

Говардхана-пуджа

Двадцать восьмое октября. Сегодня начинается вторая неделя моего пребывания во Вриндаване, и сегодня самый благоприятный и радостный день - Анна-кута, праздник зерна и урожая, день Говардхана-пуджи. Этим утром все храмы украшены длинными гирляндами из ветвей нима и венками из манго и тамаринда. Во дворах храмов повсюду развешены цветочные гирлянды. Божества одеты в Свои самые лучшие наряды, и Господу Кришне в этот день будет предложено огромное количество пищи, которую затем бесплатно раздадут всем желающим. Сегодня тысячи паломников будут обходить вокруг холма Говардхан.

В Чайтанья-чаритамрите Кришнадаас Кавирадж пишет:

«Из всех преданных холм Говардхан является самым лучшим! О мои подруги, этот холм обеспечивает Кришну и Балараму, а также Их телят, коров и друзей-пастушков всем необходимым: питьевой водой, очень мягкой травой, пещерами, фруктами, цветами и овощами. Так холм выражает почтение Господу. Обретя прикосновение лотосоподобных стоп Кришны и Баларамы, холм Говардхан выглядит очень счастливым».

Начало празднику Говардхана-пуджи положил Сам Господь Кришна, желая усмирить гордость полубога Индры. Полубоги - преданные, и обычно они не забывают о верховной власти Кришны, но однажды Индру, главу полубогов, опьянила данная ему власть, и он потерял рассудок. Поэтому Кришна решил исправить его.

Верховный Господь, Кришна - источник всего сущего. Он и никто иной обеспечивает всех всем необходимым. До тех пор, пока совершает-

ся поклонение Ему, нет необходимости поклоняться полубогам или кому бы то ни было ещё. Кришна привёл веские доводы и так доказал превосходство служения Вишну, и бриджабаси в конце концов согласились заменить жертвоприношение Индре праздником урожая, Анна-кута (анна - зерно), в честь холма Говардхан и брахманов.

«Приготовьте вкусную пищу из всего зерна и топлёного масла, что были собраны для подношения Индре, - сказал им Кришна. - Сделайте рис, дал, халаву, *покоры*, *пури* и молочные блюда, такие как сладкий рис, сладкие шарики, *сандеш*, *расагуллы* и *ладду*. Затем пригласите всех брахманов и накормите их досыта, а после дайте им немного денег. Накормите роскошным прасадом всех людей и животных, а коровам дайте свежей травы. Эта Говардхана-пуджа доставит Мне огромное удовольствие».

Бриджабаси во главе с отцом Кришны Нандой Махараджем начали поклоняться холму Говардхан, воспевая ведические гимны и предлагая ему горы еды. Они дали коровам свежей травы и, гоня их перед собой, начали обходить вокруг Говардхана. Гопи ехали в воловых повозках и прославляли Кришну, а брахманы благословляли пастухов и их жён. Кришна очень обрадовался, видя, что все Его указания были соблюдены. Он принял огромную форму и сказал бриджабаси: «Холм Говардхан и Я неотличны друг от друга». Затем в облике холма Он поглотил всю предложенную пищу, выразив так Свою благосклонность преданным.

Естественно, это привело в ярость Индру. Он вскочил на Айравату и понёсся через небеса, ведя за собой грозовую тучу разрушения самвартаку. На Враджу обрушились страшные потоки дождя, хлестал пронизывающий ветер, и сверкали молнии. Испуганные бриджабаси стали искать прибежища у лотосоподобных стоп Господа Кришны.

«Вы Мои преданные и всегда зависите от Моей милости, - сказал им Кришна. - А потому Я спасу вас!»

Кришна одной рукой поднял холм Говардхан, как ребёнок поднимает гриб, и держал его над бриджабаси, словно огромный зонтик. Все спаслись от дождя, а униженный Индра ушёл ни с чем.

* * *

Мы тихо сидим в комнате Шрилы Прабхупады, а он отвечает на письма, которые читает ему Шрута-кирти. Похоже, что ситуация в Бомбее потребует личного присутствия Прабхупады. Владелец земли в Джуху обманывает нас. Общество уже выдало ему 50 000 рупий задатка, но он заявляет, что некоторые из его родственников выступают против заключения сделки. До этого он никогда не упоминал о том, что в этом

участвуют другие члены его семьи. Кроме того, преданные, живущие в соломенных хижинах, заболели малярией.

- Что делать? - спрашивает Прабхупада. - Как только вы, западные юноши и девушки, приезжаете в Индию, вы позволяете, чтобы вас обманывали. Затем вы начинаете болеть. То боль в животе, то малярия. Вы не знаете, как правильно позаботиться о себе. Что тут можно поделаться? Я старый человек, и теперь наше общество стало слишком большим, чтобы я мог лично управлять им. Если я и совершил какое-то оскорбление, то оно в том, что я принял слишком много учеников.

- Это ваша доброта, Шрила Прабхупада, - говорит Прадьюмна. - Вы слишком сострадательны, чтобы позволить страдать другим.

- Это мой Гуру Махарадж заботится о нас. А им руководит Чайтанья Махапрабху. Если будет необходимо, мы отправимся в ад, лишь бы другие были спасены. Таково настроение вайшнава.

После завтрака Ачьютананда, я и двое брахмачари из Европы - Шукадева и Васудева - нанимаем такси до Говардхана. Мы выезжаем рано, надеясь избежать пробок и толп по дороге длиной двадцать восемь километров. Шрила Прабхупада говорит нам, что вместо того, чтобы проделать полную парикраму длиной двадцать два километра, что очень тяжело для нежных ступней жителей Запада, мы можем просто обойти несколько раз Божество Говардхана, которое живёт рядом с холмом по дороге между Кусума-сароварой и городом Говардханом.

- Было бы замечательно, если бы вы прошли всю парикраму, - говорит он, - но что бы вы ни сделали, Кришна оценит это. Просто идите в правильном направлении... как вы это называете?

- По часовой стрелке?

- Да. Вы не должны идти в обратную сторону.

По пути мы обгоняем всего лишь нескольких паломников. На длинной плоской равнине нет никаких признаков существования холма. Затем, сразу после Кусума-саровары, видим красновато-коричневые камни, резко выступающие из равнины на высоту около десяти метров. Между камнями растёт несколько кактусов.

- Он не очень высокий, - говорю я. - Он скорее похож на большую каменоломню, чем на холм.

- Каждый день холм погружается в землю на величину горчичного зёрнышка, - отвечает Ачьютананда.

Вовсе не удивительно, что великие души становятся холмами во Врадже. Баларама в облике Шеша-наги проявляется как Чаранпари, Шива - как Нандишвара, а Господь Брахма - как Варшана. Миллионы лет назад, во время Сатья-юги, в Шалмали, Восточной Индии, появился

царь Дроначала в облике горы. У него был сын, которого звали Говардхан. Когда Говардхан появился на свет, все полубоги начали проливать с небес цветочный дождь. Когда мудрец Пуластья Муни увидел необычайную красоту Говардхана, он попросил царя отдать ему сына-гору в качестве подарка. Царь Дроначала, рыдая и дрожа от мысли о разлуке с Говардханом, сказал мудрецу, что он никогда не сможет расстаться со своим сыном. Разгневанный Пуластья Муни уже собрался было проклясть царя, но Говардхан неожиданно объявил, что он пойдёт с мудрецом при одном условии: он останется там, где мудрец поставит его на землю.

Пуластья Муни согласился и понёс Говардхан в правой руке. Достигнув Враджи, он поставил холм на землю и пошёл совершить вечернее омовение. Оказавшись во Враджа-бхуми, Говардхан был вне себя от радости. Когда Пуластья вернулся и попытался поднять его, то обнаружил, что Говардхан стал таким тяжёлым, что его невозможно сдвинуть с места. И именно тогда мудрец проклинал Говардхана, что каждый день он будет погружаться в землю на высоту горчичного зёрнышка. В то время Говардхан был высотой тридцать восемь километров. Сегодня в своей самой высокой точке он достигает всего двадцать пять метров. По погружению можно судить о почтенном возрасте Говардхана.

Как сильно изменилась эта гора со времени первой Говардхана-пуджи пять тысяч лет назад! Согласно «Говинда-лиламрите», Говардхан имеет форму павлина. В этом можно убедиться, если взглянуть на карту. Радха-кунда и Шьяма-кунда на северо-востоке являются его глазами. Кончик хвоста находится в Пунчари. Джатипур, который является самой высокой точкой и тем местом, где Кришна встал, чтобы поднять холм, лежит напротив Анийора примерно на одну треть выше хвоста. Манаси-

Ганга расположена посередине туловища, а Кусума-саровара - это сердце.

Мы выходим из такси сразу за Кусума-сароварой. Многочисленные паломники удивлены, видя жителей Запада на Говардхана-пудже. Они толпятся вокруг нас, и кажется, ничто не заставит их оставить нас в покое. Мы идём к пандалу с ярко-жёлтой парусиновой крышей, укрывающей Божество Говардхана. На земле расстелены простыни, на которых вокруг фисгармонии сидят паломники и поют.

Когда мы снимаем обувь и входим, все взгляды устремляются в нашу сторону, но пение продолжается. Мы простираемся перед Божеством на земле в дандавате, повторяя мантры почтения гуру.

Божество сделано из камня, выступающего из холма. Глаза и рот у Него нарисованные, а вместо одежды - кусок красивой ткани. Божество считается неотличным от Господа Кришны. Мы жертвуем пару рупий, а пуджари, улыбаясь, даёт нам чанори, маленькие сладкие шарики. Паломники выглядят вполне дружелюбными. Я делаю несколько снимков Божества, и пуджари просит, чтобы его тоже сфотографировали. Вскоре я уже фотографирую десятки хихикающих паломников и их большеглазых детей.

- Это переходит все границы, - говорю я Ачьютананде. - Скажи им, что у меня кончилась плёнка.

Ачьютананда переводит, но ему никто не верит.

- Одно фото, одно фото, - настаивают они.

Я отсоединяю фотовспышку и убираю фотоаппарат. По дороге проходит стадо коров, которых гордые пастухи ведут вокруг Говардхана. Коровы разрисованы святыми именами Вишну, ярко-оранжевыми пятнами и отпечатками рук, перепачканных синдуром. Сегодня они получают дополнительный корм. Дорога наполняется паломниками, которые закончили утреннее омовение в Манаси-Ганге. Говардхана-пуджа привлекает людей со всей Индии. Нет и речи о касте или материальном положении. Махараджи, пастухи коз, точильщики ножей, рыбаки, неприкасаемые, бизнесмены, учителя, студенты, нищие, торговцы, чистильщики манго, красильщики благовоний, сборщики мусора, крестьяне - кто бы они ни были, все идут босыми вокруг холма Говардхан. Полная демократия. В глазах Бога все они равны, являясь представителями самой большой в мире семьи, семьи Кришны.

Сегодня махараджи, брахманы, учителя и прочие представители высшего сословия оказываются в невыгодном положении. Прежде чем сделать шаг, они смотрят под ноги, чтобы не наступить на острые камни или колючки. Остальные - босые эшелоны рикш, пастухов и крестьян -

весело идут вперёд, повторяют святые имена и кланяются до земли маленьким святыням вдоль дороги, касаясь какого-нибудь камня, напоминающего им о Кришне и Балараме.

Согласно изначальным указаниям Кришны, пища готовится и раздаётся бесплатно. Каждому дают столько, сколько он может съесть: раиту (тёртые огурцы с йогуртом), молочные сладости, картофельные качори, *самосы* и пакоры из цветной капусты. Некоторые храмы даже приглашают людей на пиры, рассаживая их перед большими тарелками из листьев, на которые мальчики накладывают большие порции халавы (поджаренный на топлёном масле крахмал с сахаром и орехами), сладкий рис, разнообразные сладости, ароматизированные шафраном (который собирают на пурпурных шафрановых плантациях в Кашмире), дал, рис, чапати, кабачок, приправленный карри, хрустящие острые *пападамы* (которые выглядят как большие картофельные чипсы), шпинат с творогом, плавающим в ги, большие белые расагуллы (сладкие сырные шарики, ароматизированные розовой водой, которые скрипят, когда вы их надкусываете), гулабджамуны и джалеби (сладости из муки в виде спиралек), чистый сахар, ги, застывшее снаружи, но всё ещё горячее и жидкое внутри. Также раздают глиняные кружки с арбузным соком и лимонадом.

Какое разнообразие лиц можно увидеть сейчас на дороге! Высокие, усатые раджастанцы с орлиными носами ведут свои семьи на парикраму. Раньше они принадлежали к раджпутским военным кланам, которые на протяжении тысяч лет контролировали Северо-западную Индию. Они стояли стеной, защищая родину от набегов персов. Мужчины носят тюрбаны, обычно светлых расцветок, а иногда ярко-оранжевые, а женщины - традиционные вышитые юбки с зеркальцами, усыпанные крошечным бисером, большие ожерелья из жадеита, слоновой кости и граната, огромные серебряные серёжки и толстые ручные и ножные браслеты из серебра, каждый из которых весит 100-200 граммов.

Здесь также много золотокожих бенгальцев с тонкими чертами лица. Их женщины склонны к полноте и носят светлые сари. Бенгальские мужчины, худощавые и статные, предпочитают тонкие усики, в противоположность раджастанским «суповым филтрам». Здесь также много гуджаратцев, их, как правило, можно узнать по многоярусным пищевым контейнерам из нержавеющей стали. Они убеждённые вегетарианцы и считают свою кухню лучшей в Индии, а потому носят свою еду с собой. Вокруг Говардхана идут даже непальцы - невысокие, мускулистые, круглолицые представители монголоидной расы. Они ехидно поглядывают на нас и исподтишка хихикают.

Да, какой это удивительный праздник - Говардхана-пуджа!

- И где будем оставлять обувь? - спрашиваю я Ачьютананду.

- Лучше носить её с собой, - говорит он.

- Может, отдадим детям на присмотр? - спрашиваю я.

- Ну н-е-ет.

- Обувь, обувь, обувь, - начинает повторять один из детей, понимая нашу дилемму. - Посмотреть, одна рупия.

Если я потеряю свою обувь, я никогда не найду ей замену. Больше сорок второго размера тут не купишь. Я вытаскиваю фотоаппарат из чехла и кладу вместо него нашу обувь.

- Фото, фото, - орут ребятишки, скажут и бегут за нами следом по узкой пыльной тропе, проходящей между кактусами и большими красными камнями.

За всю свою жизнь я кроме пляжа никуда босиком не ходил. Я хмуро ковыляю по тропинке, а дети тыкают в меня пальцами и заливаются смехом. Садисты.

Дорога становится шире, но оттого не легче. Крошечная галька для меня - настоящая пытка.

- Я долго не продержусь, - постановываю я.

- Держись, до Анийора путь неблизкий.

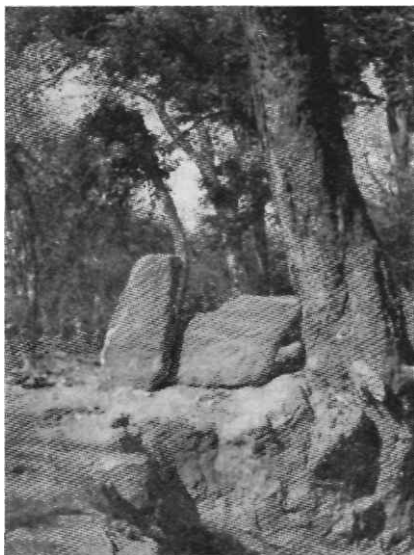
- Ты не понял. Я имею в виду, что не пройду и двух километров. Может быть, даже и ста метров.

Когда я пытаюсь идти, мои пальцы на ногах загибаются, чтобы уменьшить давление. Тело будет стараться сделать всё возможное, чтобы избежать боли. Внезапно я хватаюсь за ступню и сдерживаю страдальческий крик: я наступил на колючку.

Судя по всем этим кактусам, она будет далеко не последней.

Дети хохочут, когда я пытаюсь выковырять колючку. Наконец-то я хоть кого-то рассмешил. Смогу ли я вообще пройти парикраму? Дух желает, но плоть слаба.

- Иди вперёд, - говорю я Ачьютананде. - Я просто посижу где-нибудь здесь под деревом и почитаю джапу. Кришна поймёт.

- Тогда встретимся в пандале, - говорит он. - Сходим в город позже.

- Согласен.

Длинноволосый бородатый садху, совершающий дандават-парикраму. Между поклонами он повторяет Харе Кришна на чётках из 108 бусин, при этом он стоит на одной ноге, упираясь другой в колено опорной. Затем он передвигается вперёд на длину своего тела и снова простирается на земле. Как замечательно быть способным на такую аскезу! Похоже, я завидую ему и мечтаю о таком же рождении в следующей жизни. Надев свои туфли, я сажусь на обочине, повторяю джапу и жду Ачьютананду. Он возвращается быстрее, чем я ожидал. Очевидно, что камни доканали и его.

- Эта галка - какой-то ужас, - жалуется он.

- Лучше смотри, сколько тут стариков! Как им удаётся?

- Мы -яваны, они - йоги, - говорит он.

- А что случилось с Шукадевой и Васудеовой?

- Они прошли ещё немного вперёд, а затем поехали обратно на другом такси. Давай сходим в город.

Мы едем на том же самом такси около трёх километров в город Говардхан. По пути мы проезжаем мимо летнего дворца Махараджа

Бхаратпура, представляющего собой один из самых превосходных образцов матхурской резьбы. Сегодня вряд ли найдётся хотя бы один умелец, который сможет вырезать из песчаника решётчатые окна, павлинов или любой другой из тех узоров, которые украшают двухсотлетний дворец и кенотафы.

Это искусство утрачено. Тем не менее, здания стоят, заброшенные, но по-прежнему величественные.

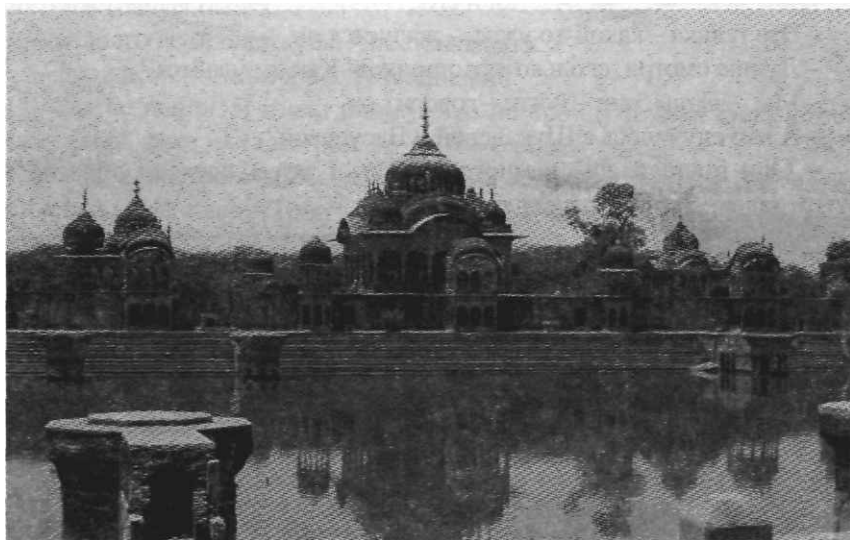

Сам по себе город Говардхан является деревней из одной улицы,

которая тянется вокруг Манаси-Ганги. К храму Манаси-деви ведут многочисленные рестораны и множество ларьков, торгующих паном, сигаретами, газировкой и чаем. Все они обслуживают паломников. Мы сдаём свою обувь на хранение. Внутри открытого павильона находятся священные водоемы для омовений, переполненные паломниками. Мы проталкиваемся сквозь них к воде, брызгаем несколько капель себе на голову и затем выбираемся обратно.

- Вообще-то, мы должны были омыться здесь *до* парикрамы, - напоминает мне Ачютананда.

Выйдя на улицу, мы нанимаем другое такси. От города Говардхан до поворота на Радха-кунду мы еле ползём, гудок нашего такси пронзительно ревёт, чтобы люди и стада коров освободили нам путь. Пока они делают это, я думаю о первой Говардхана-пудже. По существу, здесь мало что изменилось: Господь Кришна здесь, коровы здесь и преданные Господа тоже здесь. Из-за своего изнеженного тела я не смог пройти по парикраме очень далеко, но я ощущаю блаженство, просто глядя на холм и на этот великий поток преданности вокруг него.

Огромное озеро Кусума-саровара переполнено купающимися паломниками. Мы останавливаемся, чтобы выпить по стакану сока сахарного тростника, смешанного со льдом и мякотью лимона, очень вкусного и освежающего. После Радха-кунды движение идёт на убыль, и вскоре мы уже мчимся через равнину к Вриндавану.

Глава 21

Серебряные качели

Дворцовый сторож будит меня от послеобеденного сна.

- Люди пришли, сахиб, - говорит он, нетерпеливо показывая на дворцовые ворота. - Пойдите, посмотрите.

Большинство преданных находятся в храме Радха-Дамодары. Кулашекхар сидит в своей комнате и повторяет мантру. Малати стирает одежду и возится с Сарасвати, а Аччютананда дремлет на чарпое в тени.

За воротами стоят трое мужчин. В грузовике за ними находятся изящные серебряные качели, которые обычно используются для того, чтобы качать Божества во время праздников. Один из мужчин объясняет, что качели - подарок Махараджа Бхаратпура для Божеств Радха-Кришны Шрилы Прабхупады. Я никогда лично не встречался с этим знаменитым и сказочно богатым Махараджем, который позволяет нам жить в своём дворце, но слышал о нём от Ямуны. Кажется, он

владелец бесчисленных дворцов в окрестностях Бхаратпура и нескольких на Говардхане и во Вриндаване.

Говорят, что он каждый год совершает парикраму вокруг Говардхана, и ему всегда удаётся пройти её целиком. Он содержит небольшую армию для охраны своих дворцов и замков, а также личного телохранителя с пистолетом сорок пятого калибра. Ещё у него есть погреб, полный французского вина для гостей. Ему очень нравится ездить на роллс-ройсах, которых у него целый гараж, классические, выпущенные в 20-е и 30-е годы, и он с головокружительной скоростью гоняет на них вокруг Враджи.

Его сады великолепны, и нигде больше нет столько павлинов. Холёные птицы - их истинное украшение.

Он стал проявлять интерес к ИСККОН, когда Гурудас и Ямуна завели с ним дружбу, и Махарадж пригласил их к себе в гости в Бхаратпур. «Роллс-ройс, в котором мы ехали, был таким длинным! - рассказывала мне Ямуна. У него по три двери с каждой стороны, Внутри салона - хрустальные канделябры и красные бархатные диваны, и нам казалось, что водитель сидит очень далеко от нас. Махарадж пригласил меня и Гурудаса погостить в его дворце в Бхаратпуре, и однажды он взял нас с собой в поездку по Ваджа-мандале. Во время наших многочисленных остановок храмовые севайты дули в раковины, чтобы объявить о прибытии Махараджа. В Гокуле один из пуджари допустил какую-то оплошность перед Божествами, и Махараджа это оскорбило. Он приказал им принести ему немного ги. Затем он вытащил банкноты по сто рупий, которые он принёс для пожертвования, полил их ги и поджёг. Поверь мне, севайты кричали, как ошпаренные. Махарадж ушёл взбешённый, и потом в лимузине он долго молчал. В конце концов он сказал: «Нужно ставить их на место, а иначе они перестанут уважать вас». Вот такой это человек».

И этот человек жертвует нам серебряные качели для Божеств. Его представитель размахивает какими-то бумагами и сообщает мне, что кто-нибудь должен расписаться за доставку.

Качели сверкают в лучах солнца. Высота четырёх угловых стоек составляет, по меньшей мере, полтора метра. Стойки покрыты искусной резьбой, изображающей лотосы и выюны, а верхние перекладины украшены изображениями коров, павлинов и слонов. На сдвоенном сиденье покоятся пурпурные атласные подушки. Спинки у них тоже резные. На эти качели, наверное, ушло несколько десятков килограммов серебра. Они уникальны. Кто может усомниться в их ценности?

- Здесь Ачйотананда Свами, - говорю я посланнику. - Он лично знаком с Махараджем. Подождите, пожалуйста.

Я бегу обратно во дворец и бужу Ачйотананду.

- Привезли изумительные серебряные качели, - говорю я ему, - для Божеств Прабхупады.

Пошатываясь после сна, Ачйотананда умывается, и идёт к грузовику. Он любуется качелями и разговаривает с представителем на хинди.

Мужчина снова размахивает бумагами, и разговор становится довольно напряжённым. Я удивляюсь, когда слышу, как внезапно они начинают кричать друг на друга: Ачютананда трясёт головой, а представитель размахивает бумагами. В конце концов, мужчины садятся обратно в грузовик и уезжают, увозя серебряные качели и всё остальное.

- Что случилось?

- Они хотели, чтобы я расписался, - говорит Ачютананда. - Ты можешь себе представить, сколько стоят такие качели? Если я ставлю свою подпись, то я несу за них ответственность. Я сказал им отвезти их непосредственно Шриле Прабхупаде.

Но позже, днём, когда мы приходим в храм Радха-Дамодары, мы не видим там никаких качелей.

- Сюда не приезжали люди с серебряными качелями? - спрашивает Ачютананда Шрилу Прабхупаду.

- Нет, - говорит он. - А что за качели?

- Махарадж Бхаратпура прислал во дворец серебряные качели, - объясняет Ачютананда. - Это был подарок для ваших Божеств. Его люди хотели, чтобы я расписался за них, а я сказал им, чтобы они привезли их сюда.

- Ты не расписался?

" - Нет. Во дворце их негде хранить. Я побоялся, что их могут украсть.

- Но теперь они отвезли их обратно Махараджу, - говорит Шрила Прабхупада. - Ты понимаешь, что это означает?

- Я велел им привезти их сюда, - говорит Ачютананда.

- Ты понимаешь, *что* это означает? - неожиданно кричит Шрила Прабхупада. Ачютананда становится бледным.

- Я... я...

- Махарадж будет оскорблён, - говорит Шрила Прабхупада. - Мы отказались от его подарка.

- Я не отказывался от него, - возражает Ачютананда. - Я сказал привезти его адресату.

- Ты отказался расписаться.

- Но я знаю, что Махарадж за человек, - теперь краснеет Ачютананда. - Он так привередлив в этих вещах. Если бы с качелями что-то случилось, то во всём бы обвинили меня.

- Но теперь мы лишились качелей, - сердится Шрила Прабхупада. - И дружбы Махараджа. По-твоему, это хорошо?

- Нет. Я сам пойду к Махараджу и всё объясню, - пытается как-то сгладить ситуацию испуганный Ачютананда. - Я всё ему расскажу.

- Что ты ему расскажешь? Что ты отказался от его подарка?

- Нет. Что произошло недоразумение.

- Ты всё неправильно понял, - говорит Шрила Прабхупада. - Ему было нанесено оскорбление. Он даже не примет тебя.

- Он никогда мне не отказывал, - мямлит Ачйотананда. - Он всегда был со мной очень открытым.

- Но это было до того, как ты оскорбил его. Теперь ты лишился качелей.

- Я думал, что поступил наилучшим образом, Шрила Прабхупада, - оправдывается Ачйотананда.

- Это было глупо, - сокрушается Шрила Прабхупада. - Ты думал только о себе: «О, мне придётся отвечать». Почему бы тебе было не взять на себя ответственность за такой чудесный подарок для Радхи и Кришны?

- Я думал о том, как сохранить его, Шрила Прабхупада.

- Чепуха! Глупости! Сохранить! Ты просто потерял его, и всё.

- Мне очень жаль, Шрила Прабхупада.

- Тебе, может быть, и жаль, но что теперь делать? Об этом ты подумал?

- Нет.

- Ты должен немедленно пойти и извиниться перед Махараджем. Возьми на себя ответственность. И постарайся вернуть качели назад.

Ачйотананда потрясён. Это очень серьёзно - вызвать неудовольствие духовного учителя, не говоря уже о его гневе. Когда мы выходим из комнаты Прабхупады, Ачйотананда с трудом находит дорогу к воротам Радха-Дамодары. Его преследует только одна мысль - как получить качели обратно.

- Что теперь? - спрашиваю я.

- Махарадж находится в своём дворце в Бхаратпуре, - говорит он. - Вчера он ходил на парикраму вокруг Говардхана. Сегодня он, наверное, отдыхает. Давай возьмём такси на стоянке для тонг.

Вскоре мы мчимся в грохочущем амбассадоре в Бхаратпур, который находится примерно в сорока километрах к юго-западу от Вриндавана. Однако во дворце один из охранников сообщает нам, что Махарадж только что уехал в Дели.

Неудовлетворенный этим, Ачйотананда посылает за личным секретарём Махараджа, мистером Даттом, который заставляет нас ждать полчаса у ворот, прежде чем выходит к нам, шаркая ногами, одетый в белые паджамы и тапочки.

- Махарадж находится в Дели по делам, - сообщает он нам на безу-

пречном английском. - Он вернётся не раньше сегодняшнего вечера. Ему что-нибудь передать?

- Пожалуйста, скажите ему, что приходил Ачьютананда Свами, - говорит Ачьютананда, - и что это очень срочно.

- Вы можете приехать завтра вечером, - предлагает секретарь. - Тогда он не будет так сильно занят.

- Вам что-нибудь известно о серебряных качелях?

- Качелях? - по его улыбке я понимаю, что ему известно об этом всё. - О каких качелях?

- Серебряных качелях для Божеств Шрилы Прабхупады, - объясняет Ачьютананда. - Махарадж послал их сегодня утром во дворец Лакшми-рани-кундж.

- Я напому об этом Махараджу, - говорит он.

- Вы не знаете, здесь ли эти качели? - упорствует Ачьютананда.

- Нет, я не знаю, - улыбается секретарь, всё прекрасно зная. - Понимаете, я весь день нахожусь в офисе, отвечаю на письма. Пожалуйста, приходите завтра вечером.

И он шаркает обратно во двор великолепного дворца из песчаника.

- Качели, наверное, всё ещё в грузовике, - говорю я Ачьютананде, - и он, скорее всего, стоит в одном из этих гаражей.

- Поехали обратно, - уныло говорит Ачьютананда, разочарованный и обедневший на пятьдесят рупий. Вторая поездка будет стоить ещё пятьдесят рупий, но тут нельзя скупиться. Качели должны быть возвращены любой ценой.

Этим вечером в храме Радха-Дамодары с Ачьютанандой практически никто не разговаривает.

- Сегодня днём Прабхупада съел совсем немного прасада, - говорит обеспокоенная Ямуна. - Он даже сказал мне: «Теперь мы потеряли Махараджа Бхаратпура. Как глупо!»

Именно Ямуне пришлось потратить множество времени на то, чтобы завоевать дружбу Махараджа. Впервые за всё время этих отношений Махарадж решил оказать обществу довольно существенную помощь. И теперь всему этому может прийти конец.

- Ещё на прошлой неделе Махарадж рассказывал мне, как подходит для преданных ИСККОН дворец Лакшми-рани-кундж, - говорит Ямуна. - Я думаю, он собирался пожертвовать его нам. А теперь кто знает? Ты не можешь себе представить, какой это темпераментный человек. Может оскорбиться по малейшему поводу. Сейчас правительство создаёт махараджам столько трудностей с их собственностью. С каждым годом их владения и престиж уменьшаются, и это заставляет их быть очень

подозрительными и занимать оборонительную позицию. Они действительно верят в божественное право *раджариши* в этом мире, который теперь поглощают демократия и коммунизм. Всем им приходится крепко держаться за свою честь и чувство собственного достоинства. Вот почему они так легко оскорбляются. Увы, похоже, что прогноз Ямуны верен. На следующий день мы узнаём, что Махарадж действительно обиделся.

Мы узнаём плохие новости от помощника Махараджа, посетившего Вриндаван во время паломничества по Врадже в честь Говардхана-пуджи. Сидя перед Шрилой Прабхупадой, он сообщает нам, что Махарадж считает, что его подарок не оценили.

- Вы только посмотрите! - говорит Шрила Прабхупада. - И он прав. Всё это произошло из-за глупости. Глупый мальчишка. Он не знал. Но невежеству не может быть оправдания. Где Ачйотананда?

- Во дворце, Шрила Прабхупада, - говорю я.

- Такая глупость! - говорит Прабхупада. - Почему вы ничему не можете научиться? Почему не можете использовать хоть немного здравого смысла? Почему мне нужно лично за всем следить?

Встревоженный тем, что он может стать причиной скандала, помощник пытается успокоить нас.

- Я уверен, что Ачйотананда Свами сможет исправить ситуацию, - говорит он, - он просто всё объяснит Махараджу.

- Объяснит что? - удивлённо спрашивает Шрила Прабхупада. - Объяснит, что он отверг его подарок? Такой замечательный подарок для Кришны! Он должен был с радостью расписаться. Неудивительно, что Махарадж пришёл в ярость. Он кшатрий, потомок воинов Курукшетры. Такие воины будут сражаться из-за мельчайшего ущемления их чести. Вы бы не посмели отвергнуть Арджуну или Бхиму. Нет. Махараджу было нанесено оскорбление. Он больше никогда не будет разговаривать с нами.

Когда я возвращаюсь во дворец и пересказываю всё это Ачйотананде, он долго сидит, закрыв лицо руками.

- Ты в близких отношениях с Махараджей, - говорю я ему. - Думай о хорошем. Ты не отказывался от качелей. Это был не ты, а кто-то другой.

- Люди в грузовике знали меня, - повесил голову Ачйотананда. - Махарадж всё знает.

К нам подходят Шьямасундара и Гурудас.

- Ты действительно можешь пойти и увидеться с Махараджем? - напрямую спрашивает Шьямасундара. - Или ты просто врёшь нам?

- Нет, - говорит Ачьютананда. - Он всегда был очень гостеприимным и обходился со мной очень почтительно.

- Может быть, *мне* стоит попробовать поговорить с ним, - предлагает Гурудас. - У меня с ним хорошие отношения.

- Давайте сейчас же возьмём такси до Бхаратпура, - предлагает Шьямасундара.

Мы прочёсываем улицы от Кеши-гхата до автовокзала, но не находим ни одного такси. В конце концов нам приходится нанять тонгу. Шьямасундара и Гурудас едут сзади, а мы с Ачьютанандой теснимся впереди рядом с кучером. Как обычно, мне приходится напрягать шею, наклоняясь под брезентовой крышей. Лошадка бежит рысцей так быстро, как только может, подгоняемая быстрыми ударами хлыста. Тем не менее, десятикилометровая поездка до Матхуры занимает тридцать минут. К тому времени, когда мы прибываем в Матхуру, солнце уже садится. Вдоль улиц развешены разноцветные крошечные фонарики в честь празднования Ямараджа-пуджи, фестиваля Ямараджа, бога смерти. Сегодня тысячи паломников омываются в Ямуне, за что Ямарадж дарует им долгую жизнь. Движение на узких улицах блокируется, толпы протискиваются в сторону Вишрама-гхата и обратно. Наша неповоротливая тонга окончательно застревает в людском потоке. Ачьютананда платит кучеру, и мы вчетвером отправляемся пешком на поиски такси.

Мы проталкиваемся через толпу к центру города. Вдоль улиц тянутся ярко освещенные здания, в которых по-турецки сидят торговцы, занимая минимальное пространство в своих крохотных магазинчиках. Вокруг них стопками сложены всевозможные товары, от религиозной атрибутики до орехов бетеля, газировки, апельсинов, молочных сладостей и сигарет. Дети покупают сделанные из папье-маше маски в виде черепов и носятся повсюду, пытаясь напугать друг друга. Такси заняты; маленькие пятиместные амбассадоры битком набиты пассажирами. Ачьютананде приходится дать водителю двадцать рупий взятки, чтобы тот высадил одну семью. Естественно, семья протестует, но водитель вытаскивает их. Пока мы запрыгиваем внутрь, они стоят перед машиной и кричат на хинди, настаивая на том, чтобы Ачьютананда возместил им ущерб.

- Бхаратпур, - приказывает Ачьютананда нашему энергичному таксисту, здоровому седовласому сикху, который приветствует длинную поездку из Матхуры. - Дворец Махараджа. И *джелди-каро* \ Хуба-хуба! Побыстрее!

Мы снова мчимся через равнину. Наши фары высвечивают в темноте паломников, которые торопливо убегают с дороги в высокую

пампасную траву. Тусклый свет фар едва-едва помогает сикху не наехать на отставших пешеходов. Странно, но его, похоже, это совершенно не волнует, хотя если он сойдёт кого-то, его вытащат из такси и избьют до смерти. Вскоре мы оказываемся у ворот дворца в Бхаратпуре. Охрана останавливает нас, и Ачьютананда говорит им, что он духовный наставник Махараджа. Прежде чем часовой разрешает нам проехать, Ачьютананда велит водителю заехать во двор. Нас окружают солдаты в наполеоновской форме, украшенной золотыми галунами и эполетами. Они наводят на нас ружья и приказывают водителю остановиться, что он и делает. Их штыки сверкают, отражая свет прожекторов, освещающих парапеты дворца. Ачьютананда, забыв о страхе, думает только о серебряных качелях. Он выпрыгивает из такси.

- Нас ожидает Махарадж, - говорит он. - Мы ученики Его Божественной Милости Бхактиведанты Свами Прабхупады.

Один из часовых сообщает нам на английском, что Махарадж абсолютно никого не желает видеть, никого, без всяких исключений.

- Скажите ему, что здесь Ачьютананда Свами, - говорит Ачьютананда. - Махарадж встретится со мной.

Часовой посылает одного солдата бегом во дворец. Ачьютананда говорит нашему водителю не обращать внимания на солдат и подъехать к тому месту, где припаркованы полдюжины роллс-ройсов, но сикх благоразумно отказывается. Он оглядывается вокруг, желая поскорее отсюда уехать. Солдаты встают позади нас, закрывая проезд.

- Давай, давай, - убеждает его Ачьютананда. - Они знают меня. Никаких проблем не будет.

Сикх только кивает и крепко сжимает руль. Из-под его тюрбана стекают струйки пота. Мистер Датт, одетый в тапочки и паджамы, подходит к нам, шаркая ногами.

- Махараджа сейчас нет, - говорит он. - Он вернулся из Дели, а затем опять уехал, совсем недавно. Я предлагаю вам записаться на аудиенцию.

Внезапно нас освещает свет фар, и мимо с грохотом проезжает красный роллс-ройс, направляясь к главным воротам.

- Это он! - кричит Ачьютананда. - Это Махарадж!

Ачьютананда запрыгивает обратно в такси и сулит сикху:

- Следуй за этим красным роллсом! Если догонишь его, получишь сто рупий.

Пока солдаты стоят в стороне, сикх разворачивает такси. Когда мы покидаем пределы дворца, к нему снова возвращается его смелость, и он бросается в погоню за своим джекпотом.

Но это не так-то просто. Роллс-ройс мчится по узкой ухабистой дороге, сигналив пешеходам, которые расступаются перед ним, как Красное море перед Моисеем. В нескольких милях от нас мерцают огни бивачных костров, дым от которых окутывает местность. Ролле даже не тормозит перед скоплением народа у поворота на Говардхан.

- Быстрее! - орёт Ачютананда на водителя. - Быстрее! Мы упускаем его.

Сикх выжимает всё из маленького амбассадора, и сто километров в час никогда не казались мне такими быстрыми. Наши фары высвечивают зад неосвещённой бычьей повозки, которые являются причиной множества ночных аварий, и я готовлюсь к удару, но наш опытный сикх отворачивает как раз вовремя.

- Вот он! - кричит Ачютананда. - Мы догоняем его.

И действительно, мы быстро приближаемся. Теперь Махарадж находится всего в пятидесяти метрах от нас.

- Высунься из машины, когда мы будем проезжать мимо, - командует Ачютананда, - и попроси их выглянуть в окно. Просто крикни «Харибол!», он поймёт, что это мы.

Это логичная просьба, поскольку я сижу впереди слева. Сокращая расстояние, сикх выруливает вправо, чтобы обогнать роллс-ройс. Непрочная машина дрожит от перегрузки. Я вспоминаю об автоматическом пистолете сорок пятого калибра, который есть у телохранителя Махараджа.

- Эй, забудь об этом! - умоляю я. - Мне могут снести голову.

- Нет, просто крикни «Харибол!» - настаивает Ачютананда.

Но мне не приходится этого делать. Как только мы начинаем идти на обгон, Махарадж включает мощный двигатель роллса и оставляет нас позади в клубах пыли и выхлопных газов.

- О Кришна! - вздыхает Ачютананда.

Задние огни роллс-ройса удаляются через тёмную равнину, тускнеют и исчезают. Мы видим Махараджа Бхаратпура в последний раз.

Глава 22

Осада

Когда разносится весть о том, что мы раздаём прасад, всё больше и больше бриджабаси собирается возле дворца у Кеши-гхата, чтобы поесть. Малати и Видура, брахмачари-индиец, готовят во дворе кичри и чапати, разведя огонь на коровьем навозе. Сегодня у дворцовых ворот народу больше, чем обычно.

Приготовленная пища предлагается Божеству во время дневного арати в храме Радха-Дамодары. После этого её можно раздавать. Двиджа Хари отвечает за самую сложную часть программы - раздачу. Он

постоянно воюет с простыми деревенскими жителями, которые почему-то считают, что их обманывают.

- Так, я хочу, чтобы вы все сели здесь, вдоль этой стены, в ряд, - говорит он людям, которые ни слова не понимают по-английски. Женщины и дети доставляют ему больше всего беспокойств, толпясь вокруг баков. Матери кричат на Двиджу Хари за то, что он ловит их детей, а иногда пугает их. Двиджа Хари отказывается раздавать пищу, пока все не рассядутся.

Дети скачут перед большими чанами из нержавеющей стали, размахивая своими тарелками и глиняными кружками. Видура отталкивает одного ребёнка, когда тот пытается засунуть руку в горячее кичри. Ребёнок приземляется на свою пятую точку и начинает реветь, а его мать с воплями бросается на Видуру. К ней присоединяются ещё две женщины, злые, как фурии. Двиджа Хари просит их умолкнуть и сесть, но когда Видура переводит, крик лишь усиливается.

Двиджа Хари приказывает раздатчикам занести чаны с пищей обратно во дворец. Как только они начинают делать это, даже мужчины, обычно молчаливые, начинают кричать.

У дворцовых ворот существует невидимая граница, которую человек не должен пересекать без приглашения. Пересечь её - означает войти

в переднее здание, которое служит тамбуром перед непрочной внутренней дверью. Двиджа Хари занимает позицию как раз перед этой линией. Трое морщинистых, бородатых крестьян размахивают перед его носом своими тарелками из фиговых листьев, но Двиджа Хари стоит, не шелохнувшись. Люди отталкивают друг друга, чтобы увидеть, что происходит с их едой.

Крики становятся всё сильнее по мере того, как люди становятся голоднее и злее. По Вриндавану разносится новость, что возле Кешигхата возникли беспорядки. Появляются студенты из университета Шанкара Бабы. Они проталкиваются через толпу вперёд и начинают выкрикивать лозунги на хинди.

- Американские империалистические собаки и пакистанцы собираются оккупировать Индию, - переводит для меня Ачьютананда. - Американские наследники старой Британской империи убивают азиатов во Вьетнаме. Подобно британцам, американцы покровительствуют исламскому государству Пакистан. Американцы воруют пищу у голодающих индийских детей. Американцы пришли во Вриндаван не для того, чтобы накормить голодающих. Американцы просто шпионят здесь. Они собираются установить ракеты в башнях храма Маданамохана. Для чего ещё они делают фотосъемку?

Люди верят студентам. Вскоре они скандируют:
и - ЦРУ, ЦРУ.

Мы с Ачьютанандой входим во внутреннюю дверь и запираем её. Дворцовый сторож сидит перед Божествами и повторяет джапу.

- Я говорил вам, эти люди слишком завистливы, - ругает он нас. Индийцы говорят «слишком» вместо «очень» или «гораздо». - Вам никогда не нужно кормить таких хариджанов, сахиб. Теперь они хотят убить вас. Ведь я вас предупреждал! Они и меня тоже убьют.

- Может быть, нам стоит накормить их, - предлагаю я.

- Мы можем попытаться, - соглашается Ачьютананда.

Мы накладываем кичри на тарелки и мчимся с ними к Видуре, который вручает их людям, столпившимся вокруг ворот. Увидев, что индиец помогает американцам, студенты и несколько крестьян приходят в ярость. Они потрясают своими кулаками и угрожают сломать ворота.

- Заходи обратно, - кричим мы Видуре. - Забудь о прасаде.

Он бежит обратно внутрь, захлопывая и запирая за собой дверь. Ачьютананда и я бежим вверх к передним комнатам. В окно мы видим Двиджу Хари, охраняющего границу. Он выглядит, как защитник Аламо. Позади него, совершенно испуганные, стоят Шивананда и Уддхава.

, - И что теперь? - кричу я вниз.

- Нужно сообщить в храм Радха-Дамодары, - кричит Двиджа Хари.

Но как выбраться из дворца? Парадные ворота - это единственный выход. Толпа строит баррикады, заполняя собой всё пространство перед воротами. Студенты продолжают подстрекать людей.

Я бегу в свою комнату и выглядываю в окно. Под ним сидят курильщики ганджи и поедатели бханга, кланяясь лингам Шивы и повторяя свои молитвы. Если я выпрыгну из окна, я приземлюсь прямо на линги.

- Беги к входу! - кричит Аччютананда. - Быстрее! Они бросают камни.

Я бегу через двор и отпираю дверь. Снаружи Двиджа Хари отталкивает мужчин, которые упорно заталкивают его обратно. Уддхаве попали камнем в плечо.

- Давай, заходи внутрь, - говорю я ему.

Мы не можем позволить толпе войти в переднее здание. Только ворота могут защитить нас от неё. Каким-то образом мы должны вытолкать толпу назад и закрыть большие ворота.

Аччютананда выбегает со своей дандой санныяси. Это первый раз, когда я вижу его с ней. Он передаёт данду Двиджа Хари, который размахивает ею, делая полукруговые движения, выкрикивает боевой клич - «И-я-я!» - и набрасывается на изумлённую толпу. Когда люди отпрыгивают назад, мы пытаемся закрыть ворота, но мужчины бросаются вперёд и останавливают нас. Двиджа Хари снова размахивает дандой, и на этот раз мы захлопываем железные ворота и запираем их.

Люди стоят снаружи и пристально смотрят на нас. Их внезапное молчание ещё более устрашающе, чем крики. Мы не пустили их во дворец, построенный кровью и потом их предков. Мы враги. Мы захватили их дом, но теперь они загнали нас в ловушку.

Неожиданно толпа снова начинает кричать, даже ещё более яростно. Я никогда не слышал таких гневных выкриков. Что мы им сделали? Хотели угостить прасадом?

Даже на лицах женщин и детей дикий, воинственный взгляд апачей. Неужели это те самые услужливые индусы, которые подавали мне ласси, когда я делал покупки? Они сотрясают ворота, подобно молодому слону, только что ощутившему свою силу.

Студенты начинают бросать камни. Им повезло. Прямо рядом с храмом Югал-кишора большая каменоломня. Камни наполняют воздух, и мы забегаем внутрь, чтобы спасти свою жизнь.

- Дорогой Кришна, защити нас, - молится Двиджа Хари. Мы смотрим на него как на военачальника. - Сейчас в храме Радха-Дамодары

уже должны всё знать, - говорит он. - Они должны послать за помощью.

- Кто? - спрашиваю я. - Кто за кем пошлёт?

- Преданные пошлют за полицией.

- Но как они узнают?

- Шрила Прабхупада знает, - говорит он. - Не думай, что ему неизвестно об этом. Об этом все знают.

Непрерывный град камней сотрясает стены дворца. Малати хватается Сарасвати и бежит наверх в свою комнату на втором этаже. Брахмачари смотрят на Двиджа Хари. Кулашекхара нигде не видно. Я поворачиваюсь к Аччютананде.

- Что нам теперь делать?

- Молиться, - говорит он.

- Предполагается, что мы должны молиться только о том, чтобы обрести больше преданного служения, - говорю я.

- Что ж, чтобы совершать его, тебе нужно остаться в живых.

- О Шрила Прабхупада, выгните нас отсюда, - молится Двиджа Хари.

- Я надеюсь, ты хорошо запер ворота, - говорю я ему.

- Естественно! Что я, по-твоему, сделал?

- Пошли, - зовёт меня Аччютананда. - Давай поднимемся наверх. Мы снова поднимаемся по лестнице и глядим вниз на толпу.

- Теперь ты видишь Сверхдушу в их сердцах?

- Да, - говорю я. - Она управляет ими посредством гуны страсти.

- Значит, Кришна защитит Своих преданных.

Студенты проталкиваются к воротам. Используя большое бревно в качестве тарана, они начинают бить по запору.

- Что происходит? - Двиджа Хари подбегает к окну. - О Боже! Дорогой Кришна, спаси нас! Ворота треснут, как яйцо. Мы должны сделать хоть *что-нибудь*.

Студенты подбегают к воротам с бревном, и я слышу громкий стук. Ворота пока держатся. Появляются ещё студенты, которые несут с собой бревно больших размеров. Они снова ударяют в то же самое место, но ворота выдерживают удар. Они атакуют ворота снова и снова, пока они не распахиваются настежь.

- Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе, - повторяем мы.

Толпа заполняет переднее здание. Дети скачут и орут, а женщины радостно приплясывают. Студенты потрясают в воздухе кулаками и победоносно вздымают руки. Главное препятствие - железные ворота - преодолено. Потребуется всего несколько секунд, чтобы разломать

внутреннюю дверь.

- Знай, что то, что пронизывает всё тело, неразруσιμο, - говорит Двиджа Хари, цитируя Бхагавад-гиту. - Никто не может уничтожить бессмертную душу.

Его неожиданное, необъяснимое спокойствие вдохновляет нас. Может быть, это даёт о себе знать его подготовка во время службы в морской пехоте?

- Наверное, нам нужно поприветствовать их прасадом, - говорит он,

улыбаясь. - В конце концов, они неотъемлемые частички Кришны.

- Дня меня нет другого Господа, кроме Кришны, - молится Ачьютананда, - и Он останется Им навсегда, даже если грубо обнимет меня или разобьёт мне сердце, не показываясь передо мной...

Что они намереваются сделать? Разграбить дворец? Избить нас? Убить? Толпа - тело без головы - способна на всё что угодно. Может быть, они пощадят Малати и её дочку Сарасвати. Индийцы так любят детей. Но в 1857 году британцы не пожалели даже детей.

- Они называют нас обезьянелицами, - говорит Ачьютананда.

Точно, ещё в 1965 году, в мой прошлый приезд дети обзывали меня обезьяной. Я то думал, это из-за бороды, а оказывается дело в цвете лица. Я в шоке припоминаю розовые морды резус-макак.

- *Тумкодджиндха марега! Тумкодджиндха марега!*

- Смерть американцам! Смерть обезьянелицам! Кришна - для индийцев! - переводит Ачьютананда.

- Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе, - повторяем мы.

Вопли и крики усиливаются. Там начинает происходить что-то другое. Я слышу рёв двигателей подъезжающих грузовиков. Люди внутри холла бросаются к выходу; а те, кто снаружи, проталкиваются во внутрь. Внезапно я вижу людей в камуфляже и с *латхи*, тяжёлыми дубинками. Это военные.

- Джай! Мой преданный никогда не погибнет, - говорит Ачьютананда, цитируя Господа Кришну.

Как только люди видят солдат, они бросаются врассыпную. Содца-

ты размахивают дубинками. Через две минуты пространство вокруг дворца расчищено.

- Вот это да! Ты видел *это*? - восклицает Двиджа Хари. - Все исчезли! На улице ни души! Это нечто!

На внутренней странице «Тайме оф Индия» даже появляется небольшая заметка, в которой сообщается о «великой осаде» дворца Лакшми-рани-кундж.

НАПАДКИ НА ИНОСТРАНЦЕВ

Инспектор Дилип Кумар из окружной полиции Матхуры подтвердил, что во второй половине четверга были получены сообщения о беспорядках, связанных с присутствием в округе иностранцев. Толпы людей протестовали против проживания иностранцев в районе Вриндавана. По прибытии армейского патрульного подразделения № 685 люди мирно разошлись. Арестов не зафиксировано.

- Вам повезло, - говорят нам позже. - Эти солдаты просто случайно проезжали мимо.

Глава 23 Примирение

На следующий день после того, как солдаты разогнали толпу, Шри-ла Прабхупада созывает собрание, пригласив на него своих духовных братьев, доктора Капура и Гаурачанда, а также двух лидеров округа, Мохана Прасада и Свами Тапасьянанду. Конечно же, Гаурачанд, которому, должно быть, уже за восемьдесят, а то и все девяносто, может только предложить свой возраст и репутацию, а также, глядя на нас через толстые линзы своих очков, восклицать: «Джая Радхе! Рупа, Санатана - ки - джай!»

Кто действительно может нам помочь, так это инженер Мохан Прасад с его политическими связями. Всего за несколько часов он устраивает встречу с мировым

судьёй Вриндавана и двумя членами *панчаята*, своего рода горсовета в нижней квартире Шрилы Прабхупады в храме Радха-Дамодары.

Мировой судья, Ракеш Шарма, толстый, добродушный брахман, получает неплохую прибыль от выращивания и продажи пшеницы и сахара. Он очень впечатлён Шрилой Прабхупадой. Во время беседы он время от времени наклоняется, чтобы коснуться стоп Прабхупады. Он считает его самым главным садху Вриндавана и международным посланцем.

Господин Шарма прославляет Бхагавад-гиту как она есть Шрилы Прабхупады и предлагает финансовую помощь в издании её перевода на хинди, которое планируется в следующем году. Когда Прабхупада указывает на то, что большинство комментаторов пытаются присвоить себе славу Кришны, господин Шарма соглашается.

- Да! Да! Как раз об этом я говорил своей семье все эти годы. Никто не слушает меня. Я говорю им: «Этот комментатор завидует Кришне. Он хочет занять положение Кришны». Конечно, молодые люди сегодня даже и не интересуются этим, а жена говорит, что обилие философии вызывает у неё головную боль. Иногда я обсуждаю Бхагавад-гиту с *пандитами* в храме Банки-бихари. Теперь, наконец-то, есть Гита, которую я могу порекомендовать людям.

Он касается лбом экземпляра Бхагавад-гиты, которую ему дал Прабхупада.

Поговорив немного о Бхагавад-гите, Прабхупада задаёт откровенный вопрос:

- Что случилось во дворце у Кеши-гхата?

- Часть проблемы состоит в том, что жители Вриндавана не понимают вашей миссии, - говорит Шарма, готовый к этому вопросу. - Если только мы сможем объяснить им, что это движение Шри Чайтаньи Махапрабху, они изменят своё отношение.

- Я приглашаю вас прийти сюда и жить вместе с нами, - говорит Прабхупада. - Вы можете поговорить с любым из моих учеников и понять, что им никто не промывал мозги. Они не курят и не употребляют наркотиков, даже кофе и чай не пьют. Кто выдвигает подобные обвинения?

- Мы расследуем это, Шрила Прабхупада, - говорит господин Шарма. - Мы понимаем, что кто-то клеветает на вас. Это прискорбно. Это пройдёт. Но я уверяю вас, что ваши бхакты будут безо всякого страха ходить по улицам Вриндавана, как и все наши граждане. Эта анархия должна прекратиться.

Один взгляд на Ракеша Шарму говорит о том, что перед вами человек, который чётко знает, где нужно оказать давление, когда и с какой

силой. Его семья на протяжении веков принадлежала к брахманской элите Матхуры и Вриндавана, со времён Акбара и даже раньше. Господин Шарма является одним из основателей фонда «Шри Кришна Джанма-бхуми», и в настоящее время он помогает очистить место рождения Кришны от мусульман. Он сообщает Шриле Прабхупаде, что в ближайшие десять или пятнадцать лет будет воздвигнут величественный храм Радха-Кришны, по сравнению с которым мечеть Аурангзеба будет казаться просто карликом.

- Наступает золотой век индуизма, Шрила Прабхупада, - говорит господин Шарма. - И вы - наш самый выдающийся лидер. Я уверяю вас, что именно ваша Бхагавад-гита как она есть будет продаваться в Джанма-бхуми-мандире.

Мандир, которым он хвалится, будет соперничать с храмом Кешавадева, который разрушил Аурангзеб.

- Если бы только этот мерзавец Аурангзеб мог знать! - потирает руки господин Шарма. - Он не терпел ни одного здания выше его собственного. А теперь наша *шикхара* будет возвышаться над его *идгол*.

- Калаявана сгорел заживо, испепелённый взглядом великого мудреца Мучукунды, - говорит Прабхупада. - Калаявана преследовал Кришну, чтобы убить Его. Последняя его мысль была: «Сейчас я убью Кришну». Поэтому говорят, что этот Аурангзеб был Калаяваной, всё ещё пытающимся убить Кришну, снося храмы Кришны и разрушая Божества. Те, кто сейчас противостоят движению Господа Чайтаньи, подобны Аурангзебу. Мы открыто говорим, что Кришна - Бог, и им это не нравится. Поэтому они говорят, что мы хиппи, шпионы и как... как это называется?

- ЦРУ, - говорит Гурудас.

- Да. Правительственные агенты. Смехотворно, как вы сами можете видеть.

- Да. Где этот человек, который говорит такое? - спрашивает господин Шарма, вызывая воображаемого противника. - Пусть выйдет вперёд. Я лично пну его в лицо.

- Никто никогда не посмеет выйти, - говорит Гурудас.

- Тогда я сделаю заявление, - говорит господин Шарма, - что я лично удостоверяю, что подобные высказывания совершенно необоснованны. Это положит конец всем этим проблемам, я обещаю.

Затем Ракеш Шарма встаёт перед Прабхупадой со сложенными ладонями и наклоняется, чтобы ещё раз коснуться его стоп.

- Спасибо, - говорит Прабхупада, предлагая намаскар.

- Ваши успехи - это сияющая путеводная звезда для всех бриджаба-

си, - говорит господин Шарма. — Вы наш самый выдающийся гражданин, преданный Господа Кришны. Жители Вриндавана любят, восхищаются и почитают вас. Несколько шакалов могут лаять, и всё. Люди увидят, как распространяется ваша слава.

Следующим утром Шрилу Прабхупаду посещает инспектор полиции Нагендра Кумар, который тоже кланяется, касаясь его стоп. Он краток. Сообщение о беспорядках в Кеши-гхате он получил вчера, всего через несколько минут после того, как толпа была разогнана. Ведётся следствие. Четверо дополнительных пеших полицейских будут патрулировать участок между храмом Радха-Дамодары и Кеши-гхатом. Больше никаких демонстраций во Вриндаване не будет. В течение дня мы можем безо всякого страха ходить по главным улицам. Относительно вечернего времени совет только один: оставаться дома.

- Мы опросили множество студентов, - говорит инспектор Кумар. - Среди них есть элементы, за которыми мы ведём наблюдение.

Затем, снова предложив свои поклоны, инспектор Кумар с рёвом уносится на своем мотоцикле «Радждут».

* * *

Вечером Шрила Прабхупада выступает перед самой большой аудиторией, которая когда-либо собиралась в этрм дворе. Нет ни одного свободного места, где можно сесть. Всем любопытно послушать, упомянет ли Прабхупада об инциденте в Кеши-гхате.

- Духовная жизнь в сознании Кришны является единственным способом нашего объединения, - говорит Прабхупада. - Только очистившись в служении Господу от ложных отождествлений, мы сможем стать союзом, единым целым. Это уровень Вайкунтхи, атмосфера Вриндавана. На Голоке Вриндаване у птиц, пчёл, воды, деревьев, цветов, пастушков центр жизни - Кришна. Это Вриндаван. Во Вриндаване мальчики-пастушки не знали, что Кришна - Верховный Господь. Они просто любили Его всем сердцем и душой. Таков Вриндаван. Если мы просто придём к такому пониманию и научимся любить Кришну, то весь мир станет Вриндаваном. К сожалению, в данный момент даже во Вриндаване много беспорядков из-за того, что мы желаем чего-то, отличного от служения Кришне. Отсутствует центр. Нашей целью должно быть служение Кришне нашими чувствами, очищенными от ложных обозначений. Это трансцендентный уровень. Вайшнава не следует считать европейским или американским. Нет. Эти юноши и девушки забыли, что они родом из Европы или Америки, или что они когда-то были католиками или иудеями. Подобно этому, мы

должны забыть, что «я индус», «я брахман». Мы должны избавиться от обозначений. Мы должны позабыть обо всех этих ложных отождествлениях: «О, это иностранцы. Зачем они приехали? Нужно найти повод для ссоры с ними и выжить их отсюда». Так много глупостей совершается

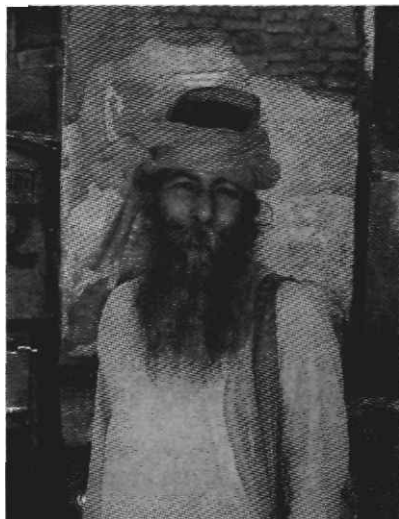

из-за недостатка настоящего духовного образования. Это плохо. По крайней мере, для Вриндавана. Люди не получили должного обучения, не познали дух Вриндавана; поэтому происходят подобные вещи. Чувства, свободные от обозначений и занятые в служении Господу, - вот жизнь Вриндавана, атмосфера Вриндавана.

Если существует какая-то другая цель, отличная от этой, то очень сложно воспользоваться преимуществом и удачей нашего проживания во Вриндаване.

Шрила Прабхупада оглядывает аудиторию. Я чувствую дискомфорт и смущение, сидя среди бриджабаси. Он делает знак Прадьюмне, который начинает читать из «Нектара преданности»:

Пока человек считает, что принадлежит семье, обществу или человеку, про него говорят, что он находится в плену внешних материальных отождествлений. Однако, осознав, что он не принадлежит ни семье, ни обществу, ни какой-либо стране, но вечно связан с Кришной, человек поймёт, что его энергия должна использоваться не в интересах так называемых семьи, общества или нации, а в интересах Кришны. Такова чистота цели и уровень чистого преданного служения в сознании Кришны.

Какое революционное утверждение! Когда-то на Второй авеню Прабхупада сказал нам: «На самом деле они не понимают того, что я

говоря. Если бы они действительно поняли, они бы убили меня».

- Это движение сознания Кришны подразумевает, - продолжает Прабхупада, - что никто не должен думать, что он принадлежит к какой-то определённой семье, вероисповеданию или нации. Все эти отождествления породили хаос. Я считаю страну своей только из-за того, что живу здесь двадцать или тридцать лет. Но я здесь гость. Всё принадлежит Кришне. Однако если человек не обучен в сознании Кришны, он считает себя собственником. Это майя. Люди со всех концов света будут приезжать во Вриндаван, потому что они слышат о Вриндаване и Кришне. Естественно, они горят желанием приехать сюда. Но если мы не примем их из-за своей мелочности и ограниченности, то это будет большой неудачей. Поэтому, пожалуйста, выслушайте мою просьбу.

Те, кто живёт во Вриндаване, должны быть готовы принять иностранцев, которые обучаются сознанию Кришны. Их нужно принимать и приветствовать. Такова моя просьба. Преданный всегда рад видеть другого преданного. Когда индеец находится за границей и видит другого индийца, он подходит к нему и говорит: «О, ты откуда? Ты давно здесь?» Подобно этому, как только мы видим преданного, мы должны гореть желанием поприветствовать его и поговорить с ним о Кришне.

Как только преданные встречаются, они говорят о Кришне и пытаются понять Кришну. Бхакты черпают огромное наслаждение в таком общении. Вы должны быть счастливы видеть другого преданного. Разговаривайте с ним о Кришне и забудьте обо всех этих ложных обозначениях. Больше спасибо.

Вопросов после лекции никто не задаёт. Шрила Прабхупада поднимается в свою комнату, и несколько преданных следуют за ним. Он долго сидит за своим столиком, ничего не говоря. Мы сидим перед ним, тихо повторяя джапу.

- Печально, - вздыхает он наконец. - Так много моих соотечественников забыли ведическую культуру, хотя Чайтанья Махапрабху утверждал, что долг каждого, кто родился в Бхаратаварше, - распространять сознание Кришны. А им нужны только материальные удовольствия. Поэтому расширять это движение придётся вам. Делайте это, и победа будет за вами.

* * *

Шрила Прабхупада продолжает следовать своему распорядку, переводит с двух до четырёх утра, принимает омовение и проводит мангаларати своим Божествам. На рассвете он идёт на утреннюю прогулку

вдоль берега Ямуны в сторону храмов Имлитала и Мадана-мохана, затем возвращается в храм Радха-Дамодары, чтобы прочитать утреннюю лекцию по «Нектару преданности». После этого он завтракает, даёт ученикам даршан, отвечает на письма и, сидя на крыше под тёплым утренним солнцем, принимает массаж, который делает ему Шрута-кирти. После массажа он отдыхает, лёжа на бамбуковой циновке за низким столиком в своей комнате наверху.

Проснувшись, он возобновляет литературную деятельность, иногда вызывая меня, чтобы проконсультироваться по поводу определённого перевода или дать новую работу для редактирования. Сейчас он стремится напечатать как можно больше песней Шримад-Бхагаватам, самого выдающегося произведения в его жизни. Закончены только пять из двенадцати песней. Поскольку его комментарии гораздо длиннее, чем сам текст, завершение этого проекта потребует гигантских усилий. Потребуется примерно сорок или пятьдесят томов. Он также хочет, чтобы двенадцать или более томов его перевода Чайтанья-чаритамриты были изданы и распространены сейчас, при его жизни. Прабхупаде семьдесят шесть, и он прилагает огромные усилия, чтобы закончить эти великие произведения.

И при этом он по-прежнему даёт утренний и вечерний даршаны по темам «Нектара преданности» и Шримад-Бхагаватам. Вечером ученики собираются в его комнате для неформальной беседы, которая продолжается до тех пор, пока Шрута-кирти не приносит горячее молоко и пападамы и не объявляет, что Шрила Прабхупада должен отдохнуть. Прабхупада спит с девяти или десяти вечера до часу или двух ночи, после чего встаёт и снова начинает переводить и комментировать.

После инцидента мы ещё больше начинаем ценить руководство Прабхупады.

- Что нам теперь делать, Шрила Прабхупада?

- Просто продолжайте свою деятельность в сознании Кришны, - говорит он. - Кришна защитит вас.

Мы следуем его совету, наблюдая, как события разворачиваются сами собой. Видеть это поистине удивительно. Прабхупаде не приходится ничего делать.

- Майя-деви, - говорит он, - стоит перед преданным со сложенными руками, просто ожидая возможности послужить ему.

Мировой судья и инспектор полиции были лишь первыми ласточками в длинной веренице помощников и доброжелателей. Теперь после утренних лекций Шрута-кирти приходится просить преданных

подождать, пока Прабхупада закончит встречи со всеми своими индийскими посетителями. Многие из них являются свами, гуру и управляющими храмами. Несмотря на некоторые теологические расхождения, они все признают Прабхупаду редкой душой, махатмой, человеком с Вайкунтхи, превосходящим все учения и вероисповедания.

Прабхупада доволен их поддержкой и оказывает всем любезный приём, предлагает каждому кресло, хотя никто не принимает его предложения. Он улыбается каждому гостю и приглашает остаться на прасад. Все садятся на пол вместе с Прабхупадой перед его маленьким алтарём с Радхой и Кришной. О беспорядках во дворце никто не упоминает, так же как никто не говорит на какие-либо философские или религиозные темы. В этом нет необходимости. Каждый знает, какое положение занимают другие. Просто одним своим присутствием эти лидеры оказывают нам свою поддержку. Во Вриндаване таким садху, как Прабхупада, по-прежнему выражают почтение как близким спутникам Господа Кришны, достойным всего того почтения, которое выражается Самому лотосоокому Господу.

Духовный сан многочисленных садху, которые посещают Прабхупаду, не остаётся незамеченным для людей. Все знают, почему они приходят. Эти люди не из разряда тех, кто слоняется по улице без дела. На самом деле, увидеть их на улице - большая редкость. Многие из них являются благородными, возвышенными душами, духовными лидерами, чьи планы никогда не расстраиваются, поскольку они всегда находятся в согласии с Кришной. Они знают, что обычные люди следуют по их стопам, и поэтому всегда заботятся о том, чтобы их поведение было образцовым.

Нападение на дворец заметно повлияло на снижение напряжённости, и люди в нашем присутствии ведут себя более свободно - на самом деле они веселятся, словно мы вместе выкинули какую-то шутку. Я замечаю, как в течение двух дней происходит перемена настроения. Для меня это начинается, когда торговец бананами на перекрёстке даёт мне десять бананов вместо восьми. Это суровый юноша, который никогда не улыбается, и на мгновение мне кажется, что он хочет получить больше денег. Он заворачивает бананы в газету и удостоверяет то, что я заметил: «Десять, баба, не восемь». Крошечные бананы весят совсем немного, но они значительно поднимают настроение и могут скрасить самое грустное утро.

Другие преданные тоже начинают замечать подобные жесты. Портной на углу не берёт с Малати денег за то, что подшивает юбку

Сарасвати. Молочник останавливается, чтобы дать Ямуне упаковку молока с более свежей датой. Рикши не жалуются, когда мы платим им за проезд точную сумму. Торговцы разменивают купюры по сто рупий. Кассиры в банке начинают разговаривать на более понятном английском. На почте стало возможным отправлять радиogramмы. Преданным предлагают десятипроцентные скидки на кхади - дхоти и курты. Продавцы газировки перестают требовать непомерный залог за бутылки, а вместо этого говорят: «Принесите обратно». Молоко с нашей молочной фермы необъяснимым образом становится более жирным и вкусным. И, что самое главное, перестают летать камни.

Во Вриндаване нет местной газеты, но это не имеет значения. Языки Лой-базара разносят информацию быстро и, пожалуй, более точно. Новости и их интерпретации распространяются от ниши к нише, от квартала к кварталу.

К нашей радости и удивлению, из этой передраги с дворцом мы вышли если не героями, то, по меньшей мере, хорошими ребятами. Мы никому не причинили вреда, мы не вызвали полицию, и не выдвигали никаких обвинений. Студенты просто сделали из себя посмешище (несколько из них даже получили повреждения), поверив в смехотворные слухи, которые теперь опровергнуты мировым судьёй и полицией. Кто знает, откуда пошли эти слухи? Лучше забыть о них. Шрила Прабхупада - самый прославленный гуру Вриндавана, чистый преданный Кришны. Как вообще возможно его одурачить? Если он ручается за искренность иностранцев, то этого достаточно.

Когда я иду на Лой-базар покупать курты, маленький улыбчивый владелец магазина говорит:

- О, беспорядки у Кеши-гхата? В наши дни слишком много бандитов. В прошлом году они причинили беспокойство моему тестю.

Хари Прасад, торговец бжествами, подзывает меня и спрашивает, не хочу ли я купить ещё наряды для моих Радхи и Кришны.

- О, я думаю, нет, спасибо, - говорю я.

- Это правда? - спрашивает он. - Ваш Прабхупада покупает Джай-пур-мандир?

- Нет, насколько я знаю, - отвечаю я.

Он покачивает головой из стороны в сторону на свой индийский лад, как будто отказываясь от этого слуха, затем говорит:

- Хороший мандир. Хороший для вас. Купите его.

Мы замечаем дополнительный полицейский патруль, который ходит вокруг храма Шахджи. Полицейские, мужчины средних лет с большими усами, прохладжаются в чайной на углу возле Шахджи. Они

патрулируют пространство от Майтхун-кунджа до Кеши-гхата. Днём Малати угощает их возле дворца травяным чаем и качори. Около восьми утра заступает другая смена, и им достаётся сладкий имбирный чай. Естественно, наше публичное распространение прасада было временно приостановлено.

Через неделю после первого визита судья Шарма приходит снова и с удовольствием рассказывает Прабхупаде, что его жена и дети каждый вечер присоединяются к нему, чтобы получить даршан Бхагавад-гиты как она есть.

- Я каждый вечер прочитываю восемь стихов, - говорит он. - На английском. Таким образом, мои дочери тоже изучают этот язык.

Сообщив Прабхупаде, что он хочет принять его и всех преданных у себя дома, господин Шарма говорит:

- Любой, кто занимает здесь какое-то значительное положение, подвергается своего рода испытаниям, Прабхупада. Вы только что прошли через него и не обожглись.

- Кришна защищает Своих преданных, - говорит Прабхупада.

- Да, но это произошло также благодаря тому, что все вас уважают. За те годы, что вы жили здесь, вы произвели на людей очень большое впечатление. Мы были в курсе вашей деятельности за границей. Она совершенно удивительна. Мы знаем, что никто не способен на подвиги в преданном служении без помощи Кришны.

- Энергия Господа Чайтаньи даёт силу этому движению, а не я, - говорит Прабхупада.

- Но именно вы сделали так много.

- На самом деле, я сделал совсем немного. Теперь, когда эти юноши и девушки распространяют это движение по миру, слава переходит к ним. Я не обрабатывал их и не сулил денег. Они пришли по своей воле, со своими собственными деньгами. Они профессионалы, а не попрошайки. Кришна послал их мне, потому что старый человек в одиночку не может открывать центры, строить храмы, печатать и продавать книги. Откуда у меня силы, чтобы делать подобные вещи? Но силы Кришны безграничны. Он видит, что эти дети искренни; поэтому Он обеспечивает успех нашему движению. Это движение невозможно остановить, потому что оно неотлично от Кришны.

- Я думаю, некоторые люди уже начинают понимать это, Прабхупада, - говорит господин Шарма, снова касается стоп Прабхупады, затем - своего лба и откланивается.

Глава 24

Последние дни

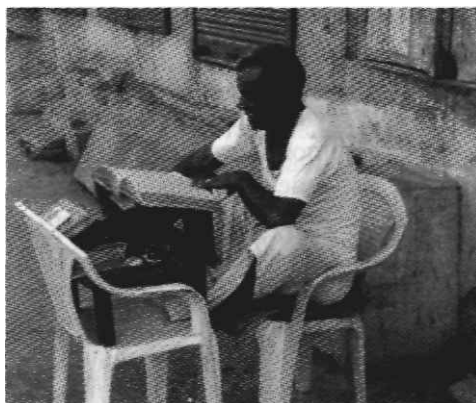
Следующие две недели - прохладные ночи и ясные дни ноября - проходят быстро. Многие из преданных возвращаются по домам в храмы в Европе и Америке. Они едут на автобусе или тонге до Матхуры, а затем на поезде до Дели. Осенние праздники прошли: Джанмаштами, Раса-лила, Радха-кунда-пуджа, Говардхана-пуджа и Ямараджа-пуджа.

Теперь время от времени наступают холодные зимние ночи, когда высоты Гималаев недостаточно, чтобы воспрепятствовать ледяным ветрам, дующим с сибирских равнин. В самые холодные ночи декабря и января крестьяне иногда замерзают до смерти. Хижины из глины и соломы почти не защищают от холода. Некоторых морозы застают там, где они живут на протяжении всего года - под открытым небом. Большинство жителей Северной Индии не готовятся к зиме вовсе. Они носят те же самые дхоти и курты, что и весной и летом, и те же самые сандалии без носков.

Когда становится очень холодно, люди заворачиваются в шерстяные одеяла, собираются вокруг керогазок в чайных магазинах и киосках, торгующих орехами бетеля, и жалуются на погоду, как будто случилось что-то необычное и через несколько часов всё изменится. В течение зимнего дня выпивается огромное количество чая. «Завтра будет теплее», - говорят люди, прекрасно зная, что для этого нет никаких причин.

Поэтому все наслаждаются ноябрём - убывающими приятными деньками перед наступлением холодных ночей. После захода солнца люди сидят на открытом воздухе, ходят в храмы или магазины, или слоняются по улицам, попивая чай и куря биди. Затем, в десять вечера, все укладываются спать.

Индийцам никогда не нужны часы, чтобы понять, что пора отходить ко сну. Во всех городах и деревнях по всему субконтиненту, в различных кастах и племенах свет выключается в десять вечера. Создаётся впечатление, что они следовали этому обычаю с начала творения.

«В начале дня Брахмы бесчисленные непроявленные живые существа переходят в проявленное состояние, а затем, когда наступает ночь Брахмы, они вновь становятся непроявленными. Каждый раз с наступлением дня Брахмы все существа появляются на свет и начинают действовать, а с приходом ночи помимо своей воли уходят в небытие».

Никаких пьяных гуляк, спортивных машин с разрывающимися от рок-н-ролла радио на улицах. Во время приятного месяца Картика, когда в воздухе стоит аромат цветов кадамба, а павлины мяукают, как коты, вриндаванские молодые люди, самое большое, сидят перед чайными ларьками и потягивают чай. Нет никаких девушек, прохаживающихся тут и там в надежде понравиться какому-нибудь мужчине. Нигде не видно ни торговцев наркотиками, ни проституток, ни алкоголиков, ни торгующих гамбургерами забегаловок, ни кинотеатров - ничего, что отвлекало бы ум от чарующей медитации на таинство жизни, величественное представление Господа Кришны, разворачивающееся здесь день за днём.

* * *

Ракеш Шарма сдерживает своё обещание, принимая Шрилу Прабхупаду и преданных в своём доме, хаотичном одноэтажном бетонном строении с черепичной крышей. Трое слуг трудятся в поте лица, обслуживая сотню гостей - членов панчаята и мелких бизнесменов - элиту Вриндавана, которые горят желанием встретиться с Прабхупадой. Шрила Прабхупада сидит за столом, устланном шёлковым кашмирским ковром, а мы - у его стоп на коврах, покрытых чистыми белыми простынями. Он начинает петь Харе Кришна, и мы повторяем за ним. Звук его глубокого баритона наполняет комнату, призывая Кришну. Сначала мы поём святые имена тихо, затем вдохновляемся силой этого голоса, наполненного преданностью. Посторонние разговоры прекращаются, так как все слушают Прабхупаду. Когда он соединяет цимбалы вместе, он закрывает глаза, концентрируясь на святых именах. Его брови сдвинуты, и по телу пробегает дрожь. Всеобщее внимание приковано к его лицу, лучезарному и счастливому, сияющему оттого, что он каждое мгновение повсюду видит Кришну.

Гости, сидящие на белых простынях в позе лотоса, присоединяются к пению. По крайней мере, на какое-то время они забыли о своих кабинетах и должностях. Прабхупада произносит небольшую речь о своей миссии в Америке и своих надеждах распространить сознание Кришны в Индии. Он призывает всех гостей помочь в осуществлении его проектов в Рамана-рети, Бомбее и Бенгалии.

После этого господин Шарма пытается организовать приём, во время которого люди обычно смешиваются и болтают за коктейлем. Вместо этого нам раздают арбузный сок. Вскоре я понимаю, почему в это время обычно подают спиртное. Возникает неловкая ситуация, когда члены панчаята и бизнесмены в упор смотрят на преданных, а преданные не отводя глаз смотрят на них.

Человек, обменявшийся со мной взглядом, провел свою жизнь в удобном офисе Государственного банка Индии. У него есть собственный дом и большая семья, он является членом различных образовательных и коммерческих клубов, приверженцем западных ценностей, но он находится слишком далеко от Запада, чтобы что-то знать о его культуре. Мгновение он пристально смотрит на меня, как будто я выставлен в зоопарке с табличкой «Житель Запада». Каким странным я должен казаться для него!

Я понимаю причину его замешательства. Как я могу отвергать то, ради чего он так тяжело трудится? Может быть, это какой-то обман? Неужели мир обещает лишь небытие? В его глазах я ощущаю настойчивую просьбу: «Господи, парень, будь откровенным со мной! Не позволяй мне всю оставшуюся жизнь гнаться за пустотой».

Он ни о чём не спрашивает. Он знает, что я ему отвечу. Он слышал, о чём говорил Шрила Прабхупада. Он знает, что от него требуется. Мой внешний вид - дхоти и шикха - говорит ему, какое решение я принял. Банкир опускает глаза, глядя на свой арбузный сок, как будто это мартини. Момент для разговора упущен. Он прячется за улыбкой, говорит «Харе Кришна» и робко пробирается в сторону веранды, где собрались его друзья.

Тем не менее, никто не может избавиться от присутствия Прабхупады. Оно достаёт бизнесменов и политиков даже на веранде. Вскоре я вижу, что все они сидят там в молчании, держа пустые чашки в липких от арбузного сока руках. Они глазеют на Прабхупаду так, как американские дети таращатся на телевизор.

Приём у господина Шармы - это наше последнее приглашение в частный дом. На следующий день Прабхупада объявляет, что через неделю, 15 ноября, он отбывает в Хайдарабад. Оттуда он поедет в Бомбей и Калькутту. А что ещё он может сделать? Преданных обманули при оплате в рассрочку за собственность в Джуху. Наверное, малярия повлияла на их разум. Они позволили хитрым посредникам обвести их вокруг пальца.

Прабхупада приглашает меня в Хайдарабад. Он хочет, чтобы я был

с ним для редактирования, поскольку его работа над Шримад-Бхагаватам идёт полным ходом. Он даже угрожает, что перестанет писать, если мы не будем за ним успевать.

Я специально еду в Матхуру, чтобы отправить заказной почтой посылки с рукописями в типографию в Лос-Анджелес. Стопки писем, сваленных на полу, напоминают мне о почте, плывущей по Ямуне, и я задаюсь вопросом, дойдет ли вообще рукопись до места назначения. Наклеив почтовые марки, я дожидаюсь, пока марки погасят, а пакеты положат в кучу посылок, приготовленных на отправку. Я сохраняю все квитанции.

За три дня до отъезда мы сопровождаем Прабхупаду в храм Имлитала, где нас принимает Нитьянанда Свами и несколько других духовных братьев Прабхупады. Они приготовили грандиозный пир.

Брахмачари ставят ведра с прасадом перед Божествами на алтаре: пряный рис с натёртым миндалём, сладкий рис, банановые оладьи, суп из *мунг-дала*, сабджи из кабачков, пакоры из цветной капусты, картофельные качори, сабджи из шпината, сладкий горячий соус из манго, изюмное *чатни*, а также ведра с прохладным арбузным соком, в котором плавают кожура от лимонов.

Пуджари, сутулый жилистый старик, звонит в колокольчик и кладёт понемногу каждого блюда перед Божествами Радхи и Кришны. Он размахивает палочками благовоний и произносит мантры. Затем двери алтаря закрываются, чтобы Божества могли насладиться пиром в уединении.

Шрила Прабхупада сидит во дворе на прямом деревянном стуле рядом с Нитьянандой Свами и другими своими духовными братьями и долго разговаривает с ними на хинди. Прабхупада говорит с ними совсем другим тоном, чем когда он говорит с нами. Когда я слышу его естественный, свободный хинди, я поднимаю глаза, чтобы убедиться, что это действительно его голос.

У них с Нитьянандой такие близкие, проверенные временем отношения, что им даже не нужно подтверждать то, что они говорят друг

другу. Прабхупада долго о чём-то рассуждает, а Нитьянанда сидит с беспристрастным лицом и слушает, пока Прабхупада не перестает говорить. Нитьянанда продолжает некоторое время сидеть молча, затем кивает в знак того, что он всё понимает и со всем согласен. Затем он какое-то время говорит низким голосом, и Прабхупада наклоняется вперёд, опираясь на свою трость, и говорит «Хм. Хм», будто подчёркивая фразы Нитьяланды. Затем, показывая в нашу сторону, Прабхупада говорит по-английски:

- Взгляни на моих учеников! Все они очень опытные, квалифицированные люди. Дома у них у всех есть свои машины, и они умеют ими управлять. Хаягрива

- профессор,

Ачютананда

хорошо знает хинди

и бенгали,

Шьямасундара

изучает философию,

Гурудас - фотограф.

У них есть всё -

деньги, образование,

все прелести

западной жизни, но

они не

удовлетворены, разочарованы материальной природой. Поэтому Кришна привлёк их. Он позвал их к Себе и сказал: «Оставьте все эти глупости». И разумные юноши пошли. Они приходили на лекции и слушали, стали издавать журнал «На пути к Богу», петь в парках и на программах в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и Сан-Франциско. Теперь у нас около шестидесяти центров по всему миру. Кришна помогает нам, потому что ребята искренние. Может быть, они не могут правильно произносить *шабду*, но это не важно, в конце концов, они жители Запада, и для них всё это чуждо. Главное - Кришна слышит их. В этом их успех.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не прервать Прабхупаду и не сказать, что всё могущество исходит от него, но я молчу, зная, что он получает огромное удовольствие, прославляя своих учеников.

Один из брахмачари объявляет, что пришло время прасада. Когда Прабхупада замечает, что брахмачари готовят для него отдельный стол, он останавливает их. Ничего этого ему не нужно. Он будет сидеть на полу вместе со своими духовными братьями.

Брахмачари, крепкие ребята с тонкими усиками, раскладывают

тарелки из фиговых листьев на полу тёмного коридора, ведущего из кухни. Это прохладное и очень удобное место для принятия пищи. Прабхупада садится на полу рядом с Нитьянандой и другими монахами и ждёт, когда брахмачари положат ему что-нибудь.

Ачйотананда, Шьямасундара, Гурудас, Шрута-кирти и я принимаем прасад в залитом солнцем саду. Раздатчики только успевают подкладывать нам новые порции качори и банановых оладий. Банановые оладьи, смазанные мёдом, необычайно вкусны. В самом разгаре трапезы отключается электричество, и брахмачари зажигают вдоль коридора свечи. Никакой праздной болтовни. Все почитают прасад в задумчивом

молчании.

Шрила
Прабхупада
отражает натиск
послеобеденного
сна прогулкой
вдоль реки. Он
особенно
обходителен с
пожилыми монаха-
ми. На хинди он
спрашивает
каждого о его

благополучии. Большинство его духовных братьев, учеников Бхактисиддханты Сарасвати, старые и больные люди. С неистощимым терпением Прабхупада внимает их хриплым голосам. Кто ещё уделил бы внимание их несчастьям? Прабхупада кивает и иногда похлопывает их по плечу, как бы говоря: «Ну что ж, всё не так плохо, правда?»

Мне становится интересно, наступит ли такое время, когда я, составившись, буду так же сидеть где-нибудь в храме с моими престарелыми духовными братьями и вспоминать об этих днях с Прабхупадой. Каким далёким всё это будет казаться! Какие юноши и девушки в двадцать первом веке будут слушать наши рассказы о тонгах, рикшах, дворцах, махараджах, серебряных качелях, базарах, людях и праздниках Вриндавана прошлого века? Кто поверит во всё это? Или Вриндаван останется вечно неизменным, застыв во временной шкале преданности, в которой раджариши строят чатры, чтобы привлечь странствующих мудрецов, а Божества сходят с алтарей, чтобы убежать с каким-нибудь великим бхактой?

- Как здесь спокойно! - говорю я Ачйотананде. - Я бы не задумы-

ваясь порвал свой паспорт и прожил остаток жизни здесь, в этом ашраме.

- Тебе бы здесь нравилось, - говорит он, - пока бы не закончились твои туристские чеки.

Позже днём Прабхупада говорит нам, что наши храмы должны стремиться к тому стандарту, который установлен в храме Имлитала.

- Такая преданность, как у них, встречается очень редко, - говорит он.

* * *

Четырнадцатое ноября. Последний вечер во Вриндаване. Завтра Шрила Прабхупада едет в Дели на машине, а я должен буду взять такси до железнодорожной станции в Матхуре, чтобы сесть на «Тадж экспресс» до Дели. Я должен буду встретиться с Прабхупадой в доме господина Агарвала на Большом Кайласе.

Вечером мы собираемся на прощальную встречу в храме Радхарама. Судья Шарма и главный пуджари храма произносят несколько слов в знак признательности за международные успехи Прабхупады.

- Благодаря могуществу чистого преданного Господа Кришны, - говорит господин Шарма, - Кришна и Баларама снова проявятся перед нами на том же самом месте, где Они когда-то играли детьми.

Прабхупада поёт «Джая Радха-Мадхава» и играет на цимбалах. Он сидит перед шёлковым гобеленом, на котором изображён Кришна, поднимающий холм Говардхан. На картине можно увидеть только лицо Господа, поскольку всё Его тело покрыто гирляндами из лотосов. На мизинце левой руки Он держит Говардхан.

«Кришне не нужно напрягаться изо всех сил, как Атласу», - сказал однажды Прабхупада.

Бриджабаси ищут прибежище под холмом, спасаясь от ливня Индры. Они стоят перед Господом Кришной, молитвенно сложив ладони. Ещё под холмом укрываются белые коровы, украшенные красными отпечатками рук. Хотя вокруг них бушуют смертельные дождевые потоки, бриджабаси и их коров они несколько не беспокоят.

Прабхупада сидит на коврике перед гобеленом, располагаясь таким образом, что кажется, будто стопы Кришны покоятся на макушке его головы. Когда он так поёт, закрыв глаза, он сливается с картиной, присоединяясь к бриджабаси, укрывшимся под сенью Говардхана. Я почти слышу проливной дождь Индры и громохвот облаков самвартака. «Датта. Дамьята. Даядхвам, - гремит гром. - Милосердие. Самоконтроль. Сострадание». «Кришна! Кришна!» - сверкают молнии. Прабхупада на английском благодарит господина Шарму и лидеров храма Радхарама за их добрые слова и заверяет всех, что он скоро

вернётся.

- Благодаря удаче, благодаря благочестивым поступкам, совершённым вами в прошлых жизнях, вы обрели общество Вриндавана, - говорит он. - Теперь вы должны осознать истинный дух Вриндавана. Так же как имя Кришны неотлично от Кришны, точно так же неотличны от Него Его игры, спутники, святая дхама и Его атрибуты. Вриндаван неотличен от Кришны. Когда Он нисходит, Вриндаван приходит вместе с Ним. Сейчас будущее Вриндавана на этой планете представляется очень светлым. Господин Шарма говорил о возрождении индуизма, и теперь эти юноши и девушки проявляют к этому интерес. Поэтому мы должны быть очень внимательными и следить за тем, чтобы атмосфера Вриндавана поддерживалась в соответствии со стандартами, установленными Рупой и Санатаной Госвами. Не позволяйте влиянию Кали - недозволенному сексу, мясоедению, одурманиванию и азартным играм - войти сюда. Поддерживайте своё сознание Кришны и перешагните через телесные отождествления «индиец, индус, американец, брахман, брахмачари, санньяси, кто угодно». Во Вриндаване есть только одно отождествление: «слуга Кришны». Живите в этом сознании, и истинный, чистый, вечный Вриндаван, исполненный блаженства и знания, всегда будет с вами. Большое спасибо. Прабхупада заканчивает, и мне кажется, что сейчас он повернётся и уйдёт в картину, к пастухам под холмом Говардхан. Снимая тяжёлые гирлянды из бархатцев, он кланяется Радхарамане. Большие лотосоподобные глаза Господа смотрят на нас с гобелена и с алтаря. Шрута-кирти укутывает Прабхупаду в лёгкий шерстяной чадар.

- Всё в порядке, - говорит Прабхупада, и возвращает ему накидку.

Он одаривает наших хозяев прощальной улыбкой и выходит на улицу к ожидающему его мальчику-рикше, который нетерпеливо начинает вращать педали, горя желанием поскорее приступить к своему делу.

Глава 25

Отъезд

Мне снится, что я в храме. Пуджари делает подношение Божествам Радха-Кришны. Лотосоподобные стопы Кришны тёмные сверху и розовые снизу, а на лодыжках жемчужные браслеты. Одна стопа стоит прямо; другая едва касается пальцами подставки и скрещена с ногой, которая поддерживает вес тела. Я медитирую на эти лотосоподобные стопы. *Говиндам ади пурушам там ахам бхаджами.* Я поклоняюсь Говинде, изначальному Господу... Пусть Его лотосопо-

добные стопы навечно запечатлятся в моём уме и сердце. Пусть они взойдут в моём сознании, подобно солнцу, наполнив светом мою жизнь... О Кришна, даруй мне только одну вещь, достойную обладания: преданное служение Тебе. Пожалуйста, позволь мне служить Тебе вечно. Не дай забыть о Тебе, кем бы я ни родился, на какой бы планете ни оказался...

Неожиданно я просыпаюсь. Стоит тёмная ночь. В дворцовое окно, выходящее на Ямуну, не проникает никакого света. Неужели я слышу звуки круглосуточного киртана? Да. «Радхе Шьям, Радхе Шьям, Харе Кришна, Харе Рам». Речной бриз подхватывает эти слова. Кажется, что эти мантры вечно звучат в атмосфере Вриндавана.

Какой чудесный сон! Мысль о Кришне неотлична от Кришны. Когда Кришна и Баларама вышли на арену для борьбы, жители Матхуры с восхищением глядели на Их молодые тела. Думать о Кришне - то же самое, что чувствовать Его присутствие, а думать о жителях Матхуры, наслаждающихся мыслями о Кришне, - всё равно, что самому наслаждаться вкусом их любви.

Господь улыбался и танцевал на капюшонах огромного змея Калии. Праламбасура уносил Балараму на своих плечах, а Он крепко схватил демона за шею и легко остановил ударом Своего могучего кулака. У духовной силы никогда не может быть соперников. «Я - сила сильного».

«О Баларама, Господь Шеша-нага, ложе Вишну, источник духовного могущества, одари нас силой, чтобы сразаться с Майей-деви».

На моих часах час ночи. Через девять часов я буду сидеть в «Тадж экспрессе», мчащемся в Дели. Как бы мне хотелось остаться во Вриндаване! Однажды, очень скоро, я вернусь сюда. И, возможно, когда-нибудь я и правда выброшу свой паспорт и буду жить на рисе, дале и чапати. Дни и ночи я буду посвящать книгам, как Госвами. Я куплю билет в один конец и войду во Вриндаван, подобно пожилым людям и вдовам, и уйду, только когда пепел с моего погребального костра поплывёт по Ямуне в сторону Аллахабада.

Звуки круглосуточного киртана становятся отчётливей - «Радхе Шьям, Радхе Шьям, Харе Кришна, Харе Рам» поют голоса, и им вторят барабаны и цимбалы. Они будут петь и завтра вечером, когда я буду в Дели, и через неделю, когда я буду в Хайдарабаде, и через месяц, когда я буду в Калькутте, и весной, когда я вернусь в Америку. И они по-прежнему будут петь годы спустя, когда я буду готов выбросить свой паспорт и остаться здесь до конца, пока мой прах не поплывёт вниз по течению. И даже после этого пение не прекратится.

Я задерживаюсь на берегу сознания, раздумывая, не погрузиться ли мне снова в океан снов. Зачем за них цепляться? Далёкие барабаны и цимбалы будоражат и волнуют меня. Эти звуки киртана - наша связь с Богом. Почему мы должны думать, что Бог постигается лишь в молчании, когда мы закрываем глаза? Он всегда здесь - и в грёзах, и в глубоком сне, и наяву. Пыль дневных грёз застилает наши глаза, словно клубы пыли, поднимающиеся над Северо-Индийской равниной, над этой серой, истощённой землёй, больше не получающей подпитки от гималайских снегов.

Вокруг Говардхана летают величественные ястребы: парикрама их совсем не волнует. Зоркие птицы пикируют вниз и хватают змей времени, затем взмывают вверх и исчезают в голубом небе. Время, поглощённое пространством: Гаруда, уничтожающий змей Кали-юги. Пространство, наш друг, ждёт, чтобы принять нас. А Кришна ждёт нас за порогом времени и пространства... Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе. Я плохо сплю в ночь перед поездками. Что это, тревога? Предчувствие чего-то? Да уж. Думая о ястребах, я снова погружаюсь в океан снов.

Это Ты!

«О Кришна, пожалуйста, удали Своё неземное сияние, чтобы я мог увидеть Твой исполненный блаженства облик».

Я не знаю, где я. Пейзаж на заднем фоне - это, наверное, Голока Вриндавана, потому что передо мной сидит Господь. Каким-то образом я натолкнулся на Него. Он облокотился на камень, смотрит на меня и улыбается. Он такой красивый в этих серьгах и ожерелье, в золотом шлеме с камнями, который венчают павлиньи перья. В руке Он держит флейту. Его одежды жёлтые, как молния, а цвет тела напоминает тучу в летний день, набухшую от непролитого дождя. У Него тёмные глаза и длинные, иссиня-чёрные волосы. Наверное, нет никого прекрасней ни здесь, ни за пределами мироздания, которое исходит из Него. Передо мной Кришна, Господь.

Он встаёт, как будто собирается поприветствовать меня.

«Отец мой! - кричу я. - Сын, Брат, любимый Друг, Возлюбленный, Ты для меня... *всё*!»

Он исчезает. Вместо Него появляется послание: «Я могу быть для тебя *всем* чем угодно».

Я просыпаюсь и включаю свет. Мне кажется, что комната сверкает драгоценными камнями, воздух мерцает и светится. Я выключаю свет, лежу в темноте и размышляю о значении моего сна, пока меня не зовут на мангала-арати.

«Я могу быть для тебя всем чем угодно. Я могу быть для тебя всем чем угодно». Эти слова преследуют меня, звуча, будто мантра, когда я в последний раз иду от Кеши-гхата в храм Радха-Дамодары.

«В Своей непроявленной форме Я пронизываю всю эту вселенную, - говорил Кришна Арджуне, сообщая ему самое сокровенное знание. - Все существа пребывают во Мне, но в то же время всё сотворенное находится вне Меня. Узри Моё мистическое могущество! Я - опора всего сущего и пребываю повсюду, и с тем же Я не являюсь частью мироздания, ибо Я - его источник».

В этом суть учения Бхагавад-гиты. Некоторые люди говорят, что Бог - это всё, но знают ли они, что это значит? Кришна говорит Арджуне, что Он, безусловно, - всё сущее, но Он также имеет форму, вечную и запредельную. В том истинный трансцендентализм. Большой шутник, Кришна написал суть Упанишад и Вед на футболке грузчика в аэропорту. Лотосокий Господь заговорил со мной, как только моя нога ступила на Его землю.

Какой же я невежа! Почти месяц жить рядом с Кришной в Его обители и не осознать этого! Только месяц, или всю жизнь, или бесконечно дольше?! Как же сильно я обусловлен!

Это правда! Правда! Всё, что сказал Шрила Прабхупада, - совершенная истина! Какой же я глупец! Она в книгах; она звучит в воздухе на безупречно чистом языке. Тут нет тайны. Бхагавад-гита ясна, как безоблачное вриндаванское утро. Это не какие-то таинственные иероглифы. Знание даётся на санскрите, на английском, на хинди - на всех языках.

Что держит нас в невежестве? Пыль на зеркале ума? Необузданные желания? Что мешает правильно слушать? Может, стоило позволить чистильщику ушей прочистить мне уши? Но чтобы вычистить серу из ушей всего человечества, нужны тысячи чистильщиков. «Все хотят увидеть Бога, - однажды сказал Прабхупада. - Но почему вы так полагаетесь на своё зрение? Спящий человек не может видеть. Но он может слышать. В Кали-югу, когда все спят, слушание гораздо важнее. Даже во сне вы можете услышать, как кто-то говорит: «*Джив джаго*! Проснись! Вставай! Поднимайся с колен ведьмы Майи!»

После арати я повторяю круги во дворе храма Радха-Дамодары. Рассвет озаряет небосвод. Я поднимаюсь в комнату Шрилы Прабхупады. Шрута-кирти укладывает вещи, а Прабхупада сидит за своим столиком. В комнате больше никого нет. Я склоняюсь в поклоне.

- Джай! Харе Кришна, - говорит Прабхупада.

- Этой ночью мне приснился удивительный сон.
- Да?
- Мне приснился Кришна.
- Это не обычный сон, - улыбается Шрила Прабхупада.
- Мне вообще первый раз снится Кришна.
- Сны о Кришне и духовном учителе - не обычные сны, - говорит он. - Если духовный учитель даёт тебе во сне наставления, ты должен следовать им.
- Всё было так ясно, - говорю я. - Это видение не было похоже на обычный сон. И когда я проснулся, я всё помнил.
- Джай! Когда ты полностью находишься в сознании Кришны, ты всегда думаешь о Кришне. Ты действуешь для Кришны, дышишь для Него, ты видишь и слышишь Кришну, касаешься Его и даже ощущаешь на вкус, ты чувствуешь аромат Кришны и видишь о Нём сны. Это сознание Кришны.
- Я никогда не забуду этот сон, - говорю я.
- Да. Он благословение Кришны. Никогда не забывай о Кришне.
- Там также было послание, - говорю я. - Он сказал: «Я могу быть для тебя всем чем угодно».
- Чем?
- Всем чем угодно.
- Да, - смеётся Прабхупада. - Чем угодно. Это Кришна. Всем, и даже больше, чем всем. Он находится в каждом атоме творения, и Он также здесь, в Своей обители, Голоке Вриндаване. Это философия Чайтаньи Махапрабху: *ачинтъя-бхеда-абхеда-таттва*.
- Шрила Прабхупада, мне нужно возвращаться в Кеши-гхат. Я должен спешить, чтобы успеть на поезд.
- У тебя есть адрес господина Агарвала?
- Да. На Большом Кайласе.
- Ачча.
- Что ж, если на то будет воля Кришны, сегодня днём я увижусь с вами в Дели, - кланяюсь я. - *Нама ом вишну-падая кришна-прештхя бху-тале шримате бхактиведанта-свамин ити нами́не*.
- Джай! *Парам виджаяте шри-кришна-санкиртанам*.
- Он снимает свою гирлянду и набрасывает на меня, когда я встаю перед ним на колени.
- Здесь во Вриндаване было так замечательно, Шрила Прабхупада, - говорю я. - Для меня большая честь и благословение быть с вами в святой дхаме.
- Спасибо, - говорит он. - Тогда увези атмосферу Вриндавана с

собой. Вриндаван всегда в сердце преданного. Возьми его с собой.

- Я попытаюсь. Но я так быстро всё забываю.

- Просто повторяй Харе Кришна. Там, где повторяются святые имена, там Вриндаван.

- Спасибо, Шрила Прабхупада.

Я снова кланяюсь, касаюсь его лотосоподобных стоп и ухожу.

* * *

По пути в Матхуру тонга проезжает через Лой-базар. Ещё одно вриндаванское утро! Магазины только начинают открываться. Торговцы раскладывают свои товары, а женщины подметают пыльные улицы соломенными вениками. Собаки потягиваются, стряхивая с себя сон, и начинают искать пищу. Из храма на углу доносятся звуки барабанов и цимбал. Наша маленькая лошадка бежит рысцой по дороге мимо Радха-Мадхава-мандира и Акрура-гхата.

Я с ногами сажусь на свой рюкзак. Рядом со мной, упакованные в коробку, стоят божества Радха-Кришны, предназначенные для общины Нью-Вриндавана в Западной Виржинии. Их одежды и украшения упакованы отдельно.

Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе. «Там где Ты, *там* Вриндаван». Так один из Госвами сказал Господу Чайтанье Махапрабху. Мальчики гонят коров по тропинкам, уходящим в сторону от дороги. Коровы останавливаются, чтобы пощипать траву. Я чувствую их чистое благоухание, слышу крики мальчиков и звон колокольчиков на шеях коров. *Говиндам ади-пурушам...* Говинда: Тот, кто дарует наслаждение коровам; Тот, кто приносит наслаждение уму и чувствам. Кришна: Тот, кто привлекает душу. «Кришна» - это самый чистый звук, это звук, который приведёт нас домой и спасёт от всех грехов.

Возвращаюсь в мир Кали-юги. Сначала доеду до Матхуры, а оттуда дорога приведёт меня в Дели, затем мой путь лежит в Хайдарабад, Калькутту, Бомбей, Нью-Йорк и так далее. Кто знает, куда ведут эти дороги, какие радости и печали, удовольствия и мучения нас ожидают? Что бы ни случилось, куда бы я ни забрёл, пусть я никогда не забуду Кришну, все эти чудесные дни месяца Картика, проведённые здесь со Шрилой Прабхупадой, великим учителем бхакти-йоги. Да, эти дни в обители Кришны незабываемы...

Кучер что-то напевает себе под нос, а лошадка выбивает энергичный ритм по дороге. Я слышу голос Прабхупады, он повторяет, настаивает: «Возьми Вриндаван с собой! Возьми Вриндаван с собой...»

ОБ АВТОРЕ

Хаягрива Свами, Говард Уилер, родился в 1940 году в Пенсаколе, штат Флорида, и вырос на юге штата. Он работал в университете Северной Каролины, в Новой школе социальных исследований (бакалавр искусств, 1963 год) и в университете Нью-Йорка (магистр искусств, 1964 год). До 1971 года он преподавал английский язык в университете Огайо. В шестидесятые и семидесятые годы был редактором журнала «На пути к Богу», а также книг Бхагавад-гита, «Нектар преданности», Шримад-Бхагаватам, Чайтанья-чаритамрита и множества других. Он тесно общался с Прабхупадой и установил высокий литературный стандарт для всех изданий ИСККОН и Бхактиведанта Бук Траст. Благодаря его замечательной редакции Бхагавад-гита как она есть заслужила лестные отзывы критиков, а также стала самым ходовым изданием Бхагавад-гиты за всю историю мира. Она вышла тиражом более двадцати миллионов экземпляров (на 1990 год). Путешествуя со Шрилой Прабхупадой по Америке, Европе и Индии, он записал сотни лекций Прабхупады и составил из них маленькие популярные брошюры: «Совершенство йоги», «За пределами рождения и смерти», «На пути к Кришне», «Путь совершенства» и другие. Его статьи и очерки, опубликованные в журнале «На пути к Богу», показали широкую культурную основу сознания Кришны и помогли связать ведическую философию с западным трансцендентализмом¹⁷, в частности, в американской литературе. В 1968 году он помогал основать общину Нью-Вриндаван в Западной Вирджинии и до 1973 года исполнял обязанности её президента. Его беседы со Шрилой Прабхупадой на Гавайях и в Лос-Анджелесе в 1976 году легли в основу крупной работы по сравнительной философии под названием «Диалектический спиритуализм: ведический взгляд на западную философию». Его книга «Взрыв Харе Кришна», подробная хроника событий того, как Шрила Прабхупада начинал движение, была признана классическим образцом общественно-религиозной истории. В книге «Вриндаван» он делится своими впечатлениями, накопленными за время дюжины путешествий в Индию в течение последних двадцати двух лет.

В марте 1989 года рак спинного мозга приковал его к постели, и врачи сказали, что жить ему осталось не больше шести месяцев. Он покинул этот бренный мир 31 августа 1989 года, работая над своей последней книгой «Умри до того, как ты умрёшь», которая была издана после его смерти.

Перед самой смертью Хаягрива Свами написал: «Я молю Господа Кришну и Шрилу Прабхупаду всегда занимать меня в служении Им. Прошу лишь о том, чтобы куда бы я ни отправился - в рай или в ад, никогда не забыть нашего лотосоокого Господа».

Трансцендентализм - философское и литературное течение в США тридцатых-пятидесятых годов, объединившее представителей радикальной интеллигенции. Выступая против традиционной для США унитарной трактовки христианства девятнадцатого века, трансценденталисты призывали заменить веру в чудеса персонификацией Бога.

Словарь имён и терминов

А

Агарбатти - благовоние.

Айодхья - царство Господа Рамы на севере Индии.

Алу-бхуджия - жареная вермишель из гороховой муки и картофеля. Обычно эту закуску продают в смеси с орехами и специями.

Ананта-шеша, Ананта-дева - свернувшаяся кольцами гигантская змея, которая служит ложем для Маха-Вишну, возлежащего на водах Причинного океана. Ананта-шеша является проявлением Баларама. Ещё одно его имя - Шеша-нага.

Арати - церемония, во время которой Божеству в храме предлагаются подношения.

Арджуна - 1) один из царевичей Пандавов, герой Махабхараты, друг Кришны, которому Кришна поведал Бхагавад-гиту; 2) особая порода дерева.

Артха - материальное процветание.

Арча-виграха - изваяние Господа, установленное в храме или дома для поклонения; воплощение Господа в форме материальных элементов, таких как дерево, камень и т.д.

Асана - почётное место для духовного учителя. Другое название - вьясасана.

Асур - демон-атеист; закоренелый материалист.

Атма - индивидуальное «я», душа.

Ачарья - 1) духовный наставник, обучающий своим личным примером; 2) в широком смысле глава религиозной организации.

Ачча - «Хорошо! Порядок!» Общераспространённое восклицание, выражающее согласие или одобрение.

Ачинтья-бхеда-абхеда-таттва - доктрина, провозглашающая одновременное и непостижимое единство и отличие Господа и Его творения.

Ашрам - 1) обитель; 2) дом духовного учителя; 3) духовный уклад в варнашрама-дхарме.

Аюрведа - «наука жизни», древняя система медицины, основанная, главным образом, на лечении травами и гармоничном образе жизни.

Бабаджи — странник, человек ведущий жизнь в уединении, посвященную духовному поиску.

Бакшиш - милостыня.

Баларама - старший брат Господа Кришны, первое проявление Кришны, воплощение духовной силы Бога.

Бетель — сорт ореха, обладающий слабым опьяняющим действием; его жуют для освежения рта и предотвращения появления дурного запаха.

Биди - скрученный в трубочку маленький табачный лист; сигарета бедняков.

Брахма - полубог, который создает материальную вселенную.

Брахма-бхута - стадия, на которой живое существо испытывает трансцендентное блаженство и осознаёт: «Я не материя, а живая душа».

Брахма-самхита - молитвы Брахмы, прославляющие Господа Кришну.

Брахман - 1) всепроникающий безличный аспект Господа; 2) представитель касты интеллектуалов и священнослужителей.

Брахмачари - ученик, соблюдающий целибат.

Бриджабаси - житель Вradжи.

Бхагавад-гита — «Песнь Бога», знаменитая беседа между Господом Кришной и Арджуной на поле битвы Курукшетра.

Бхагаван - «владелец всех богатств». Кришна, Верховная Личность Бога.

Бхаджан — 1) песня поклонения; 2) любой из различных методов поклонения Господу.

Бхаджан-кутир - маленькая хижина для уединённого поклонения Господу.

Бхаджи - турецкий горошек со специями.

Бхакта - возлюбленный слуга Бога; преданный, идущий путём бхакти-йоги.

Бхакти - чувства преданности.

Бхакти-йога - наука о том, как приблизиться к Богу через служение с любовью и преданностью.

Бхакти-расамрита-синдху - «Океан нектара преданности». Трактат о науке бхакти-йоги, написанный Рупой Госвами.

Бхактивинода Тхакур (1838-1914) — отец Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати.

Бхактисиддханта Сарасвати Тхакур (1874-1936) - основатель Гаудия-матха, духовный учитель А.Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады.

Бханг - катышек из конопли или её настой.

Бхима - один из царевичей Пандавов, прославившийся своей огромной силой и одержавший победу в битве на Курукшетре.

В

Вайкунтха - «место, где нет беспокойств». Вечное духовное небо, царство Бога.

Вайшнава - преданный Кришны или Вишну.

Вайшья — торговец или земледелец.

Валла - суффикс, указывающий на человека, особенно рабочего. Его можно добавить к любому слову: рикша-валла, такси-валла и т.д. В сочетании с названием города он означает уроженца этого места: Бомбей-валла, Калькутта-валла.

Вамана - воплощение Вишну в образе карлика.

Ван — лес.

Вараха - воплощение Вишну в образе гигантского вепря, который спасает Землю из глубин вселенского океана.

Варнашрама-дхарма - ведическая социальная система варн и ашрамов, или социальных слоев и каст. Варны: брахман (священник, учитель), кшатрий (воин), вайшья (торговец) и шудра (рабочий). Ашрамы: брахмачарья (обет безбрачия), грихастха (семейная жизнь), ванапрастха (удаление от дел) и саниньяса (отречение).

Варуна - бог воды.

Васудева - 1) отец Кришны в Матхуре; 2) Кришна, Верховный Господь.

Веданта — «венец знания». Основанное на Упанишадах аналитическое знание, описывающее, главным образом, Брахман, безличный аспект Господа.

Веды — четыре изначальных священных писания (Риг, Яджур, Сама и Атхарва).

Вишну - Верховный Господь в четырёхрукой форме.

Враджа - область вокруг Вриндавана.

Вринда - священное растение туласи.

Вришни - знаменитый царь династии Яду и основатель династии Вришни, в которой родился Господь Кришна.

Вьяса (Ведавьеса) - литературное воплощение Кришны. Он составил Веды и написал Пураны, Махабхарату и «Веданта-сутру».

Г

Гамча - лёгкая хлопчатобумажная ткань, которую оборачивают вокруг талии.

Ганга - название священной реки.

Ганджа - конопля, марихуана.

Гандхарвы - музыканты с райских планет.

Гарбха-гриха - алтарь, где служат Божествам.

Гарбодакашаи-Вишну - экспансия Господа Вишну, которая входит в каждую вселенную, создавая разнообразие.

Гаруда - огромная птица, которая носит Господа Вишну.

Гауда - Бенгалия.

Гандия - часть Индии, расположенная южнее Гималаев и севернее гор Виндия. Иногда её называют Арьяварта, или страна арьянов.

Гандия-матх - общество вайшнавов, основанное Бхактисиддхантой Сарасвати и имеющее филиалы по всей Индии, особенно в Бенгалии. Оно распространяет учение Господа Чайтаньи Махапрабху, делая акцент на повторении Харе-Кришна-мантры.

Гандия-сампрадая - школа вайшнавизма, основанная Господом Чайтаньей Махапрабху.

Гандия-вайшнавизм — движение Господа Чайтаньи, исповедующее исключительную преданность Кришне (Вишну) и повторение имён Господа.

Гауранга - Господь Чайтанья Махапрабху. Слово «гаура», означающее «золотой», имеет отношение к цвету Его кожи.

Гаятри - священная мантра, которую брахманы повторяют в уме трижды в день, выражая почтение солнцу, гуру и Господу.

Ги- топлёное масло.

Говинда — имя Кришны, означающее «Тот, кто дарует наслаждение земле, коровам и чувствам».

Голока Вриндавана - вечная обитель Господа Кришны в духовном небе.

Гопя - мальчик-пастушок.

Гопала - Кришна в образе мальчика-пастушка.

Гопаштами - праздник коров.

Гопи - девушки-пастушки.

Госвами - человек, живущий в отречении и способный контролировать чувства.

Гошала - коровник.

Грихастха - женатый человек, семьянин.

Гулабджамун — шарик из сухого молока, обжаренный в масле и пропитанный сладким сиропом.

Гуна - состояние или качество; добродетель, страсть и невежество — таковы три гуны, или состояния материальной природы.

Гуру - духовный учитель.

Гуру Махарадж - почтительное обращение, которое употреблял Шрила Прабхупада, говоря о своём гуру, Шриле Бхактисиддханте Сарасвати.

Гуру Нанак (1469-1539) - основатель и первый гуру сикхизма.

Гурукула - детская школа под руководством духовного учителя.

Гхат - место для омовения возле реки, озера или любого другого водоёма, обычно оборудовано ступеньками, которые уходят под воду.

Гьяни — йог, практикующий осознание Бога через углубление знаний и эрудиции. Иногда так называют тех, кто поглощён умственными измышлениями.

Д

Дал - горох и супы из него. Дал, рис и чапати являются основной пищей в Индии.

Данда — посох, который носят санньяси.

Дан да пат - «упасть как палка». Выражение почтения, когда человек простирается на земле в поклоне.

Даршан - аудиенция у духовного учителя или Божества.

Дас - слуга. Дополнение к имени: Кришна дас означает «слуга Кришны».

Двапара-юга - эпоха продолжительностью 864 000 лет, которая закончилась пять тысяч лет назад с завершением земных игр Господа Кришны.

Дварака — процветающее островное царство Господа Кришны, находилось на территории современного Гуджарата.

Дева - полубог; **деви** - полубогиня.

Деваки - мать Кришны в Матхуре.

Дипа - светильник на топлёном масле.

Джагад-гуру - гуру вселенной.

Джагай - бандит, освобождённый от грехов Чайтаньей Махапрабху. Брат Малхая.

Джаганнатха - «Господь вселенной». Образ Кришны в храме Джаганнатха-Пури, Орисса.

Джай — «Слава!» Также произносится как «джая».

Джанмаштами - день рождения Господа Кришны.

Джапа - повторение святых имён Бога на четках.

Джапа-мала - четки для повторения мантры.

Джари - вышитая золотой и серебряной филигранью ткань.

Джаты - многочисленное когда-то племя земледельцев, которые одними из первых приняли ислам. Сейчас их социальное положение считается очень низким.

Джая - «Слава!» Альтернативное произношение «джай».

Джаядева - знаменитый поэт, живший в двенадцатом веке, преданный Кришны, автор «Гита-говинды».

Джалеби - оладьи в форме крендельков, сделанные из муки, топлёного масла и сахара.

Джива - индивидуальная душа, бесконечно малая частичка Бога.

Джина Госвами - один из главных учеников Чайтаньи Махапрабху.

Дикша-гуру - иницирующий гуру.

Дивали - праздник светильников, отмечаемый в честь возвращения Господа Рамы из Его лесного изгнания.

Дурга - богиня материальной природы в наводящем ужас образе, отвечающая за наказание и разрушение. Ей также поклоняются как Кали-деви.

Дхама - обитель, святое место.

Дханур-ягья - жертвоприношение боевого лука.

Дхарма - истина, долг, закон Бога.

Дхармашала - гостиница в храмах или священных местах.

Дхоти - кусок хлопчатобумажной ткани, который обматывается вокруг бёдер, пропускается между ног и закрепляется сзади, образуя своего рода шаровары. До появления брюк было в Индии основной мужской одеждой.

Дхупа - разновидность благовония без основы.

И

Идга — место, где собираются мусульмане для молебна.

Имперсоналист - последователь философии имерсонализма, полагающий, что Бог, живые существа и всё в мироздании безлично.

Индра - правитель рая, царь полубогов, божество, управляющее дождём.

Индрапрастха - древний город, располагавшийся на месте современного Дели.

НСККОН (ISKCON) - Международное общество сознания Кришны, основанное Шрилой Прабхупадой в 1966 году.

Й

Йога-мая — вводящая в заблуждение внутренняя энергия Господа. Иногда йога-мая скрывает божественную природу Кришны, позволяя преданным проявлять свою спонтанную любовь к Нему.

К

Каджал — особая смола, которая используется в Индии для подводки глаз; другое название — сурьма. Ею красятся и мужчины, и женщины, и дети.

Кали — 1) наводящая ужас богиня материальной природы; 2) олицетворение века тьмы.

Кали-юга - наступивший железный век продолжительностью в 432000 лет, из которых прошло пять тысяч лет. Последний в цикле из четырёх юг, характеризующийся невежеством, раздорами и насилием. Четырьмя столпами Кали-юги являются незаконный секс, употребление одурманивающих средств, мясоедение и азартные игры.

Калки - воплощение Кришны, которое приходит в конце Кали-юги, чтобы уничтожить безбожников.

Калпа - цикл юг, составляющий один день Брахмы, или 4 320 000 000 лет.

Кама - вождление, неудержимая страсть к чему-либо.

Камса - демонический царь Матхуры, злобный дядя Кришны.

Кантхи-малы - дословно «бусы на шею», короткая однорядная или многорядная нитка бус из дерева туласи, которые носят вайшнавы в знак преданности Вишну.

Капила - воплощение Кришны в Сатья-югу. Изложил философию санхьи в духе преданности.

Кара талы - ручные цимбалы, на которых играют во время киртана.

Карма — закон действий и их последствий; судьба.

Карма-бандха - рабская зависимость от деятельности ради плодов своего труда.

Карми - материалист; тот, кто тяжело трудится ради наслаждения своих чувств.

Картика - октябрь-ноябрь; пора многочисленных праздников.

Катха - обсуждение духовных тем.

Кауравы — сто сыновей Дхритараштры. Они противостояли пяти Пандавам во время битвы на Курукшетре.

Качори — жареный пирожок с горохом или картофелем.

Кешава - «Тот, у кого прекрасные волосы». Имя Кришны.

Киртан - пение Харе-Кришна-мантры и других святых имён, часто под аккомпанемент цимбал и барабанов.

Кичри - блюдо из сваренных вместе риса и дала.

Кули - носильщик, грузчик.

Кумары - четверо сыновей Брахмы, которым дарована вечная юность.

Кункума - красный порошок, используемый женщинами как косметическое средство для украшения тела. Красная точка из кункумы на лбу указывает на то, что женщина замужем.

Кунда — озеро или пруд.

Кунджа - роща, покрытая кустарником местность; лесная беседка.

Курма - воплощение Вишну в образе черепахи.

Курта - лёгкая хлопчатобумажная рубашка без воротника, обычно белого цвета.

Курукшетра - место паломничества в ста сорока километрах к северу от современного Дели, где 5 000 лет назад была поведена Бхагавад-гита и произошло великое сражение между Кауравами и Пандавами.

Кутир — маленький домик.

Клади - простая домотканная одежда.

Кшатрий - «тот, кто защищает других от вреда». Каста воинов или правителей, вторая после брахманов.

Л

Ладду - конфета из гороховой муки, обжаренной в масле с сахарной пудрой.

Лакх - сто тысяч.

Лакшми - богиня удачи, супруга Нараяны, четырёхрукого Вишну.

Ласси - очень вкусный прохладительный напиток, приготовленный из йогурта, сахара и льда.

Латхи - бамбуковая палка или дубинка длиной около метра, используемая полицией.

Лила - развлечение, игра.

Линга или **Лингам** - фаллос, фаллический символ. Очень распространено поклонение лингамам Господа Шивы.

Лунги — лёгкая хлопчатобумажная набедренная повязка.

М

Мадхава - 1) «сладость весны»; 2) «вкус мёда». Имя Кришны.

Мадхай — бандит, освобождённый от грехов Чайтаньей Махапрабху. Брат Джагая.

➤<'

Мадхвачарья-сампрадая - школа, основанная Мадхвачарьей (13 век), который жил в Удипи, в Южной Индии. Он утвердил учение о том, что существует различие между дживами (живыми существами) и Кришной.

Майдан - открытое место или площадь.

Майя - низшая, иллюзорная энергия Верховного Господа, которая правит материальным миром и заставляет живое существо забыть о Кришне.

Майявади - последователь философии имперсонализма, который верит в то, что облик и Личность Бога являются майей, иллюзией, и что высшей реальностью является бесформенный Брахман.

Майя-деви - богиня материальной природы, иллюзорная энергия.

Мангала-арати - первое поклонение Божеству, совершаемое ранним утром до восхода солнца.

Мандала - «круг». Графический символ вселенной. Враджа-мандала имеет форму лотоса.

Мандир - храм.

Мантра - трансцендентный звук, освобождающий ум от влияния иллюзии.

Масала - специи, особенно смешанные.

Маха-бхагавата - величайший из преданных, полностью осознавший Бога, который всё видит связанным с Кришной.

Махабхарата - самая длинная в мире поэма, история великого царства Бхараты, написанная мудрецом Ведавьасой, содержащая в себе Бхагавад-гиту, повествующая о том, как пятеро царевичей Пандавов вернули своё царство, захваченное Кауравами, и достигающая кульминационной точки в описании сражения на Курукшетре.

Маха-Вишну - «великий Вишну», который лежит в Причинном океане и создает вселенные.

Махапрабху - «великий господин». Господь Чайтанья.

Маха-прасад - пища, предложенная непосредственно Божеству или гуру.

Махарадж - князь, царь, вассальный правитель.

Махатма - «великая душа». Тот, кто полностью вручил себя Кришне.

Мирабаи - преданная Господа Кришны, которая жила в шестнадцатом веке во Вриндаване. Она прославилась тем, что писала стихи и песни преданности Кришне.

Млеччха - мясоед. Так называют, главным образом, жителей Запада. Имеет уничижительный смысл.

Мокша - освобождение.

Монизм - от греч. «единство», идеалистический материализм, не проводящий различия между Богом, живыми существами и мирозданием.

Мриданга - двухмембранный глиняный барабан, традиционный для бенгальских киртанов.

Мудры - в классическом индийском танце система поз тела и движений рук, с помощью которых повествуется история или выражаются эмоции.

Мунг-дал — очищенный маш-дал, разновидность бобовой культуры.

Мурти - форма, изваяние Господа или духовного учителя, которому поклоняются на алтаре.

Н

Нага - змея.

Намачарья - «образец повторения святых имён Господа». Типул Харидаса Тхакура.

Намасте, намаскар - «Я выражаю вам моё почтение», «Примите мои почтительные поклоны». Выражение почтения, когда человек склоняется и складывает вместе свои ладони.

Нанда Махарадж - приёмный отец Кришны и богатый предводитель пастухов и царь Враджи.

Нарада — преданный Кришны, образец совершенства среди бхакт, путешествует по всей вселенной и всегда поёт имена Господа. Автор знаменитых сур о бхакти-йоге.

Нараяна — четырёхрукий образ Господа.

Нимбарка-сампрадая - школа бхакти, основанная Нимбаркой Свами (11 век).

Нрисимха - воплощение Господа Кришны в образе получеловека-полульва, который явился, чтобы убить демона Хираньякашипу.

П

Паджама - традиционная для Индии рубашка-косоворотка, чаще идёт в наборе со штанами, другое название такого комплекта «пенджаби».

Пайса - мелкая монета, равная одной сотой рупии.

Пакора - овощи, обычно цветная капуста, которые окунаются в жидкое тесто и обжариваются в масле.

Пан — здесь имеется в виду популярная жевательная смесь из орехов бетеля и охлаждающих специй, подаётся завернутой в лист. Слабое одурманивающее средство.

Пандшвы - пятеро братьев-царей: Юдхистхира, Бхима, Арджуна, Накула и Сахадева. С помощью Господа Кришны они победили в сражении на Курукшетре.

Панда́л - павильон со сценой на открытом воздухе, накрытый брезентом, часто используется для вечеринок и религиозных собраний.

Пандит - сведущий человек, мудрец.

Панду - брат Дхритараштры, отец Пандавов.

Панча-та́ттва - Господь Чайтанья и четверо Его ближайших спутников: Нитьянанда, Адвайта, Гададхара, Шривас.

Панчая́т - деревенский совет. В каждой области имеет полномочия разной силы.

Пападамы - солёные вафли из урад-дала, поджаренные как картофельные чипсы.

Парама́тма — Сверхдуша, Верховный Господь, пребывающий в сердцах всех живых существ.

Парамахамса - «великий лебедь». Преданный, который достиг наивысшего духовного осознания. Подобно лебедю, он плывёт по водам этого материального мира.

Пара́мпа́ра - ученическая преемственность, через которую передаётся духовное знание.

Пара́шрама - воплощение Вишну. Он покарал высокомерных кшатриев.

Пари́крама - 1) обход вокруг святого места; 2) дорога вокруг святого места.

Пата́ла́лока - низшая планета в материальной вселенной, где царит тьма и невежество.

Пра́бу - «господин». Почтительное обращение, часто используемое между собой духовными братьями.

Прасад - «милость». Остатки пищи, которая была предложена Богу.

Преданный (бхакта) - преданный слуга Верховного Господа.

Пуджа - поклонение. Ритуальное подношение всевозможных принадлежностей Богу на алтаре (как то: маслянного светильника, благовонных палочек, цветов, воды в раковине и пр.).

Пуджари - священник, который ухаживает за Божествами и проводит пуджу.

Пураны - восемнадцать эпических дополнений к Ведам и Махабхарате, описывающих историю вселенной, аватар, мудрецов и т.д.

Пури - 1) священный город в Ориссе на берегу Бенгальского залива, местонахождение величественного храма Джаганнатхи; 2) лёгкая, хрустящая сладкая лепёшка из белой муки.

Пурнима - ночь в полнолуние.

Раббри - восхитительное сладкомолочное блюдо, чем-то напоминающее варёную сгущёнку.

Равана - отрицательный герой Рамаяны, демон, похитивший Ситу, возлюбленную супругу царевича Рамы, в итоге павший от Его руки.

Раджари́ши — святой царь.

Радха, Радхарани - вечная супруга Кришны, Его личная внутренняя энергия наслаждения, Его самая любимая гопи во Вриндаване.

Рака - маленькая ниша или домик, в котором находится Божество.

Ракшас, ракшаси — демоны, чудища, колдуны и ведьмы.

Рам - сокращённая форма имени Рама.

Рама, Рамачандра - Бог, воплощение Трета-юги, принц, а позднее царь Айодхьи, герой Рамаяны.

Рамая́на — повествование мудреца Вальмики о славных подвигах Рамы, записанные на санскрите.

Рам-ра. |ж — царствование Господа Рамы.

Раса - 1) доставляющий наслаждение вкус; 2) определённый вид отношений с Верховным Господом.

Раса-лила - танец Господа Кришны с гопи, самая святая из всех игр.

Расагуллы - творожные шарики, сваренные в сладкой воде и пропитанные сиропом.

Раса-пурнима - ночь полнолуния, когда проходил знаменитый танец раса, самая сокровенная из игр Кришны.

Расмалай - расагуллы в сиропе из сгущённого молока.

Ратха-ятра — ежегодный праздник, во время которого Божества Джаганнатхи вывозят на улицы в гигантских ритуальных колесницах.

Рупа Госвами - один из главных учеников Господа Чайтаньи Махапрабху и автор множества признанных книг по бхакти-йоге, включая «Бхакти-расамрита-синдху».

Сабджи - варёные, жаренные или тушёные овощи с пряностями.

Садхана - духовная практика, направленная на осознание Бога.

Садху - странствующий святой.

Самадхи — *Здесь чаще* 1) усыпальницы святых; 2) духовный транс, погружение в сознание Кришны, воссоединение с Богом.

Самоса — пряный пирожок с цветной капустой и зелёным горошком.

Сампрадая - религиозная школа.

Самсара — цикл повторяющихся рождений и смертей, переселение души.

Санатана Госвами - один из главных учеников Господа Чайтаньи, старший брат Рупы Госвами.

Сандеш - творожная сладость.

Санкиртана - совместное пение Харе-Кришна-мантры или других имён Бога.

Санньяса — отречение от мира, когда человек отказывается от половой жизни и имущества, чтобы всё своё время посвятить служению Богу.

Санньяси — человек, который принял обеты санньясы, или отречения.

Санскрит - древний язык, на котором написаны Веды.

Саровара - озеро.

Сари - традиционная индийская женская одежда, отрез ткани длиной 5 - 6 метров, который оборачивается вокруг бёдер и груди, а его свободный конец перекидывается через плечо.

Сат-чит-ананда - естественное состояние души: вечное бытие, полное знание и безграничное счастье.

Сатья-юга - золотой век, длящийся 1 728 000 лет и характеризующийся добродетелью и религиозностью.

Сахаджия — тот, кто воспринимает игры Кришны как материальные развлечения, считая себя или других людей Богом или супругами Бога.

Сахиб — «Мой господин». Уважительное обращение, обычно используемое по отношению к европейцам и американцам.

Сварадж - самоуправление.

Севаит - «тот, кто служит». Потомственный храмовый священник.

Серай - гостиница для путешественников. Изначальное название — караван-сарай.

Сиддхи - сила, особенно одна из мистических сил, когда человек может стать тяжёлым, лёгким, маленьким, большим и т.д.

Сикх - последователь сикхской религии, индуское реформаторское движение, основанное Гуру Нанакм. Их отличительными признаками были бороды и тюрбаны.

Синдур - ярко-оранжевый или красный порошок, смешанный с кокосовым маслом, обычно его наносят на пробор замужние женщины.

Сипай - индийский солдат в британской армии во время правления британцев.

Ситар - древний струнный инструмент.

Смарт-брахман - каста набожных брахманов, которые следуют всем предписаниям Вед, но остаются неспособными достичь духовного осознания.

Сударшана-чакра - изначальное оружие, диск Господа Вишну (Кришны).
Сурабхи - небесная корова, дающая безграничное количество молока.

Т

Табла — вид напольного барабана.

Тилака - знаки, которые наносятся глиной на лоб и другие части тела; означают имена Бога, указывают на принадлежность к той или иной секте и т.д. Обычно глина берётся из святых мест.

Тиртха - место паломничества, святое место.

Тола — десять граммов.

Тонга - запряжённая лошадьми двухколёсная повозка.

Трансцендентное - запредельное; то, что невозможно воспринять материальными органами чувств.

Трета-юга - серебряный век, длящийся 1 296 000 лет, во время которого явился Господь Рама.

Трибханга - знаменитая поза Господа Кришны, в которой Он стоит, изогнувшись в трёх местах.

Туласи - священное растение Вринда с маленькими зелёными мятыми листочками, которое растёт у стоп Вишну. Туласи является воплощением преданности Богу. «Вриндаван» означает «лес туласи».

У

Упавана - роша

Ф

Фисгармония - клавишный музыкальный инструмент.

Х

Халава - десерт, который готовится из поджаренных зерновых [как правило, манной крупы] или крахмала, масла и сахара.

Хану ман - преданный-обезьяна Господа Рамачандры, знаменитый своей силой и верностью.

Харе - в мантре Харе Кришна означает энергию наслаждения Господа, Радхарани, благодаря которой можно достичь Господа.

Хари - Бог, Кришна, Великий Господь.

Хари-нама - имя Хари, Бога.

Харибол — «Повторяй имя Господа Хари!»

Харилас Тхакур - великий преданный и спутник Господа Чайтаньи, прославившийся как намахарья (великий учитель повторения святого имени). Не следует путать с Харидасом Свами, основателем храма Банки-бихари.

Хариджана - «дети Бога». Имя, которым Мохандас Ганди называл неприкасаемых.

Хастинапур - столица Кауравов, на северо-востоке от Дели. Была полностью затоплена Гангой.

Хатха-йога - система йоги, основанная на контроле дыхания и знании поз.

Хунди - ящик для пожертвований.

Ч

Чадар - накидка, чаще шерстяная.

Чайтанья Махапрабху (1486-1534) - воплощение Господа Кришны в век Кали. Он явился в Бенгалии, чтобы учить бхакти-йоге и совместному пению святых имён.

Чайтанья-чаритамрита - наиболее полная биография Чайтаньи Махапрабху, написанная Кришнадасом Кавираджем Госвами.

Чайтья-гуру - Господь, пребывающий в сердцах всех живых существ и дающий наставления изнутри.

Чакра — колесо или диск.

Чамара - опахало из хвоста яка, используемое во время ритуалов.

Чандан - сандаловая паста.

Чанори - сладости в виде маленьких белых шариков.

Чапати - обычный индийский хлеб; пшеничная лепёшка размером с блин.

Чарас — гашиш.

Чараиамрита - ароматная розовая вода или смесь воды и йогурта, используемая во время ритуального омовения Божеств.

Чарпуй - кровать из свитых верёвок, гамак.

Чатни - острый пряный соус.

Чатра - «зонтик». Каменная беседка с рифлёным куполом, который держится на колоннах. Чатры часто строят рядом с храмами, дворцами и гхатами.

Чиллум - глиняная трубка, используемая для курения гашиша и ганджи.

Чинтамани - волшебный философский камень; всё, чего он касается, превращается в золото.

Ш

Шабла - трансцендентный звук, мантра.

Шакти - энергия, духовная или материальная.

Шалаграма-шила - проявление Вишну в форме камня. Шалаграм, «место, где растёт дерево шал», - это священная деревушка, расположенная рядом с истоком реки Гандаки в Непале. Оттуда произошли священные камни (шила), проявление Вишну.

Шанкара - одно из имён Господа Шивы.

Шанкарачарья - великий проповедник ведического монизма, победивший буддизм в Индии. Точные даты его рождения и смерти неизвестны, часто называются восьмой или девятый века нашей эры.

Шанти — умиротворение, источником которого является любовное предание Богу.

Шаранги - струнный инструмент, издающий запоминающийся, неземной звук.

Шастры - богооткровенные писания.

Шенай - духовой инструмент, используемый в храмах, а также для заклинания змей.

Шива - олицетворение разрушительной силы Господа; повелитель аскетов, привидений и ракшасов.

Шикха - пучок длинных волос на затылке, указывающий на то, что человек является вайшнавом.

Шикхара - башня, венчающая храм, обычно непосредственно над алтарём.

Шикша-гуру — гуру, дающий духовные наставления в отсутствие иницилирующего гуру.

Шикшаштака - единственное произведение, состоящее из восьми стихов, которое оставил Чайтанья Махапрабху. В нём подчёркивается важность повторения святых имён.

Шлока - строфа на санскрите.

Шреष्ठха — уважаемый человек, знаменитость.

Шримад-Бхагаватам - главная Пурана, написанная Ведавьасой и повествующая о сотворении вселенной и об играх Кришны во Вриндаване, Матхуре и Двараке.

Шудра - рабочий, представитель низшей касты.

Шьяма - «тёмный». Имя Кришны.

Экадаши - одиннадцатый день прибывающей и убывающей луны; день поста.

Экспансия Господа - воплощение, проявление Верховного Господа.

Ю

Юга - космический век, длящийся сотни тысяч и даже миллионы земных лет. Есть четыре юги:

Сатья-юга, Трета-юга, Двапара-юга и Кали-юга.

Юдхиштхира Махарадж - самый старший из братьев Пащавов, воплощение дхармы, истины; был коронован царём после битвы на Курукшетре.

Явана - низкорожденный мясоед; изначально войны, проклятые брахманами. Иногда употребляется по отношению к жителям Запада.

Ягья - жертвоприношение.

Яду - династия, в которой появился Кришна.

Ямарадж - бог смерти.

Ямуначарья - мудрец, прославившийся своим аскетизмом.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1 Индрапрастха.....	5
Глава 2 Дорога в Матхуру.....	11
Глава 3 Краткая история.....	21
Глава 4 Дорога во Вриндаван.....	29
Глава 5 Шрила Прабхупада в храме Радха-Дамодары.....	39
Глава 6 Даршан.....	56
Глава 7 На крыше.....	62
Глава 8 Утро во Вриндаване.....	68
Глава 9 Храмы Мадана-мохана и Говиндаджи.....	77
Глава 10 Жизнь в храме Радха-Дамодары.....	91
Глава 11 Рамана-рети.....	104
Глава 12 Дворец у Кеши-гхата.....	115
Глава 13 Сады раса-лилы.....	123
Глава 14 Танец.....	131
Глава 15 Парикрама.....	137
Глава 16 Обход храмов Вриндавана.....	150
Глава 17 Паломничество по Враджа-мандале.....	163
Глава 18 Радха-кунда.....	183
Глава 19 Паломничество в Матхуру.....	191
Глава 20 Говардхана-пуджа.....	203
Глава 21 Серебряные качели.....	213
Глава 22 Осада.....	222
Глава 23 Примирение.....	227
Глава 24 Последние дни.....	238
Глава 25 Отъезд.....	246
Об авторе.....	252
Словарь имён и терминов.....	253

Если вы никогда не были в Индии,
то это ваш шанс там побывать.

Давид Ватерман
Книжный обозреватель

Облако Нектара